

Е. ЛУНДБЕРГЪ

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ

«ОГОНЬКИ»

БЕРЛИНЪ

1922

Е. ЛУНДБЕРГЪ

***ЗАПИСКИ
ПИСАТЕЛЯ***

**«ОГОНЬКИ»
БЕРЛИНЪ
1922**

*Обложка работы
Александра Арништажъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ

Это не политическій дневникъ, но дневникъ писателя, желавшаго понять, что происходитъ на родной землѣ. Изъ бытового матеріала, собраннаго авторомъ, въ эту книгу вошли лишь отрывки, связанные съ основной темой. Столкновение революціонной стихіи и человѣческой косности — вотъ величайшая тема нашего времени. И сколько бы пріобрѣтеній октябрьской революціи не смыла обратная волна — одно навѣки уцѣлѣетъ здѣсь, на отмели временъ: отвращеніе къ косности.

Е. Л.

1 9 1 7

Январь. Криница Черноморской губ.

Солнце, тепло, синь небесная и морская. Сегодня — Крещение. И криничане сбѣжали въ полдень съ горы на пляжъ — искупаться въ послѣдній разъ. Не сегодня — завтра ударить нордъ-остъ, и конецъ загостившейся осени. Сорветъ металломъ и стекломъ звенящій листъ, убьетъ травы, рѣчной камышъ, отброситъ далеко прибрежныя воды и подыметъ холодную глубь, бороздя ее ледяными барашками.

На разсвѣтѣ встрѣчалъ я почтальона у рѣчки Пшады. Почти безошибочно знаю, когда придетъ письмо, — дождался и сегодня. Письмо отъ Е. П. необычное. Полно веселья — не личного. Что-то готовится; въ Петербургѣ ли, въ Россіи ли, я не могу понять. Личное отступило въ тѣнь, веселье легкое и жуткое передъ неизбѣжнымъ.

«Станутъ поѣзда, не будетъ писемъ, узнаешь о событіяхъ еще болѣе серьезныхъ — не тревожься. Все будетъ хорошо».

Береговое — село, въ двухъ верстахъ отъ Криницы и отъ моря. Криница — на горѣ, надъ моремъ, среди садовъ, на

южномъ склонѣ ихъ. Налѣво — излучины, видны Сочи, зубцы предгорій, иногда даже снѣга вершинъ. Направо — лѣсистые холмы съ крутыми щелями, горизонтъ замкнуть, но за мысомъ снова просторъ. А Береговое — настоящее, крестьянское село. Прорѣзаютъ его русла трехъ рѣчекъ, въ долинѣ осенью ни прохода, ни проѣзда, крестьяне блѣдны отъ малярии, дѣти вырождаются. Садовъ нѣтъ, хаты — на пути нордъ-оста, зимою теплаго угла не найти. Звали ихъ къ морю, на террасы побережья, въ кизиловыя и дубовыя чащи — на что имъ? Сулили шоссе, плотины отъ разливовъ, свайныя огражденія — отказались, на что имъ? Море — будетъ война, турка приплыветъ; шоссе — бродягамъ только и нужно пороги обивать; сады — «культурникамъ», ученымъ, изъ господъ, что засѣли въ щеляхъ и на перевалахъ и странно-одинокую ведутъ здѣсь жизнь, отказавшись отъ городовъ, отъ книгъ, — и прелестью утренняго роснаго воздуха угашаютъ ночную тревогу половинчатыхъ, никогда не сытыхъ душъ... Ничего не нужно крестьянамъ. По крестьянски. Я вижу, какъ они живутъ, люблю ихъ — и не люблю. Не люблю за то, что имъ ничего не нужно. Хотя они не спокойны, завистливы и далеко не мудры.

Когда долго нѣтъ писемъ и газетъ, — иду въ Береговую. Не надо спрашивать мужика о томъ, что онъ знаетъ. Онъ задумается — и совретъ, или не скажетъ ничего. Надо — не беспокоить его. О погодѣ, о фасоли, о табакѣ, о заколотомъ кабанѣ. И вдругъ повѣдаетъ. Нашихъ бьютъ; сынъ Сидора Кривенка убитъ; Фома лежитъ искалѣченный шрапнелью въ Геленджикѣ; на желѣзныхъ дорогахъ готовится забастовка. Царица помогаетъ нѣмцамъ; снарядовъ мало; жизнь дорожаетъ; еще одинъ наборъ, — кто съѣсть будетъ? Помочь бѣдѣ одна забастовка можетъ. Станутъ поѣзда, пойдетъ армія домой — конецъ войнѣ.

Такъ вотъ о чемъ пишетъ Е. П. И опытъ говорить мнѣ: слѣпая молва деревенская не обманетъ.

Въ сумерки легкою тропою домой. Пахнетъ сыростью отъ Пшады, а издали милый, нѣжный, переливчатый лнущій шумъ прибоя. Милый, нѣжный, вѣчный. Тебѣ — моя любовь, моя память. Бодро промчался олень — прямо въ гору, точно крылатый, и сразу четырьмя копытами сталъ наверху, слушаетъ. Воютъ чакалки окрестъ, въ заросляхъ развалинъ старой крѣпостцы. Здѣсь когда-то стоялъ Лермонтовъ. Дальше остатки черкесскихъ садовъ, и такъ непонятно, что онъ, Лермонтовъ, гналъ черкесовъ отсюда, выбивая, свободныхъ, изъ щелей, губя сакли, сжигая стога горнаго сѣна? Еще дальше — городокъ долменовъ, лицомъ къ восходящему и полуденному солнцу. Крестьяне разбираютъ ихъ на щебень, на ступени для хатъ, на придорожныя тумбы.

Ночь, звѣзды, одиночество, прибой. Одинокая лампа въ крохотной хаткѣ на опушкѣ. Ластится котъ, трогаетъ лапками страницы книги. Съ вдохновеннымъ лаемъ бросились въ лѣсъ мои псы, почуявъ кабаниху. Такъ тихо, такъ тихо. Но покоя нѣтъ. Личное отступило. И книги точно не тѣ, что были годъ назадъ. Кается въ мелкихъ грѣхахъ — высокоумный, задремавъ отъ утомленія, находитъ истину — невѣрный, двуличный, потаенно злобный бл. Августинъ. Маркъ Аврелій заброшенъ — духовныя упражненія въ безстрастіи такъ никчемны, когда на границахъ... Только Лютеръ и Ветхій Завѣтъ, богъ — гнѣвъ, богъ — уничтоженіе... — что — помогаетъ? Нѣтъ. Но ихъ еще можно читать. Въ нихъ нѣтъ законченности, сладости, подмѣна вопроса отвѣтомъ. Да, голодъ, кровь, пушки, гибель — это эпосъ. Лирикой ихъ не перекричать.

Криница основана нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ не то руссоистами, не то просто искателями чистой жизни. Мощи двухъ отрехшихся отъ званія князей въ фундаментѣ

Криницы. Была эпоха ея славы, была эпоха труда, а теперь — склонъ къ небытію. Криничане расчистили лѣса, устроили сады, водостоки, бассейны. Но землю распродали частями и деньги за распроданное проѣли. Вонъ тотъ лугъ, гдѣ растутъ одиночками грецкіе орѣхи, и гдѣ лучшее поле криничанъ, добытъ у крестьянъ за два ведра водки. Криница падаетъ. Пытливые вымерли. Старики, какъ старики, — все о прошломъ. Расцвѣли въ ней ханжество, принужденіе и тоска. Лучшіе изъ молодыхъ рвутся на волю. Но есть и умные трудолюбцы, и честные садоводы, и книгочіи. Есть, да, но они не въ работѣ, а на войнѣ. Сынъ старика Зотика Сыгучова пропалъ безъ вѣсти въ Бельгіи. Ваня, солдатъ, гибнетъ отъ скоротечной — страшные у Вани глаза, пустая грудь, бѣжалъ съ фронта, хоронится у криничанъ. Михаилъ, сынъ княгини Натальи Николаевны — на войнѣ. Борисъ Сыгучовъ, агрономъ, тоже. Ларіона берутъ. Бориса Яковлева тоже.

— Пора кончать, — говоритъ старый Зоть. И всѣ понимаютъ, что надо кончать.

Береговая полна дезертировъ. Пусть живутъ — говорятъ старики; потеряли страхъ, подошло время. Слишкомъ много мертвыхъ. Калѣки дома, въ кооперативной лавкѣ, на почтѣ, въ уѣздномъ лазаретѣ. Попъ пересталъ лгать, не блудитъ по мѣрѣ силъ — для селянъ церковь перестаетъ быть церковью, причастіе — причастіемъ, а для себя попъ нашель именно теперь и церковь, и молитву, и причастіе — никогда не виданныя, доселѣ не пережитыя. Нашель, но не поднялъ: изолгались руки, изолгались глаза и сердце — пусть лежатъ въ пыли. И ждетъ кола въ спину.

Шоссе за Пшадую, съ тремя мостами, подъ самыми долами, шоссейная будка, камелекъ въ ней и уютная слѣпая старуха. Ослѣпла — значить, больше не видитъ. И все.

Забыла и про свѣтъ и про краски. Находитъ дверь въ кладовушѣ; въ кладовушѣ — вино, моченый виноградъ, хлѣбъ, сыръ и медъ.

Почтовые бубенцы, — уѣздный начальникъ. И онъ сталъ не тотъ. Страхъ въ лѣсу, страхъ на постоянныхъ дворахъ, на почтовыхъ станціяхъ. Пайки, вдовы, сироты, калѣки, убитые, призывы. Не спокойно.

Вахмистръ жандармскій. Урядникъ. Староста. Начальникъ почтовой конторы. Конвойная команда. Все такъ же, какъ было раньше, — но точно на высокихъ цоколяхъ приподняты они всѣ по одиночкѣ надъ просто-людьми. Эта приподнятость страшна, отъ нея — сознаніе преступленій, проклятіе рукамъ, отдавшимся недоброму дѣлу. До войны — брать въ солдаты, сажать въ тюрьму, бить по лицу, судить — м о ж н о было. И вдругъ стало не то, чтобы нельзя, а неудобно.

Шоссе — окно въ большую жизнь, и не одни бубенцы на немъ. Пѣшеходовъ стало больше, чѣмъ въ былые годы. Идутъ въ городъ вдовы — за вѣстями, за наслѣдіемъ. Идутъ навѣщать раненыхъ. Санитаръ прошелъ. На успѣлъ замыть кровь на шинели, глазъ нѣтъ, налиты невидящею водою. Да, спасалъ, было. И многихъ спасъ. Но обкрадывалъ умирающихъ. Да, не зналъ страха, закалилась душа и, когда звали, шелъ на подвигъ, какъ на обыденный трудъ. Но на-всегда потемнѣли руки отъ натуги, когда душилъ недобитаго, чтобы снять часы и крестъ. Потемнѣли, желтыя, чужія.

Отчего изъ городовъ уходятъ нищіе? Говорятъ, голодъ будетъ.

Ахъ, много новорожденныхъ зарыто въ поляхъ, растутъ на нихъ картофель и бурьянъ; — рождены отъ случайныхъ отцовъ.

Возсталъ плоть; тѣсно ей; расцвѣла, недовольная, жадная; придвинулось отвращеніе и гонитъ къ грѣху тяжелыми бичами своими.

Василій (охотникъ) рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ ходилъ въ атаку противъ нѣмцевъ. «Бьешь, чтобы самого не убили, отъ страха. Ничего не видишь. Только руки потомъ мокрыя отъ крови, и ружье погнуто. Было разъ, въ лицо е м у поглядѣлъ... Постарался запомнить, нехорошо такое помнить».

Миша Ш. писалъ, что тѣла не слышно, крылья за спиной. «Легко такъ оттого, что сердце разорваться хочетъ, не выдерживаетъ. А потомъ, знаешь, на всю жизнь оно отяжелѣетъ, свинцовое»...

Такъ у всѣхъ: главное — забыть, огрубѣть, приобрести закалъ. Въ началѣ войны казалось, что стояніе людей передъ трагическимъ дастъ расцвѣтъ трагической культуры. Однако, перевѣсъ трагическаго въ общественной жизни смываетъ культуру. Вѣдь трагическое — это все равно, что страшное. Будто вырастаютъ изъ него рѣдкіе и чудесные цвѣты? Но объ этомъ говорить нельзя. И совсѣмъ уже нельзя искать. На это бываютъ обречены. Судьба. Судьба — такое прекрасное слово.

Е. П. пишетъ о близости переворота. Значить, переворотъ подготовленъ? И силы, которыя свершатъ его, будутъ введены въ русло? Но вѣдь въ конечномъ счетѣ переворотъ закрѣпять не тамъ, въ столицѣ, а здѣсь, — Береговая, Криница, Вуланка, Бета?...

Здѣсь никто не подготовленъ къ будущему, лишь отрицаютъ прошлое. И какъ ихъ подготовить! Темныхъ, апатичныхъ, мелочныхъ. Ни Береговая, ни Криница не совершатъ и не закрѣпятъ ничего. Кто-то поведетъ, кто-то обдумаетъ за нихъ.

Надолго залегла полоса тошноты сердечной. То ли дурное предчувствіе, то ли вѣрный отвѣтъ тому, что совер-

шается вокругъ. Никто не хочетъ больше убивать, — войну надо брать по-бабьи — но никто не уйдетъ, кромѣ нѣсколькихъ тысячъ дезертировъ, ибо — страхъ, кара. Всѣ знаютъ, что не надо, мерзко, но молчатъ. Писатели стали патріотами. Несогласные загнаны въ подполье. Ни одинъ голосъ не поднялся надъ толпою. Помню начало войны. Помню именно начало, а не то, что было раньше начала. Ибо цвѣтъ и вкусъ мирной жизни совершенно ушли изъ памяти. Столько мудрыхъ мыслей раздавали литераторы паствѣ своей. Литература казалась вершиною жизни. Кое-кто смѣялся надъ этимъ, большинство принимало, какъ должное. Ивановъ-Разумникъ размашисто прокладывалъ новые пути въ литературѣ своими «Завѣтами». Н. Н. Сухановъ, В. Б. Станкевичъ и я издавали интернаціоналистическій «Современникъ». Поучало честное «Русское Богатство», жили-были «Вѣстникъ Европы», «Міръ Божій», газеты. Около радикальнаго крыла литературы сгрудились профессора, земцы, студенты, благородные провинціалы. Началась война. Всѣ знали, что мерзка она. Но по приказу стали лакеями. Свободные, талантливые — одни, какъ Станкевичъ, ломали себя и уходили рыть траншеи, другіе оперлись на высокую политику, третьи вспомнили о народномъ духѣ, котораго не могли найти въ мирномъ бытіи, но нашли въ войнѣ, когда народа не стало, когда раздавили народъ, какъ брошенное середь дороги зеркало. Чудесное было зеркало, зеркало Божьихъ мыслей, но некому было держать его. Кто не ушелъ тогда къ проповѣдникамъ войны! И ушли не по страсти, не по знанію, а потому, что такъ повелось, — и не все ли равно, что этимъ уходомъ рѣшено было наше будущее? Народъ остался безъ интеллигенціи и никогда не проститъ лжи. Ивановъ-Разумникъ боленъ. О Блокѣ ничего не знаю. Л. Шестовъ молчитъ и не спитъ по ночамъ. Андрей Бѣлый гдѣ-то въ пространствахъ, не то въ Дорнахъ, не то уже въ Москвѣ. Н. Сухановъ пишетъ больше другихъ, и какъ его поносятъ.

Остальные ушли. А. Ремизовъ, Л. Андреевъ, Ф. Сологубъ. Н. Бердяевъ проповѣдуетъ крестовые походы. Эрнъ и Булгаковъ позорятъ Гете и Канта.

Такъ — наверху. Внизу же — не мысли, а — дѣла. Калѣчество, нищета, потеря радости труда. И страхъ, страхъ, страхъ. Страхъ родить ненависть. Это — для тѣхъ, кто ждалъ отъ войны религіознаго возрожденія.

На хуторъ за Бетой возвратился хозяинъ, нашелъ прижитаго безъ него ребенка и уничтожилъ его. Убиты Власть, Федя Николенко, Семень и Федоръ Басины, пошла по міру младшая Басиха, сгорѣла хата у снохи, есть слухъ, что убиты еще одинъ Федоръ, Фоминъ сынъ, еще одинъ Семень, рыбакъ, Сергѣй изъ Вуланки, братья старовѣры съ Лысой горы, бывший лѣсникъ оттуда же, и сгинулъ безъ вѣсти пятнадцатилѣтній сынъ его, доброволецъ. Вотъ они — дѣла. И это — наши дѣла, это отвѣтъ на наше молчаніе.

Струнно гудятъ деревья въ лѣсу. Песьяго лая не слышно, забились псы въ нору, подъ крыльцомъ. Въ первомъ часу ночи высоко надъ горами загремѣлъ вѣтровой органъ, трубы необъятной силы разнесли вѣсть о стихіяхъ. Кончился теплый, несущій ливни морякъ, начался нордь-остъ. Я стоялъ на крыльцѣ, укутавшись въ тулупъ. Зналъ, что по морю невидимо проходятъ высокіе столбы смерчей, и останавливаются въ разбѣгъ своемъ южныя волны. Уже покрывались ледяною корою деревья, и кончалась веселая схватка надъ горами, когда рѣзко съ юго-востока пробили три пушечныхъ выстрѣла и сверкнула ракета. Гибнетъ пароходъ или большая парусная шхуна.

На утро уже знали, что никто не погибъ, и шхуну притянули на канатахъ къ берегу. Часть груза унесло волнами — табакъ, апельсины, крымскія яблоки, сушину. Часть раскупили сосѣди. Кто за канатъ, кто за трудъ, кто за овощи и дрова.

На шхунѣ — старшій, два матроса и три дезертира. Павловъ — бывший народный учитель. Худой, въ грязныхъ рыжихъ космахъ, рыбій ротъ, свинные злые глазки. Жена его похожа на гречанку, всего у нея слишкомъ много: и голоса, и блеску въ глазахъ, и яркаго тряпья, и груди, и живота. Другой дезертиръ, жилистый, огромный, тяжело переводитъ съ предмета на предметъ тяжелый взглядъ. Ему все равно, харкаетъ кровью, жить недолго. Третій — красавецъ-воръ, стройный, какъ ель. Отчего среди воровъ такъ много красивыхъ людей?..

Говорить не любятъ. Отвыкли въ окопахъ, въ лѣсу, по городскимъ вертепамъ. Павлову пришлось и пограбить и, должно быть, убить. Гречанкѣ много надо. Отказать нельзя, уйдетъ. Жилистый — неудачникъ, самъ ничего не можетъ, дѣлаетъ, что прикажутъ. Былъ когда-то уменъ, но палъ духомъ. Воръ — какъ воръ. Легкій бабникъ, глаза цыганскіе; всегда самъ по себѣ, знаетъ, что дѣлать, какъ во время уйти.

Если бы ихъ было всего трое на шхунѣ, не стоило бы и запоминать. Ихъ тысячи въ нашей округѣ, десятки тысячъ въ Черноморѣ и на Кубани, сотни тысячъ во всей Россіи. Война и колеса государственной машины совершаютъ отборъ. Уходятъ и такъ перерождаются наиболѣе сильные, наиболѣе умные. Продлится война, удесетерится ихъ число. Эти дезертиры — начало народного противъ войны голосованія. Ими война уже осуждена, право осужденія куплено цѣною жизни. Однако, одного голосованія имъ мало. Отголосовавъ, подождутъ; подождавъ, примутся строить свое царство. Дезертиры, пожалуй, и не дезертиры вовсе. Пожалуй, они-то и есть подлинные «на

дѣйствительной службѣ», а съ настоящаго поля бѣжали тѣ, кто остался въ строю.

Они — капли крови народной, выдавливаемые колесами государственной машины. Какая можетъ быть красота въ крови разбитаго тѣла? Такъ вотъ и они нехороши. Начало дѣла родится въ низинахъ.

Послѣ встрѣчи на шхунѣ я сталъ совсѣмъ по новому смотрѣть на дезертировъ. Записалъ всѣ встрѣчи, до одной. Иные мнѣ снились, иныхъ я боялся. Были среди нихъ и жалкіе люди. Но эти послѣдніе научили меня, пожалуй, еще большему. Грѣшно спать совѣстью, укрывшись отъ живыхъ условностями. Живое не бываетъ ничтожно. Грѣхъ — не грѣхъ, преступленіе — не преступленіе. Все иначе, чѣмъ мы видимъ и чѣмъ мы называемъ. Мы отравлены готовыми опредѣленіями. Все иначе. Надо отказаться отъ названій, замолчать. Кто хочетъ увидѣть, пусть не боится уродства, нищеты, мора, подлости, ничтожества, паденія. И они придутъ. Ибо не зря судьба народная выслала въ міръ страшныхъ своихъ вѣстниковъ.

Какъ бережно прячутъ крестьяне дезертировъ отъ власти. Не всѣхъ одинаково, какъ-то ихъ различаютъ. Какъ — не знаю. Но кого прячутъ, за тѣхъ, пожалуй, и отвѣтить готовы. Это сознательный мужицкій заговоръ противъ стараго государства.

Церковь — о войнѣ. Священники на войнѣ. Ведутъ въ наступленіе, осѣняя крестомъ. Католичество само извлекло мечъ и умѣло съ нимъ обращаться. Въ немъ нѣтъ духа угодливости передъ государствомъ, которымъ отра-

влено православіе. Лютеръ былъ сознательно двуличенъ. Духомъ практицизма и мелочности продиктованы статьи Лютера противъ бунтующаго крестьянства и въ защиту войны.

Возвратился Никифоръ, садовникъ. На завтра же взялся за плугъ, перепахиваетъ огородъ и заливаётся веселымъ фальцетомъ.

Криница создана людьми, искавшими чистой жизни. Но живетъ Криница нехорошо. Внутри — борьба за власть — смѣшно — въ общинѣ, составленной изъ семи-восьми семей. По отношенію къ внѣшнему міру больше фразъ, чѣмъ у рядового предпринимателя, но сущность та же: продать, нажить, оправдать себя, запастись на будущее. Трудъ не тяжелъ, но распредѣленъ плохо. Слишкомъ много работаютъ наймиты, собственныя дѣти и практиканты. Практиканты — это наивные люди, пріѣзжающіе въ Криницу учиться труду и смыслу жизни.

Рядомъ — Береговая. Обыкновенные крестьяне, полтавскіе, екатеринославскіе, кубанскіе. Дворъ, поле, табакъ, семья. Оправдать себя, обезпечить будущее. Есть, правда, исключенія. Павелъ — рыбакъ. Братъ его, Илько, охотникъ. Эти романтичны, любятъ просторъ, лѣнтяи... Но остальные выросли въ землю, въ выгоду, въ имущество, въ ежедневный трудъ. Для нихъ новая крыша — событіе; шоссе — проклятіе. И живутъ тупо, нечисто, нехорошо.

По шоссе проходятъ, кромѣ тѣхъ же крестьянъ — матросы, ищущіе мѣстъ, рабочіе, бродяги, талантливое бездомное російское жулье, ремесленники съ либеральнымъ уклономъ мысли, искатели свободныхъ земель, неуживчивые

одиночки. Иные изъ нихъ осѣдаютъ на мѣстахъ и становятся спокойными хозяевами. Иные случайно взлетаютъ на высоту, нажившись на богатомъ уловѣ рыбы или ставъ десятскими на прибыльную работу. Но въ большинствѣ случаевъ эти похожіе умѣютъ думать, ничѣмъ особенно не дорожатъ, готовы дѣлать опыты надъ своими и чужими жизнями. И живутъ, конечно, не слишкомъ добродѣтельно.

Когда думаю о переворотѣ — двѣ эти неравныя силы встаютъ въ воображеніи. Въ столицахъ рабочіе и интеллигентные бунтари совершаютъ переворотъ. Здѣсь, въ родныхъ просторахъ, отвѣтятъ революціи бродяги, бездомные, искатели — невѣдомо чего. Такъ и должно быть. Встарь за Христомъ, да и за всѣми Христами, шли не профессора, не добродѣтельные филантропы, не лавочники. За Христами шла сволочь. И за революціей, кромѣ тѣхъ, кто зачнетъ ее, пойдетъ сволочь. И этого не надо стыдиться. ✓

Февраль. Криница.

Февраль выдался теплый. Во время зацвѣлъ миндаль, развѣсилъ свои пушинки орѣшникъ. Мелькнула бабочка въ полдень и сгинула. Бакланы грѣлись на камняхъ, похожіе издали на людей. Проснулись змѣи, перекинулся черезъ вѣтку бука удавъ, ждалъ кого бы ударить желѣзнымъ своимъ хвостомъ. Ушли на Кубань степные волки. Начались работы.

У Никифора-садовника умерла отъ тифа жена. На пятый день онъ, похудѣвшій, работалъ въ полѣ и пѣлъ грустнымъ фальцетомъ. Осталось трое дѣтей, одно — только что рожденное. Сосѣдямъ уже видно — черезъ полгода Никифоръ женится... Могилу для жены его рыли криничане. Ваня помогалъ. Когда кончили — заглянулъ, точно примѣрился. Говорятъ, позвалъ свою смерть, уже не противится. Говорятъ, люди сами судьбу выбираютъ — долго до того, какъ она придетъ. Говорятъ — нѣтъ случайности, — выборъ.

Съ тоскою слушаю криничанскую мудрость. Они ли подглядѣли узоръ собственныхъ судьбъ?

Ванѣ хуже. Скрывается въ лѣсу, въ землянкѣ и сохнетъ. Чѣмъ ближе смерть, тѣмъ ласковѣе криничане. А когда

можно было помочь — суровы были. Но какъ осудить? У меня нѣтъ теплоты къ нему. Жадны и завистливы жалкіе, живые, свѣтлые глаза. Нестерпима тяга къ жизни, хотя и таетъ тѣло. Я ему врагъ, и онъ мнѣ врагъ, нипочему, противъ воли.

По вечерамъ собираются женщины. Говорятъ о лѣтѣ. Анна Алексѣевна, жена Зота, изъ основательницъ Криницы — нѣжна, шутлива, тонка. Хороши здѣсь старики — оттого, что старики, оттого, что на голомъ мѣстѣ строили, оттого, что годами дневали и ночевали рядомъ съ моремъ, лѣсомъ, звѣремъ, лихорадкой, нищетою поселенія первобытнаго... Перечисляютъ женщины тѣхъ, кто забеременѣлъ осенью, кому родить скоро, кто принималъ мужей на Рождествѣ, кто ждетъ ихъ сейчасъ, въ эти неожиданно теплая, снѣжкомъ горнымъ душистыя ночи.

Шхуна лежитъ на боку, чинится, вѣетъ отъ нея смолоу, досками, табакомъ, крѣпостью матросскаго быта. Гречанка бросила Павлова, ушла въ Бету въ кухарки. Въ Береговой былъ обильный уловъ кефали. Крестьяне завидуютъ рыбакамъ, Павлу проломили черепъ въ дракѣ.

Мой день — длиненъ, ясенъ, страненъ. Въ три часа ночи встаю, смотрю съ крыльца на горы, кормлю веселыхъ собакъ и берусь за книгу. Къ шести жду, когда зацокаютъ подъ горою копыта почтальоновой лошади. Въ морозныя утра онъ согрѣвается у меня и скачетъ дальше. Иду въ лѣсъ по хворостъ, къ ключу за водой, внизъ, къ морю, постоять у стихшей его равнины. Днемъ — урокъ криничанскимъ дѣтямъ, строгій и краткій, скудный обѣдъ, прогулка въ горы. Вечеромъ долго топлю печь. Встаетъ вѣтеръ, стихаетъ жизнь, гаснутъ огни въ далекихъ домахъ. Около девяти — сонъ, тревожный, ибо однообразіе дня моего не совпадаетъ съ тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ. Да, такъ ужъ стало на землѣ: нѣтъ совпадений, все врозь. Покорно дышитъ кора земная, прозябаютъ злаки, тянутъ соки деревья, но подъ землею — смута. Какъ и на землѣ.

Въ первой половинѣ февраля въ волости полученъ приказъ о новой мобилизаціи ратниковъ. Кавказъ до сихъ поръ берегли, а теперь сразу четырнадцать сроковъ. Изъ Криницы идутъ: Борисъ Яковлевъ, Ларіонъ и я.

Борисъ знаетъ, что освободятъ. Но сугубымъ страхомъ на всякій случай притворно прилаживается къ судьбѣ. Ларіонъ спокоенъ. «Все равно прибѣгу домой, весну проработаемъ вмѣстѣ». Онъ любитъ землю, трудъ, мать, криничанъ, садъ. Грубовать, но что рѣшить, то и будетъ.

Черезъ десять дней послѣ объявленія, приказъ былъ отмененъ. Но смута осталась. Сѣятель, рыбаки, мастеровой — роптали. Борисъ выражалъ сожалѣніе о несвершенныхъ подвигахъ. Ларіонъ улыбался. Я ушелъ въ горы къ сектантамъ.

Когда дѣтямъ страшно, — они выдумываютъ и рассказываютъ другъ другу о небывалыхъ страхахъ. Страхъ на страхъ, чтобъ сердце дрогнуло. И еще: вдругъ откроется то, отъ чего страхъ повелся на свѣтѣ. Отецъ страха.

Ждали зарожденія трагической культуры. Ждали религіознаго возрожденія. Обманывали обѣщаніемъ матеріальныхъ пріобрѣтеній. Среди большихъ писателей, ученыхъ и проповѣдниковъ отобрались люди великаго безстыдства, которые намекали на то, что война введетъ Россію въ золотой вѣкъ.

А на дѣлѣ война рождала страхъ въ сердцахъ — и зарытая въ землю, искаженная страхомъ сердца мертвецовъ отравляли землю. Страхъ гибели подымалъ людей на подвиги. Страхъ кары отрывалъ отъ труда и семьи, строилъ батальоны, полки и арміи. Страхъ потери страха подневольными людьми научилъ философовъ философствовать по военному, а поэтовъ по военному слагать стихи.

Но страхъ рождаетъ ненависть. Меньшую ненависть — къ угнетателямъ главнымъ. Большую и неутолимую—къ ихъ слугамъ. Ибо главные давали только мысль. Слуги же отдавали руки, волю, тѣло и правду свою. Исторія войны — учительница правды. Не оттого, что правда торжествуетъ, о нѣтъ, — до такой пошлости исторія еще не пала. Но оттого, что, когда ложь расцвѣтаетъ такъ буйно, ее нельзя снести. И что бояться зла! Надо испить чашу, надо узнать его и пресытиться.

Люди въ большинствѣ своемъ явные или тайные трусы.

И правы. Страхъ извнѣ, отъ событій, отъ принужденія — зло. Но страхъ изнутри, какъ признаніе власти судьбы, какъ плата богамъ за отсрочку — освобождаетъ человѣка для беззаботности и веселья. Боги приѣмлютъ эту плату и дарятъ смертныхъ благоволеніемъ.

Кто потерялъ страхъ, тотъ во власти тоски. И уже не знаетъ ни беззаботности, ни веселья.

Я чту друга за то, что онъ не вѣдаетъ страха. Но ему нечѣмъ платить за часы беззаботности. И онъ годъ отъ году грустнѣе, мой свѣтлый.

Мужество — умѣнье связать страхъ. Испытывать страхъ не всегда значить быть трусомъ. Страхъ не будить презрѣнія. Быть трусомъ значить расчетливо приспособляться къ своему страху, и это достойно презрѣнія.

Борисъ Яковлевъ — трусъ. И, конечно, хвастунъ. Ларіонъ самъ рассказываетъ, какъ прятался отъ кабана, какъ померещилось ему что-то ночью и онъ разбудилъ мать. Люди сочувственно смѣются его рассказамъ, но продолжаютъ вѣрить его мужеству. Ванѣ двадцать два года, онъ еще не жилъ — до смерти ему мѣсяца полтора, два, онъ тоскуетъ, но не боится — пока? А старый Зоть трепещетъ, какъ ребенокъ. Сынъ Л. И. — его потомъ убили — рассказывалъ мнѣ, что самые смѣлые люди на войнѣ порою дрожатъ отъ страха и теряютъ власть надъ собою. М. Ш. писалъ съ фронта, что зналъ раньше одинъ страхъ и умѣлъ побороть

его, но съ опредѣленной минуты потерялъ власть надъ собою и позналъ страхъ страха. Подъ Сольдау жители убили двухъ русскихъ солдатъ. Начальникъ отряда приказалъ переколотъ всѣхъ юношей въ селѣ — старше четырнадцати лѣтъ. Ихъ взяли — всего пятерыхъ — и привели на край деревни, гдѣ группой, спѣшившись, стояло начальство. Противникъ былъ невдалекѣ, запрещено было разстрѣливать. М. Ш. и молодые офицеры спрятались за стогъ, полуразбросанный прилежно хрумкающими лошадьми, чтобы не видѣть расправы. Но они слышали ее. Хрустъ костей и крикъ. «Не страхъ былъ въ крикѣ и не боль, а одиночество. Съ тѣхъ поръ я думаю, что въ смерти вообще страшнѣ всего одиночество и уже не такъ, какъ прежде, владѣю собою».

Страхъ страха тягостнѣ самаго страха. Онъ угнетаетъ силу сопротивленія. Страхъ въ природѣ живого существа долженъ быть, онъ заостряетъ сознаніе, иногда онъ — песь на привязи, иногда — владыка...

Въ 1905 году мы стояли съ Д. Р. подъ пулями. Мнѣ было безразлично, а Д. Р. радостно вытянулся весь и засвѣтился. Но это ровно ничего не значить.

Однажды на Балканахъ въ меня стрѣляли въ упоръ. Стало весело отъ свиста картечины, весело было схватиться за оружіе, и велико было огорченіе, когда противникъ скрылся. А черѣзъ годъ, зимою, поздно ночью я сталъ въ десяти шагахъ отъ полузаснѣженного столба на городской окраинѣ, грозя ему револьверомъ. Столбъ былъ прямъ, неподвиженъ и упорствомъ своимъ напоминалъ недобраго человѣка.

Много ночей проведено въ горахъ, въ лѣсахъ, въ степи, въ одиночествѣ полномъ и безпомощномъ, и одну только звѣздную радость сохранила о нихъ память — радость уюта земли нагрѣтой, прошлогодней листвы, вѣтвистаго полога, шуршанія разбуженныхъ ящерицъ и неторопливаго топота осторожнаго звѣря, который чувствуетъ, любопытствуетъ, колеблется, не довѣряетъ и проходитъ сторонкою въ родимый

логъ свой, легко, по-звѣриному, забывая о томъ, что его міра коснулся иной, міръ сочувствующей челоувѣчности...

Но — войти ночью въ пустой домъ, обернуться лицомъ къ двери, спиной къ темнотѣ, щелкая замкомъ, пройти рядъ захододѣльныхъ комнатъ, выключая ихъ поворотами ключа и точно погружаясь на дно колодца — невыносимо.

Въ годъ совершеннолѣтія я отказался отъ солдатчины. То не было исканіе подвига или страданія, то была внутренняя необходимость. И вовсе не тяжело было ждать наказанія, скитаться по тюрьмамъ, сносить униженія, и весело было возражать въ душѣ своей тѣмъ, кто убѣждалъ покориться. Но и это тоже ничего не значить. Ибо шесть лѣтъ спустя, тоже въ тюрьмѣ, пережить былъ упадокъ духа, котораго не пожелаю и врагу. Внутренне не во время пришла въ тотъ разъ Петропавловская тюрьма. Строптивая воля билась о внѣшнюю необходимость, а внутренней санкціи не было. И казня себя за нетерпѣніе, я представлялъ себѣ палача въ своей камерѣ. Не мнѣ онъ страшенъ, не для меня онъ здѣсь. Но мнѣ говорятъ: — Поцѣлуй ему руку и выйдешь... Теперь это какъ дурной сонъ, смѣшная игра тюремной романтики. Тогда, въ неволѣ, сны равнялись дѣламъ. И карались совѣстью, какъ дѣла. Сонъ былъ отъ страха, и страхъ былъ дѣломъ, какъ жестокой ножъ по тѣлу, оставившій навсегда рубцы...

А ночной безпричинный страхъ? А чувство взгляда — когда нѣтъ никого за спиною и спущены занавѣски на окнахъ? А страхъ пустоты, страхъ понятій прошлаго, настоящаго, будущаго? Страхъ страннаго измѣненія явно неизмѣнной дѣйствительности, когда стѣны, свѣтъ, окна, звуки, стукъ маятника точно разомъ незримо вздрогнуть въ самомъ существѣ своемъ и смѣстятся?

Сегодня на урокъ прочелъ дѣтямъ про смерть Сократа. Ложною показалась мнѣ надуманная простота этихъ стра-

ницъ у Платона. Дѣти же слышали другое. Они взволновались высокимъ и свѣтлымъ волненіемъ. Я поймалъ себя на мысли:

— Если бы каждый день т а к о е читать себѣ и другимъ, какъ измѣнились бы люди. И неправды стало бы меньше...

Такъ, сначала я заразилъ дѣтей ложью. А тамъ они — возвратили заразу мнѣ. Педагогически — благотворный кругъ замкнулся.

Пишу, а надъ дубами встаетъ вѣтеръ. Жду, не загудятъ ли ели на горѣ — если загудятъ, значить опять нордъ-остъ. При звукѣ вѣтра, долетающаго сюда изъ тундръ якутскихъ и пролагающаго путь до Сициліи и до Пиреней, мнѣ приходитъ въ голову мысль (если это мысль, конечно), что страхъ — удѣлъ одного обездоленного природою человѣка, что вѣтрамъ не вѣдомъ страхъ, что человѣкъ несправедливо лишенъ дара метаморфозы и замкнуть въ предѣлы человеческого естества.

Было засѣданіе общиннаго совѣта Криницы. Криничане постановили въ благодарность за ученіе дѣтей уступить мнѣ по сходной цѣнѣ участокъ земли съ остатками стараго фруктоваго сада. Послѣ обѣда пошелъ смотрѣть эту землю. Острое чувство грусти — грусть ненужнаго дара. Земля хороша; и дубы на ней чудесные; и черкесскія могилы; и датъ; и край виноградника; и ровное плато съ забитымъ камнями родникомъ, около котораго по ночамъ толкутся дикіе кабаны, — но не надо, не надо, не надо. И не понять, п о ч е м у? Горестныя предчувствія? Или упорство скитальческаго духа? Мое, домъ, очагъ, все это такъ тоскливо, — какъ если бы всю жизнь стремиться къ этому страстно, не взять, умереть — и послѣ смерти безсильною тѣнью придти къ мѣстамъ вожделѣннымъ. Та самая тоска, тоска, а не радость,

которую Лермонтовъ, правда, для лицъ императорскаго ранга, такъ чудесно передалъ въ строкахъ:

И только что землю родную
Завидить во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ....

Есть равновѣсіе въ распредѣленіи добра и зла, противъ котораго не принято возражать. Полгода войны пріемлемо. Десять лѣтъ — преступленіе. Одинъ повѣшенный, особенно за разбой, хорошо. Семь — неудобно. Сто семь — крайне неудобно, почти нестерпимо. Это ничего, что въ городѣ есть тридцать публичныхъ домовъ, четыре тысячи сиротъ, семьсотъ молодыхъ вдовъ. Но люди начинаютъ думать и непрочь инсценировать мирный конгрессъ, когда тысячи прифронтовыхъ городовъ превращаются въ сплошной публичный домъ, когда вдовы и сироты производятся въ ускоренномъ порядкѣ, подобно офицерамъ и заурядъ-врачамъ, во славу того или другого оружія. Однако, всё неудобно, нестерпимо, преступленіе, надо подумать и др. не должны реализоваться сколько-нибудь полно и интенсивно. Ибо всякая полная и интенсивная реализація человѣческихъ мыслей о себѣ и о своемъ обществѣ есть нарушеніе принятаго въ распредѣленіи добра и зла равновѣсія, т.е. есть нарушеніе законовъ жизни. Средніе люди отъ природы одарены чувствомъ мѣры и умѣло балансируютъ. Большіе люди, наоборотъ, именно въ этой области бездарны и легко теряютъ балансирь. Не только лишняя щепотка зла, — добро, въ избыткѣ брошенное на чашу вѣсовъ, тоже нарушаетъ равновѣсіе и превращаетъ жизнь въ не-жизнь, подобно атомистическимъ бомбамъ Уэльса, освобождающимъ сконцентрированную подъ видомъ матеріи, чистую энергію. Оттого люди всегда убивали Христовъ. Да ихъ и слѣдуетъ убивать. Оттого такъ не-

навистны людямъ революціонеры. Фонарь въ городѣ, осина въ лѣсу и конопля въ полѣ созданы Господомъ Богомъ для того, чтобы уравновѣшивать идущій съ креномъ корабль жизни. Такъ понятно, что именно эти превосходныя средства революціонеры стараются вырвать изъ рукъ владыкъ житейскаго равновѣсія. Христа не нарекли фанатикомъ только потому, что онъ покончилъ на Голгоѣ самоубійствомъ — ибо на что, какъ не на самоубійство, обрекала его тончайшая изъ человѣческихъ молитвъ: «Впрочемъ, не Моя воля, а Твоя да будетъ». Революціонеровъ называютъ фанатиками за то, что они мало склонны, какъ къ равновѣсію, такъ и къ Голгоѣ.

К а ч е с т в е н н о война не отличается отъ мира. Великій Мастеръ стремительнымъ движеніемъ разворачиваетъ передъ зрителемъ ленту мірового кинематографа, ручка бѣшенно вертится, и все кажется инымъ, чѣмъ при медленномъ темпѣ. Правда, ради ускоренія процессовъ, приходится слегка измѣнить постановку. Больше, чѣмъ въ мирѣ, массовыхъ сценъ. Умираютъ падшіе не въ одиночку и не за стѣнами домовъ, а сотнями, публично, подъ открытымъ небомъ и даже на снѣгу. Болѣе утонченны методы воздѣйствія людей другъ противъ друга — не голодъ, не законъ, не судья съ тюрьмою, а шрапнель покорнымъ и пеньковый воротникъ тѣмъ, кто несогласенъ. Но суть все та же на войнѣ, какъ и въ мирѣ.

Грекъ — торговецъ принесъ изъ Геленджика извѣстіе, будто въ районѣ Двинска — военный бунтъ. Я слушалъ его и, въ связи съ письмами Е. П., холодокъ сжалъ сердце и мелко прошелся по спинѣ. Начинается?

И сразу все вокругъ стало инымъ. Не — само по себѣ, для себя, явленіе на ряду съ явленіемъ, Криница, я, криничане, Береговая, горы, хаты, плуги, пароходы на горизонтѣ,

квадраты вспаханной земли. Но — по признаку цѣлесообразности. Тамъ начинается — а какъ они здѣсь отвѣтятъ? И въ первый разъ въ жизни я, писатель, съ самодовольствомъ думавшій о томъ, какъ гибка моя душа, какъ умѣетъ она мѣнять личины въ отвѣтъ на текуче-измѣнчивыя личины міра, — съ тоскою подумалъ, что своя пора созвучнымъ съ міромъ метаморфозамъ, своя — жесткой негибкости созидающаго, не знающаго колебаній духа. И какъ нехорошо — не цѣлесообразно — показалось мнѣ все и въ себѣ и кругомъ. Слишкомъ много предметовъ, слишкомъ много граней. И безъ плана. Плуги тяжело лежатъ на черной землѣ. Люди не ходятъ, а переставляются. Старъ Зоть Сычуговъ — ему ли начинать! И много такихъ Зотовъ въ деревнѣ. Молодые — пусты. Дома — бѣдны. Кто станетъ думать о необыденномъ въ такой бѣдности? Лошади крестьянскія — на нихъ не по́скачешь, не кормлены, понуры. Деревни горами побѣленной глины отяготѣли на землѣ. Все само по себѣ, все разсыпано, озабоченно, слѣпо, ноги налиты свинцомъ, спины тупыя, головы почти не отдѣлены отъ земли, камень, дерево, человѣкъ — все.

Не только Двинскъ, называютъ еще Бологое. Послѣднее правдоподобно: отрѣзать Петербургъ. Въ Геленджикѣ эти извѣстія получены 21 февраля, распространились же дальше 22 февраля утромъ.

Иду въ Пшаду на почту. Здѣсь пролегаетъ телеграфная магистраль Новороссійскъ — Сочи, и больше, чѣмъ у насъ, проѣзжихъ. На почтѣ ничего не знаютъ. Сектантъ, содержатель почтоваго двора, слыхалъ, что что-то произошло въ Петербургѣ. «Говорятъ, царя убили». Аптекарь, еврей, сельскій радикаль, ума палата, предвидитъ Римъ, въ который ведутъ всѣ историческіе пути. «Не дай Богъ, бунтъ. Опять евреи будутъ виноваты». Сектантъ съ Лысой Горы пророчитъ смуту — такъ же обще, какъ пророчилъ годъ и пять лѣтъ тому назадъ. «Иди-ка къ намъ, на гору жить. Чтѣ

тебѣ внизу. Учи нашихъ дѣтей, криничанскія и безъ того учены, ничего работать не умѣютъ. Скоро тутъ такое начнется, что и богатырскимъ хаткамъ (долменамъ) не сдобровать».

Тянетъ въ пространства, тянетъ безпокойнымъ дозоромъ къ этимъ селамъ, къ хуторамъ, затеряннымъ въ щеляхъ и на горныхъ склонахъ, среди альпійскихъ пастбищъ. Иду черезъ переваль на югъ. На хуторахъ у чеховъ спокойно, и всегда будетъ спокойно, если не пожаръ и не паводокъ. Зажиточный, тупой народъ. Встрѣчные крестьяне изъ горнаго села слышали про бунтъ. Къ ночи попадаю въ Вуланку на обратной почтовой линейкѣ — ничего. Одно лишь примѣчаю сегодня и въ себѣ и въ другихъ: ничего нѣтъ, только слухъ прошелъ, а облако войны сдвинулось, стало легче дышать.

Обернуться бы псомъ, взбѣжать на гору, вытянуть носъ къ сѣверу и завывать бы въ тоскѣ безысходной — ни звука, ни запаха съ сѣвера не донесетъ вѣтеръ.

Четыре дня глухой тишины. Двадцать шестое февраля. Стоять холода, брошены полевые работы. Вуланскій попъ во второй разъ попытался отравить незаконную свою дочку. Кто-то помѣшалъ, и дѣвочку услили въ чужое село. Гостилъ въ Криницѣ учитель изъ Холодной Щели — танцовщикъ Императорскаго балета, за что-то привязавшійся къ Щели и отдавшій ей силы. Проѣзжалъ изъ Беты старикъ Кали-таевъ — бывший диктаторъ Криницы, теперь помѣщикъ, красивый, страстный съ лицомъ Леонардо-да-Винчи, съ жестокими глазами, превосходный хозяинъ, ученый агрономъ и скряга, сумасшедше ревнующій молодую, слишкомъ молодую жену, съ соблазнительнымъ тѣломъ, зеленоглазую — тоже хозяйку, крѣпостницу по духу и скрягу. И до него дошли

слухи. Онъ ласково поговорилъ со мною, потомъ вдругъ повернулъ спину и пошелъ навстрѣчу Зоту.

— Зоть, не водись съ ними, — въ мою сторону, — до добра не доведутъ.

Зоть конфузится и быстро киваетъ головою. Черезъ полчаса забѣжитъ ко мнѣ въ хатку, обдастъ запахомъ винограднаго вина (хатка рядомъ съ погребомъ) и скажетъ что-нибудь возвышенное, а глаза безъ вины виноватые, виноватые на всякій случай, какъ у совѣстливаго пятнадцатилѣтняго юноши. Податливъ Зоть, любитъ выпить, не любитъ быть виноватымъ. Всегда на кого-нибудь опирается. Простятся ему всѣ грѣхи на томъ свѣтѣ.

Вечеромъ долго рылся въ архивахъ Криницы. Читалъ письма толстовцевъ, писателей и просто людей. Вотъ эти самые криничане для многихъ были учителями жизни. Библіотекаремъ и архивариусомъ — Борисъ Яковлевъ. Не за то, что онъ хранитель традицій Криницы. За то, что слабый работникъ и тщеславенъ: любитъ щегольнуть именемъ корреспондента, привѣтомъ великаго человѣка (Л. Толстой, Вл. Соловьевъ, Короленко). Передъ сномъ въ бібліотеку зашелъ Зоть.

— Завтра идетъ подвода въ Новороссійскъ.

Мартъ. Новороссійскъ.

Вечеромъ второго марта мнѣ показали первыя тревожныя телеграммы изъ Петербурга. Третьяго марта были получены частныя извѣстія изъ Ростова, подтверждавшія безнадѣжность положенія стараго правительства. Представители его играли двойную игру. Генераль Граббе задерживалъ извѣстія о событіяхъ. Адмираль Колчакъ, напротивъ, видимо содѣйствовалъ ихъ распространенію. Это обстоятельство отразилось и на поведеніи мѣстныхъ морскихъ властей. Вице-губернаторъ Сенько-Поповскій, и раньше доброжелательный къ безопаснымъ либеральнымъ кружкамъ Новороссійска, сообщалъ имъ все почти, что зналъ о положеніи. Правда, зналъ онъ очень немногое.

Такимъ образомъ, вечеромъ третьяго марта новороссійское общество знало о петербургскихъ событіяхъ приблизительно столько же, сколько знали 21 и 22 февраля, т. е. за пять и шесть дней до самыхъ событій, греки-торговцы, народные учителя и полуграмотные крестьяне Геленджика. Криницы и окрестныхъ селъ. Предсказать случившееся въ Петербургѣ на основаніи сознательнаго учета положенія эти люди не могли. И тѣмъ не менѣе общая картина ихъ невольнаго предсказанія была настолько близка къ дѣйствительности, что отъ нея никакъ нельзя было отмахнуться.

Черезъ шесть-семь дней послѣ первыхъ телеграммъ о смѣнѣ правительства, городъ измѣнился неузнаваемо.

Еще четвертаго марта Новороссійскъ являлъ фizioномію губернскаго города съ отчетливо разслоеннымъ обществомъ, слегка чопорнымъ и наряднымъ въ верхахъ, какъ это всегда бываетъ въ большихъ портовыхъ городахъ, и съ относительной свободой нравовъ и мнѣній въ золотой серединѣ и среди будирующей интеллигенціи. Въ немъ были сословія, кружки, даже партіи. Существовало подполье, когда-то бурное, теперь обмелѣвшее. Сословія и кружки раздѣлялись трудно проницаемыми перегородками, и только многообразная на Кавказѣ сельская интеллигенція имѣла доступъ всюду и нарушала іерархію. Среди нея водились и ученые, и богатые чудаки, и бывшіе революціонеры, и люди изъ сановной оппозиціи, обладавшіе здѣсь дачами и фруктовыми садами, и люди съ большимъ общественнымъ вѣсомъ. Все это тяготѣло къ югу, къ морю, къ новымъ землямъ, поддерживало столичныя связи и вносило въ губернскую жизнь струю демократизма. И все это, гонимое въ прежнія времена, вдругъ убѣдилось въ правотѣ своей и въ предвидѣніи, когда пришли первыя извѣстія о переворотѣ.

Партійныя различія были раньше важны лишь при выборахъ въ Государственную или Городскую Думу — да въ подпольѣ, гдѣ фанатики и проходимцы въ этихъ различіяхъ видѣли главное свое достоинство и паѳосъ. Теперь эти различія всплыли наверхъ, стали опредѣлительными и упоминались наряду съ именами. Подполье перестало быть подпольемъ, оно подымалось и грозило стать на одномъ уровнѣ съ обществомъ. Наряду съ нимъ особый интересъ пріобрѣтала часть города по ту сторону залива — цементные заводы. Къ нимъ присматривались, ихъ боялись. И городъ казался болѣе уютнымъ оттого, что между нимъ и заводами пролегла широкая полоса соленой воды.

Вчера еще прочна была общественная пирамида, губернаторъ былъ губернаторомъ, сѣдовласый Николай Ивановичъ — очаровательнымъ нотаріусомъ и бариномъ, комитеты работали на армію, англійскіе купцы дружили съ голландцами и чуждались остальныхъ, и все ждало конца войны, когда вновь оживетъ Новороссійскій портъ, и грузчики и матросы вытопчутъ густую траву, разросшуюся на подъѣздныхъ путяхъ и пристаняхъ. А сегодня пирамиды уже не было и слѣда, не было системы, не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ и, кромѣ общественныхъ силъ, которыхъ еще никто не зналъ и съ которыми пока никто не считался, появились общественные люди. Да, главнымъ образомъ, люди. Оказалось, что Николай Ивановичъ не только нотаріусъ, но и радикалъ и когда-то пострадалъ за убѣжденія. Н., К. и Р. колебались, какъ назвать себя: н-с, или к-д? К-д тяготѣли къ губернаторскому дому, и всѣмъ по сю сторону залива казалось яснымъ, что эти люди еще сегодня примутся за организацію власти. Оказалось, что В. — меньшевикъ, что, служа въ банкѣ, онъ собралъ среди служащихъ немногочисленную ячейку, что это обстоятельство въ данную минуту очень важно, и что съ В. надо считаться. Блузникъ с-р изъ каторжанъ уже собиралъ митинги на городскомъ базарѣ. Появилась крупная жесткая фигура с-д Прохорова, и всѣ поняли, что за нимъ будущее. Когда-то онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, потомъ помилованъ, его знали чиновники, рабочіе, думцы, адвокаты...

Если читать телеграммы, прокламаціи правительства, слушать ораторовъ на митингахъ — радость, радость. Если прислушаться къ рѣчамъ на базарѣ, на набережныхъ, въ клубѣ, на засѣданіяхъ комитетовъ, въ интеллигентскихъ гостиныхъ, выходитъ что-то не то. Я начинаю подозревать, что телеграммы и прокламаціи приглашаютъ безоглядно радоваться только затѣмъ, чтобы не сказать, что на дѣлѣ еще ничего не случилось, что трудное впереди.

На сообщенія о переворотѣ крестьяне отвѣчаютъ вопросами — о войнѣ, о землѣ, о налогѣ, о новомъ законѣ, рабочіе о томъ же, и еще объ организаціи власти. Власть строится. У насъ есть комитетъ общественной безопасности, совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, торгово-промышленный комитетъ, союзы. Но это — не власть. Когда говорятъ народъ, подразумѣвается единство. И революція — единство. Здѣсь же множественность. Я не умѣю справиться съ теоретическими построеніями, съ программами, пошлѣйшій митинговый ораторъ въ своей крикливой перспективности и многознайствѣ представляется мнѣ полубогомъ — но когда на засѣданіе Комитета общественной безопасности являются морскіе офицеры, полковники, рабочіе, демагоги, инженеры, промышленники, старо-режимный, хотя и либеральный, вице-губернаторъ, журналисты и партійные люди разныхъ окрасокъ, тогда я отчетливо знаю, что этотъ комитетъ не власть и властью никогда не будетъ.

Въ 1905 году все было ясно. Рабочіе — крестьяне — и мы. Всѣ за одно. Надо поднять побольше людей. Надо, чтобы продержались. Остальное приложится.

Е. П. вела подпольную типографію военной организаціи. У А. Н. Рябины, геолога, бывали районныя собранія, онъ направлялъ и совѣтовалъ. Збарскій мечталъ о террорѣ и вѣдалъ контрабанднымъ транспортомъ на югъ Россіи. Т. поддѣлывала паспорта. Были — районные секретари, агитаторы, комми по доставкѣ литературы въ провинцію. Т. Б. проносила Наташѣ Климовой, кажется, револьверъ въ тюрьму — убить начальника, — а когда приговоръ былъ отмѣненъ, Т. Б. своимъ жемчужнымъ смѣхомъ вторично провела надзирателей, взяла на свиданіи револьверъ обратно и унесла его изъ тюрьмы. Многіе были въ ссылкѣ — т. е. учи-

лись, тосковали и выносили резолюціи. Иные при помощи литературы раскачивали старый порядокъ.

А теперь?

Ни оружія, ни стоящихъ прокламацій, ни поѣздокъ въ возставшій Кронштадтъ, ни тюремъ. Кончатъ войну. Дѣлать землю. Поставить трудъ. Дать власть. Накормить города. Обезвредить контръ-революцію. Но я не знаю, какъ все это дѣлается!

Поручили устроить газету. «Свободная Россія». Органъ Комитета Общественной Безопасности, Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Военно-Промышленнаго Комитета и Союзовъ. Не слишкомъ ли много довѣрителей? И то, что ихъ слишкомъ много, чудится мнѣ въ предѣлахъ нашего маленькаго дѣла признакомъ — разложенія. Это — сословія, группы, кружки, интересы, отдѣльные люди, но не революція. Лозунгъ газеты — единый демократическій фронтъ. За этотъ фронтъ равно стоятъ всѣ довѣрители?

Бываютъ въ редакціи солдаты. Праздничные. Приходятъ, потому что имъ нужно поговорить. Ихъ встрѣчаютъ съ нѣжностью и довѣріемъ. Н а ш а а р м і я.

Солдаты — о войнѣ. Не надо мира во что бы то ни стало. Но и — пора кончать. Это не рѣшеніе, это живая проблема, поставленная народнымъ сознаніемъ.

Приходятъ лѣвые, центровые и правые члены Комитета. Какъ быть съ войной? Война до побѣднаго конца. Всѣ. И я теряюсь, какъ не терялся въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ году, когда вопросъ былъ болѣе труденъ. Теряюсь — передъ единогласіемъ промышленниковъ, либераловъ и социалистовъ.

Это проблема, но ее не показывают, какъ проблему. Ее переламаваютъ надвое и половину бросаютъ обратно народу, какъ собственное его рѣшеніе: до побѣднаго. Тамъ начинаютъ свою жизнь и хотятъ думать. Здѣсь продолжаютъ начатое давно и хотятъ творить свою волю. Тамъ возможно единство рѣшеній. Тамъ не знаютъ, что придумать и хотятъ ждать. Здѣсь не могутъ ждать, ибо борются за власть, и рѣшеніе проблемы не ради самого рѣшенія нужно, а ради власти. Всѣ борются. Н-с, к-д, с-р, с-д.

Вѣроятно, такъ надо. Борьба этихъ буквъ вѣдь и есть созиданіе общественное. И нѣтъ проблемъ, и нѣтъ объективнаго. И, вѣроятно, эгоистическое искаженіе проблемы для исторіи полезнѣе, чѣмъ ожиданіе. Это — ея страсть, ея воля, — такое искаженіе.

Въ новыхъ людяхъ развивается тщеславіе двухъ сортовъ. Однихъ — тѣшить мысль, какъ можно выше подняться по вновь устанавливаемой іерархической лѣстницѣ. Другіе обходятъ эту лѣстницу, но стремятся и безъ званія забраться выше самой высокой ея ступени.

Среди первыхъ много представителей старой интеллигенціи и выходцевъ изъ мѣщанства. Честолюбцы — рабочіе со вторыми.

По многу часовъ провожу въ типографіи, корректирую и выпускаю газету. Наборщикъ А. — членъ Совѣта. Долго приглядывался, сегодня сказалъ — ласково улыбаясь:

— Завидуете намъ, такъ вѣдь? У насъ что: заработная плата, столько-то часовъ труда, да долой войну. Вотъ и все. А вамъ хочется законы писать?...

Онъ, пожалуй, правъ. Безъ различія окрасокъ всѣ буквы революціоннаго и буржуазнаго алфавита жаждутъ приложить руку къ законодательству въ Учредительномъ Собраніи.

— Но долой войну тоже какъ бы законъ? Притомъ совсѣмъ небывалый, новый законъ? — спрашиваю я А.

— Оттого, что новый, его и писать не слѣдуетъ. Надо сначала приладить, руками его сдѣлать. Писать послѣ будутъ.

Отношенія портятся, надо уйти изъ газеты. Учрежденія дифференцируются: Комитетъ и Совѣтъ. И оба стремятся захватить Городскую Думу. Въ дифференціаціи есть реальный смыслъ, котораго я не понимаю.

У большинства людей ординарное зрѣніе, оттого они знаютъ, что дѣлать. Свое зрѣніе я чувствую тройнымъ или четвернымъ. Отъ него троится и ландшафтъ. Съ такимъ зрѣніемъ не найти ни пути, ни цѣли.

Поль дня водили по городу вора съ доскою на груди. Надпись на доскѣ: воръ.

Онъ усталъ отъ страха, отъ мѣрнаго шага, отъ толпы и остановокъ. Иногда убѣждалъ въ чемъ-то своихъ стражей, вѣроятно, просился въ тюрьму. А его все гнали.

Для народной толпы въ этомъ зрѣлищѣ была прелесть отмѣны закона и прелесть живой до-законной жестокости. Долго водить не станутъ. Третьяго или пятаго убьютъ.

Мартовскій парадъ. Солнце, веселый вѣтеръ, красный шелкъ, за бѣлыми домами море въ барашкахъ. Такъ кар-

тинно, широко и цѣльно, не хотѣлось думать. Праздникъ.

Передъ парадомъ собрались въ Думѣ. Стояли у оконъ. Когда проскакала, равняясь, сотня казаковъ съ красными знаменами и лентами — слезы проступили на глазахъ.

Шествіе. Парадъ. Рѣчи. Братаніе солдатъ и офицеровъ.

Джемсъ въ изслѣдованіи о наркотикахъ говоритъ о чувствѣ синтеза въ состояніи опьяненія. Такъ было со всѣми нами.

Въ чемъ же проявилось то, что зовутъ революціей? Не въ томъ, что ушелъ царь. И не въ томъ, что арестованы прежніе министры. И не въ томъ, что въ Петербургѣ издаются хорошіе законы. Свобода слова, печати и собраний, возвращеніе каторжанъ и ссыльныхъ, отдѣленіе церкви отъ государства — несомнѣнно очень хорошіе законы. Они отмѣняютъ старыя преступленія и старыя глупости. Но не можетъ того быть, чтобы революція была только мусорщикомъ, аккуратно прибирающимъ кирпичи и балки рухнушаго зданія. Въ революціяхъ, какими мы ихъ знаемъ изъ исторіи, есть нѣчто неизреченное. Есть великій историческій запросъ. Есть трагическое — въ безпощадномъ поправаніи личности личностью и личности тѣмъ или инымъ коллективомъ. Есть искушеніе — въ сочетаніи крайностей. Самыя высокія чувства родятъ преступниковъ. Нѣжность проливаетъ рѣчки крови. Труссы совершаютъ подвиги. Пошлость вѣрно служить величію. Невѣжды видятъ на много миль дальше признанныхъ пророковъ. Жестокость и самопожертвованіе переплетаются такъ, что ихъ очертанія теряются. Но — и это главное — коренные пережороты и расточительныя по количеству человѣческихъ жертвъ передвиженія народовъ совершаются не по расчету, а сами собой, подобно перелету птицъ...

Въ 1910 году зима наступила въ Швейцаріи рано. Вершины Юры и Альпъ покрылись снѣгомъ, и низко опустилась снѣговая линія. Караванъ ласточекъ съ большими трудностями перевалилъ черезъ хребты и опустился на роздыхъ въ теплой еще долинь Лемана, между Коппе и Ніонъ, вблизи замка M-me Staël. Крыши домовъ, панели, луга съ осенними анемонами были засыпаны тяжело дышащими птицами. Онѣ перестали бояться человѣка и лежали, распластавъ крылья и раскрывъ клювы. Иныя умирали отъ разрыва сердца. Иныя, когда свечерѣло, кидались къ свѣту лампъ и къ огню очаговъ. Швейцарцы подбирали мертвыхъ на улицѣ. Кошки обѣлись и равнодушно сидѣли у дверей.

На утро слѣдующаго дня караванъ снялся съ мѣста и направился къ Италіи. Геній народа ласточкинаго торжествовалъ. Семь восьмыхъ или четыре пятыхъ снявшихся съ родины долетятъ до Египта. Долетѣвшіе и есть Народъ. Премственность не нарушена. Имя и кровь будутъ переданы слѣдующимъ поколѣніямъ. Но что пережили геніи отдѣльныхъ представителей народа, геніи личности? И особенно, что переживали геніи гибнущихъ личностей? Если — по вѣрѣ — имъ суждено безсмертіе, то не слишкомъ ли рано выпало оно имъ на долю, и противъ ихъ воли? Не виновенъ ли народъ передъ геніемъ личности, когда затѣваетъ такой трудный перелетъ?

Перелетъ — это революція. И не только революція: война тоже. Ибо кто морально оправдываетъ революцію, долженъ оправдать и войну. То же и соціологически. Тотъ, кто вѣруетъ въ единство и задачи коллектива, не долженъ дѣлать различія между революціей и войной.

Не сама революція можетъ быть отвергнута, не сама война дурна. Однако, и воевать, и бунтовать можно и хорошо, и дурно. Хорошій бунтъ равенъ хорошей войнѣ. Дурная война — дурному бунту. Мѣрила этихъ цѣнностей пока не установлены прочно. Во всякомъ случаѣ онѣ не опредѣляются ни побѣдой, ни пораженіемъ. Какъ во всѣхъ великихъ

проявленіяхъ духа человѣческаго, здѣсь, вмѣсто мѣры и вѣса, — чутье, воля, вѣра, даже произволь. Хорошо или дурно то, что ласточки по осени тянутся съ сѣвера на югъ, и что одна седьмая или одна пятая всѣхъ перелетающихъ гибнетъ въ пути? Хорошо или дурно то, что народы когда-то затѣяли великое свое переселеніе съ востока на западъ? Не переселеніе народовъ хорошо, хороша высокая воля переселявшихся. Не война плоха, плохо то, что она ненавистна воюющимъ.

Однако, антиномія личнаго и надличнаго не разрѣшается ни въ хорошей войнѣ, ни въ хорошей революціи. Эта антиномія поставлена во весь свой ростъ въ войнѣ невольной, въ бунтѣ обманномъ, въ движеніи, вызванномъ во имя частной корысти. Она смягчена, когда личность увлекается посполитымъ рушеньемъ. Но она не разрѣшается даже и въ тѣхъ движеніяхъ, которыя опредѣлены добровольнымъ сговоромъ или общимъ порывомъ. Хорошая война или хорошая революція для личности, для ея генія плодотворнѣе дурной войны или дурной революціи. Но и хорошая война и хорошая революція не цѣликомъ покрываютъ личность. На это нечего рассчитывать. Остается непокрытымъ уголокъ бунта, духъ противорѣчія, право на лѣнь, на отдыхъ, на дикую волю. И это неискупаемо трагично въ движеніяхъ народныхъ.

Какъ бы согласенъ ни былъ полетъ ласточекъ — заранѣе извѣстно, что одна пятая погибнетъ при перелетѣ. Чудесенъ Египетъ, но надо приспособиться къ его чудесамъ. Не дремлютъ змѣи, колютъ шипы растений. У Египта свои болѣзни и хищники. Еще какая-то доля народа осуждена на вымирание.

Если геній крылатаго народа снизойдетъ къ горю гибнущихъ, отмѣнитъ перелеты и попробуетъ приспособиться къ условіямъ сѣверной страны, обреченныя на гибель личности спасутся? Быть можетъ, замерзнетъ весь народъ? Быть можетъ, половина его. Можетъ случиться и такъ, что данная порода не въ состояніи приспособиться къ даннымъ ус-

ловіямъ и послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ мучительныхъ попытокъ ей придется возстановить традицію осенняго перелета.

Какова бы ни была воля народа, она давитъ на личность и увлекаетъ на опасные пути. Неизбѣжна минута, когда радостный и согласный духъ коллектива отпадаетъ, и единство его можно поддерживать только, сжавъ зубы и заковавъ сердце, когда не духъ править, а — цѣль, сознаніе и поддержанная сознаніемъ воля. Когда приходитъ эта минута? Тогда, когда народъ сталкивается съ законами природы или законами исторіи. Личность подлечитъ ихъ губительному вліянію. И если она не согласна бороться съ ними такъ, какъ это угодно коллективу, ей приходится и самозащищаться и давать отпоръ гнету коллектива и совершать еще тысячи трудныхъ дѣлъ, опредѣляющихъ обреченную на гибель личность.

Личность никогда до конца не исчезнетъ въ коллективѣ и никогда не дастъ радостнаго въ немъ растворенія. Личность знаетъ свою гибель, и этимъ знаніемъ окрашена ея работа, ея мысли и ея радости. Коллективъ питаетъ иллюзію безсмертія. У личности безсмертіе — воля. Этимъ опредѣляются многіе эстетическія различія идей, покоящихся на правѣ личности идей, и идей, созданныхъ съ цѣлью прославить коллективъ. Первые имѣютъ глубокіе психологическіе корни, есть большая высота въ ихъ патетической декламации. Вторые хороши лишь въ холодѣ, въ расчетливости, въ волевой и сознательной своей сущности. Онѣ высоки въ разрушеніи, когда воля и сознаніе коллектива бьются, какъ океанъ, о стѣны неизбѣжнаго. Но радостный павосъ коллектива ложенъ, его декламация дешева. Ибо путь, предначертанный коллективу судьбами, въ тысячу разъ длиннѣе и круче, чѣмъ о томъ поютъ кастрированные пѣвцы *Zukunftsstaat'a*.

Если бы революція легко и быстро устраивала новый бытъ, ряды поборниковъ ея утроились бы. То же самое было бы съ войной, если бы задачи ея разрѣшались, наприкладъ, единоборствомъ. Однако, какъ на войнѣ, такъ и въ

революції процесъ играетъ значительно большую роль, чѣмъ общественныя заданія...

Тѣ, кому противна война и противна революція, говорятъ: и на войнѣ и во время революції безсчетно расточаются человѣческія силы, люди убиваютъ, грабятъ, насильничаютъ; и тутъ и тамъ данъ просторъ низменному, а для возвышеннаго не остается мѣста; можно принять за данія революції и войны, но дѣла ихъ прокляты.

Быть можетъ, дѣла ихъ и прокляты. Но надо искать силы поднять ихъ грузный и мучительный крестъ. Ибо тѣ заданія, которыя раціоналистически признаются заданіями войны и революції, составляютъ едва примѣтную долю окровавленныхъ соковищъ, открывающихся на днѣ ихъ проклятыхъ и насильническихъ дѣлъ. Задачи войны въ трактовкѣ разнообразнѣйшихъ политическихъ группъ: завоеваніе рынковъ или сокрушеніе Германіи. А на дѣлѣ, кто назоветъ всѣ звенья цѣпи, извлеченной изъ колодца временъ войной? И что таитъ въ себѣ звонкая бадья, которая чѣмъ ближе, тѣмъ тяжеле? Только столѣтія скажутъ о войнѣ послѣднее свое слово. Но уже и мы видимъ развалъ имперій, переносъ границъ, образованіе новыхъ государствъ, вымираніе народовъ, скрещеніе ихъ, интенсивную работу техники, государственный псевдосоціализмъ, ростъ капитализма, четырехлѣтній интервалъ въ работѣ культурныхъ силъ, который не можетъ не дать сильнѣйшей и благотворнѣйшей реакціи, ростъ интернаціонализма, успѣхи авіаціи и хирургіи, измѣненіе сознанія миллионовъ участниковъ и зрителей страды смертной, измѣненіе, которое не можетъ быть учтено сегодня. Какія задачи навязываютъ революції прямолинейные теоретики? Всенародное голосованіе, освобожденіе трудящихся, такъ или иначе формулируемый пасифизмъ. А на дѣлѣ одинъ сегодняшній взрывъ революціонной радости больше измѣнилъ лицо Россіи, чѣмъ могли бы измѣнить его всѣ вмѣстѣ взятые бытовыя завоеванія интернаціоналистическаго пасифизма...

Бороться съ войной и революціей во имя мира внѣшняго и внутренняго люди будутъ всегда, ибо миръ желаненъ, когда гремитъ война. Но противопоставлять миръ войнѣ и миръ революціи, значитъ не видѣть блага войны и не видѣть зла мира. Вѣдь надо же установить разъ навсегда. Блага войны, какъ и блага революціи, качественно новы и отличны отъ блага мира; зло войны и зло революціи качественно подобны злу мира. Надо безъ устали повторять: тихое, безкровное, организованное, несправедливое насиліе морально и общественно хуже насилія случайнаго и оправданнаго въ страсти, хотя бы оно протекало въ безобразныхъ и кровавыхъ пароксизмахъ. Въ войнѣ и революціи нѣтъ ни единаго проявленія зла, котораго не было бы и въ мирномъ бытіи въ слегка разбавленномъ видѣ, замаскированнаго идеями соціальнаго равновѣсія и наибольшаго, большинству доступнаго въ данную минуту, общественнаго блага...

При перелетѣ въ Египетъ геній ласточкинаго народа радуется, геній гибнущихъ особей — угрюмъ и молчаливъ. Тяжель перелетѣть, не милъ и Египетъ. Но геній народа знаетъ: если даже чудеса теплаго края для гибнущихъ не краше равнинъ, покрытыхъ снѣгомъ, — все равно; перелетная страда зависитъ не отъ воли крылатаго народа, а отъ другихъ не отмѣнимыхъ причинъ, отъ смѣны временъ года, отъ стужи и отъ безсознательной тяги въ даль маленькихъ, оперенныхъ тѣлъ.

Словъ я точно не помню, но смыслъ сохранилъ.

Говорилъ крестьянинъ.

— Баринъ любитъ пожалѣть. Чуть не за что жалѣть, чуть народъ простой шелохнется и голову подыметъ, баринъ сейчасъ услышитъ: воняетъ отъ народа. Обидится — пошелъ вонъ отъ стола...

Другой крестьянинъ.

— Мужику не надо вѣрить. Мужикъ скажетъ правду только мужику, да и то не всегда. Наше дѣло, наша и правда. Барину мужицкая правда не нужна. Барину одно нужно:

чтобы то, что задумаетъ, было на правду похоже, и чтобы все гладко.

Говорилъ рабочій.

— Вы насчетъ сочувствія? Намъ нужно дѣло. Чтобы все по новому — наше. Какое тутъ сочувствіе.

Еще одинъ.

— Вы никогда не поймете, что подвалъ, голодъ, недостатокъ досуга, грязь, несправедливость власти, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, какъ сѣрная кислота, до тла выѣдали нашу жизнь. Не поймете, что это было вотъ такъ, какъ мы съ вами говоримъ, день ото дня, часъ отъ часу, пока вамъ въ лицо не плеснуть тою же кислотой. Обожжетъ, такъ поймете. И то не все. Васъ обожжетъ разъ, насъ выѣдало столѣтіями.

Полученъ указъ объ амнистіи уголовнымъ. Освобождаютъ многихъ, но не всѣхъ. Въ этомъ есть неправда. Выпустить изъ тюремъ бродягъ, воровъ и грабителей, наряду съ преступниками по несчастію, въ минуту ломки всего государственнаго и полицейскаго механизма — непрактично. Но если явилась потребность въ широкомъ, отдающемъ старою московскою религіозностью жестъ, то не слѣдовало скупиться. Пусть на одинъ хоть день опустѣютъ тюрьмы. И неважно, что стража и заключенные, разставаясь, обмѣняются улыбками, неважно, что часъ возврата для многихъ такъ близокъ, что, пожалуй, горечь его не стоитъ дня и ночи подаренной свободы. Исторія освятитъ день, когда во всей странѣ не было узниковъ — остальное она можетъ отнести на счетъ испорченности человѣческой природы.

Купцы, адвокаты и чиновники осуждаютъ амнистію. Тюрьма — для вора, воръ — для тюрьмы. Но почему о практичности говорятъ только по поводу добрыхъ дѣлъ? Зло себѣ довлѣетъ, съ него не спросятъ отчетъ.

Тюремная администрація приняла амнистію весело, наслаждалась замѣшательствомъ, предвкушала развязку и, по опыту, готовилась соединить со временемъ и освобожденныхъ и освободителей подъ однимъ кровомъ. Прокуроръ былъ податливъ, понималъ все съ полуслова и расширительно толковалъ законъ. Уголовные требовали немедленнаго освобожденія, грозя разнести тюрьму. Начальство дѣлало видъ, что перепугано на смерть. У города не было ни средствъ, ни пріюта для амнистируемыхъ.

Деньги легко удалось собрать — среди купечества.

— Не дадите, бросимъ арестантовъ среди города.

Собрали въ круговую полную шляпу ассигнацій. Пожертвовали муку, сахаръ, чай. Подъ ночлегъ была приспособлена этапная казарма. Тюфяки и одѣяла дала больница.

Въ тюрьмѣ было прибрано — и шумно. Начальникъ почтителенъ. Надзиратели казались старшими братьями и добрыми отцами заключенныхъ. Похоже было на маскарадный котильонъ, когда раздають золотые ордена и звѣзды.

Изъ тюрьмы уходило около восьмидесяти человѣкъ. Когда меня окружили блѣсыя, блѣдныя, косыя, лукавыя, темныя, просительныя, злыя, возбужденныя маски, на душѣ стало непроглядно-смутно и холодно, какъ бываетъ передъ лицомъ насильственной смерти, и простыя мысли отчеканились въ мозгу:

— Тюрьма — это своя, особая, правда, и преступникъ — свой, особый, путь къ этой особой правдѣ. Здѣсь нельзя шутить.

И оттого, что то, съ чѣмъ мы пришли, было для этихъ людей забавой — ихъ кривыя маски стали еще болѣе кривыми, деревянные носы еще болѣе деревянными; блуждающіе глаза свѣтились; ползли непрощенныя болѣзненныя улыбки; тупо, зло и сумасшедше-ярко полыхала насмѣшка, и буйное разгулье дурацкой негаданной удачи подымало вдохновеніемъ груди.

Они обѣщали мирно провести ночь въ казармѣ — на самомъ дѣлѣ въ ней осталось только трое. Идіотъ, хромой и больной приступомъ маляріи. Хромой слезами плакалъ отъ обиды — не поспѣлъ за товарищами. И я снова понялъ. Не поспѣтъ — это большая, серіозная бѣда. Грошевый вертепъ со скверными, какъ грѣхъ, истасканными женщинами, ударъ ножомъ въ спину застигнутому на городской окраинѣ тюремному предателю, подожженный домъ того, изъ-за кого потеряно въ тюрьмѣ шесть лѣтъ — которые все равно были бы потеряны по другому поводу — страшно важно, важно, какъ сама жизнь.

На утро они собрались въ заарендованной для нихъ чайной — чайную искони извѣстную, какъ воровской притонъ, они одобрили, — единственную изъ всѣхъ нашихъ затѣй. Въ полдень пришли снова ко мнѣ, въ Комитетъ. Теперь на лицахъ была не только насмѣшка — еще и страхъ быть обманутымъ. Заманять, окружать, запрутъ — и конецъ забавѣ...

Старикъ-надзиратель принесъ списки. Онъ положилъ ихъ молча на столъ — много видалъ человѣкъ на вѣку своемъ, сталъ простъ, какъ вода — и спросилъ:

— Слышно, еще никого не тронули?

Я отвѣтилъ:

— Какъ будто никого.

— Долго не выдержать.

— Что же сдѣлать?

— Среди нихъ есть Б., многократный взломщикъ, грабитель. Не разъ бывалъ старостой. Поговорите съ нимъ. Его послушаютъ.

И ушелъ.

Вызвали Б. Темное лицо. Но уменъ. Такого умнаго язвительнымъ умомъ человѣка я раньше встрѣчалъ только разъ — тоже въ тюрьмѣ, въ Петербургѣ. Это былъ извѣстный инженеръ Никольскій, любившій преступленіе и посылавшій людей на преступленіе. Б. былъ развязенъ, но не

наглѣ. Я просилъ его повліять на товарищей. Просьба польстила. Онъ вышелъ къ остальнымъ. Пошептались. Онъ поручился за три дня, за дальнѣйшее же не ручался. Я поблагодарилъ. Началась выдача проѣздныхъ билетовъ на родину.

Три дня прошло безъ кражъ. Дѣля проѣздныя деньги, лишь немногіе клянчили прибавки, а грозилъ и кричалъ о кровопійцахъ всего на всего одинъ. Кассы не было, я одинъ съ глазу на глазъ сидѣлъ съ ними въ большой пріемной, на столѣ были разложены деньги. Меня отзывали къ телефону для переговоровъ, на засѣданія Комитета. Не пропалъ ни одинъ рубль. Но родина отпущенныхъ всегда была далеко за горами, Томскъ, Владивостокъ, Архангельскъ, — чтобы подороже продать билетъ. Только грузины и горцы уѣзжали на родину. Все больше — слабые и духовно и физически люди. Преступники — по слабости.

Черезъ три дня была кража со взломомъ въ складахъ городского головы. Въ Марьиной рощѣ сгорѣлъ домъ. Неладное случилось въ Кабардинкѣ. Двоихъ я часто и безъ дѣля встрѣчалъ на базарѣ. Двоихъ видѣлъ матросами на уходящей шхунѣ. Трое работало подъ городомъ на каменоломняхъ. Небольшая артель ушла рыть въ окрестностяхъ артезіанскіе колодцы. Тюрьма пополнилась новыми сидѣльцами. Амнистія была забыта.

Даже у революціи, и въ первые же недѣли ея бытія, есть два лица — офиціальное и неофиціальное. Офиціальное лицо радостно и многозначительно. На неофиціальномъ — смута и растерянность.

Часто приходится бывать на заводахъ, въ казармахъ, на постахъ пограничной стражи, въ канцеляріи воинскаго начальника. Жизнь въ нихъ все та же, что была и раньше, и не та. Потеряна ложная старая цѣлесообразность, а новая либо невозможна, либо еще не приобрѣтена.

Строятся Совѣты въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ, подтверждаются права трудящихся, но суть заводскихъ взаимоотношеній та же — задешево купить работника, за дорого продать товаръ. Не то новыя права, не то совсѣмъ не права. Солдатъ по прежнему гонять на фронтъ, увозятъ оттуда раненыхъ, хоронятъ убитыхъ, а въ основной цѣли этихъ преступленій, въ побѣдномъ концѣ, уже нѣтъ прежней обязательности, и это чувствуютъ всѣ, отъ воинскаго начальника, который потерялъ самоувѣренность призваннаго пастуха смерти, до понурыхъ, какъ ястреба въ клѣткѣ, горцевъ, которые преодолѣваютъ свое гортанное нарѣчіе, чтобы сказать по-русски: — Не надо посылать, надо ждать.

Люди стали доброжелательнѣе другъ къ другу, культивируется особая революціонная, слегка подчеркнутая вѣжливость, — равные къ равнымъ по праздничному, по пасхальному, высшіе къ низшимъ въ силу новыхъ лозунговъ, гдѣ неумѣло, хотя искренно, гдѣ — и чаще — фальшиво, заискивающе, гдѣ — въ большинствѣ случаевъ — сжавъ зубы, въ ожиданіи обратнаго поворота историческаго колеса. Но низшіе къ высшимъ не стали доброжелательнѣе. Они ждутъ отмѣны старыхъ неправдъ, они вообще ждутъ. Не отъ чего добрѣть, не за чѣмъ фальшивить.

Даже гнусныя нѣдра старыхъ канцелярій на нѣсколько дней подобрались подъ вліяніемъ лозунга свободы и равенства. Сократилось на одну, двѣ недѣли число чинимыхъ обидъ и злоупотребленій. Люди попытались по первому слову давать ближнимъ то, что ранѣе получалось за мзду. Однако, это улучшение не служитъ стимуломъ къ забвенію обидъ. Я съ удивленіемъ подмѣтилъ въ себѣ тихую ярость, которая родится при видѣ либеральнаго сыщика, внезапно ставшаго чувствительнымъ и гуманнымъ начальника тюрьмы, или жандарма, выражающаго радостную готовность служить новой власти. Эта же ярость — въ глазахъ солдатъ, рабочихъ, раненыхъ, больныхъ, запертыхъ въ тюрьмахъ. И она тѣмъ упорнѣе, что скоро кривая злоупотребленій круто и рѣши-

тельно повернула въ гору, и сами злоупотребленія стали откровеннѣе и игривѣе. Либеральные законы рождаютъ чувство безнаказанности. И вправду, безнаказанность растеть. Съ одной стороны, потому, что старый порядокъ разлагается, а новаго еще нѣтъ. Съ другой стороны, потому, что праздничность окрашиваетъ переходящую обыденность въ свои цвѣта: наказывать стало трудно, почти невозможно.

Работа на заводахъ идетъ слабѣе. Рабочимъ есть о чемъ подумать. Много времени берутъ собранія и введеніе новыхъ распорядковъ. Да подчасъ и сами руки неохотно берутся за станокъ. Дума — врагъ подневольной работы. Инженеры стали отмѣнно либеральны, отчего уваженіе къ нимъ рабочихъ сократилось еще вдесятеро.

Солдаты бесѣдуютъ, поминаютъ родину и мирный бытъ, много спятъ, занятій мало, никто не провѣряетъ посты. Офицеры ничего не понимаютъ въ происходящемъ, смущены и нерѣшительны, что вовсе не увеличиваетъ солдатскаго къ нимъ расположенія. Солдаты понимаютъ, что такое старая солдатчина, и къ чему она, но сочетанія новыхъ правъ съ сущностью старой солдатчины не могутъ принять. Права — такъ права. Айда домой.

У простыхъ людей есть потребность въ остановкѣ, потребность въ отдыхѣ и раздуміи, чтобы разсѣять чувства неясности и незавершенности происходящаго. У людей изъ общественныхъ верховъ есть страхъ передъ остановкою, они чувствуютъ, что недовольство простыхъ людей неясностью и незавершенностью происходящаго относится непосредственно къ нимъ, противъ нихъ направлено. Поэтому имъ свойственна потребность въ безостановочномъ продолженіи старой работы; ничто не оправдываетъ ихъ бытія такъ убѣдительно, какъ работа, которой никто другой не можетъ совершить.

Если смѣло обобщить и аппрофондировать то, что томить, какъ старый недугъ, сознаніе рабочихъ и солдатъ — мы придемъ, черезъ утверженіе ихъ разорванныхъ, частичныхъ,

насушныхъ интересовъ, къ осязанію, живому и неоспоримому, материка новой культуры, зародившагося въ глубинахъ этихъ темныхъ и сильныхъ стихійностью своею душъ. Огромный, тяжелый, въ ночи рожденный, грубыми изломами очерченный, страшный соблазнительною своею первозданностью, и въ то же время новизною, материкъ. И воля къ нему. Жестокая воля, кованная молотами конкретныхъ бѣдствій. Угрюмое отрицаніе того, что до сего дня казалось сужденнымъ въ рабочей, солдатской и мужицкой долѣ, — стоитъ многихъ храмовъ, библиотекъ и статуй и измѣнить лицо міра безповоротнѣе, чѣмъ писанія мудрецовъ.

Если обобщить страхъ остановокъ у людей изъ общественныхъ верховъ, освободивъ этотъ страхъ отъ корысти и самолюбованія, — очистится воля къ сохраненію существующей культуры. Она, она одна, и мы ея хранители. Воля народная — это мечты о Бѣлой Арапіи. Ни одного священнаго камня, ни одной музейной пылинки. Цѣпи и бичи народу, если онъ посягнетъ.

Народъ, всякій, и особенно русскій народъ, приученъ быть орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Свободнаго, безсловнаго народа, еще ни разу въ вѣкахъ не видала исторія. Бывали временами свободные роды, свободныя секты — обычно изъ бѣгуновъ: бѣжали отъ культуры, куда глаза глядятъ, во славу нѣтовщины, безъ которой къ свободѣ и не приблизиться.

Культура — цѣпь прошлаго угнетенія на рукахъ и ногахъ народныхъ, какъ бы прекрасна сама по себѣ она ни была. И освобожденіе народа — гибель частичная или общая культуры.

Отъ несвободы чуждой тяготящей его культуры такъ молчаливъ народъ.

Интеллигенція же рѣчиста. Великіе и безпокойные ея представители уходятъ отъ нея въ индивидуальное творчество, и законъ ея средней лепечущей жизни — не для нихъ. Она безотвѣтственна. Она гранитъ и шлифуетъ поверх-

ность культуры и не любить заглядывать въ глубину. Плодъ вырожденія когда-то съ землею связанныхъ, первобытно-сильныхъ основоположниковъ и строителей старой культуры, она не помнитъ времени, когда возникъ ея страшный и неожиданный призракъ, не видитъ и нынѣ восходящаго, какъ гигантское, черное безформенное солнце, новаго материка, который требуетъ, требуетъ, требуетъ — чего, еще никому не дано сказать.

Интеллигенція знаетъ причины, пути, обстоятельства и цѣли, охотно и пространно изъясняетъ ихъ. И безславно гибнетъ въ подвижныхъ складкахъ колеблемой земной коры. Зато страшно и трогательно народное молчаніе во времена несчастныхъ и запоздалыхъ войнъ. Это, сходящіе съ престоловъ владыки прошлаго, руками самаго народа, подъ окрики корыстныхъ мудрецовъ, шутовъ и дуралѣевъ, ставятъ мельницы въ поляхъ народныхъ, чтобы молотъ и рвать народное тѣло, чтобы превратить въ полезный продуктъ зрѣющій подъ спудомъ народный духъ. И народъ молчитъ. За то говоритъ интеллигенція. И при перекличкѣ на призывъ: — народъ отзывается наивно или увѣренно: я — за него, я — з н а ю.

Письма изъ Петербурга. Воззваніе Петербургскаго Совѣта 14 марта о всеобщемъ мирѣ. Трудящіеся противопоставлены націямъ. Отвращеніе государственниковъ къ этого рода актамъ. Воззваніе стало возможнымъ, ибо есть надежды на революцію на Западѣ. Здѣсь это звучитъ, какъ сказка. Ни довѣрія, ни недовѣрія — слова.

Апрѣль. Новороссійскъ.

Воззванія правительства и общественныхъ организацій полны призывовъ къ мирному труду. Тамъ война, тутъ нѣтъ еще и четырехъ недѣль со дня переворота, и — мирный трудъ. Это не наивность. Это расчетъ и страхъ. И надежда елейными рѣчами удержать катящуюся подъ гору телѣгу.

Куртуазія дипломатовъ — либерализмъ баръ. Сущность международныхъ и сословныхъ отношеній и ихъ формы. Есть что-то глуповатое въ философскомъ идеализмѣ. Идеализмъ въ вопросахъ международного или социальнаго значенія хуже, чѣмъ глупость — предательство.

Нѣтъ ничего общаго между самопожертвованіемъ, подвигомъ, душевною высотой, чистотою и идеализмомъ. Можно такъ сказать: подлинный идеализмъ никогда не носитъ идеалистическихъ одеждъ.

Старыя радыкальныя арганізацыі развальваюцца. Без-
сіліе Крестьянскага Саюза.

Організаваться, арганізацыя, сорганізуемся. Симп-
томъ непрочности стараго государства — э́тотъ напоръ
центробѣжныхъ силъ. Антигосударственность, и по отно-
шенію къ старому государству и по отсутствію чутья во-
обще, у большинства революціонныхъ партій.

Изъ воззванія: «Вѣрьте другъ другу, офицеры, солдаты и
матросы... Спокойно выждать созыва учредитель-
наго собранія... Родина ждетъ отъ васъ мудрыхъ рѣшеній»...
(Подписалъ военный и морской министръ А. Гучковъ).

Отреченіе царя не произвело впечатлѣнія на крестьянъ.
Философски:

— Вотъ, былъ царь, и нѣтъ его. Чѣмъ кормиться ста-
нетъ? Робить, вѣдь, ничего не умѣетъ.

— Что съ нимъ сдѣлають, сошлютъ?

— Былъ Петръ, вотъ былъ царь. Хозяинъ.

— Былъ одинъ царь, теперь много царей. Революція ре-
волюціей, а панъ паномъ и останется.

— Убить бы его. И всѣхъ, кто съ нимъ. Начисто.
Спокойнѣе будетъ.

— За границу поѣдетъ. Купить домъ, землю, будетъ
жить.

— Слуги, которые у него были, теперь ушли?..
Зачѣмъ ему слуги, когда не-царь. Самъ около себя
пусть ходитъ. Дольше проживетъ.

— Были царь и Богъ. Царя нѣтъ. Говорятъ, и церкви запечатають.

Въ оцѣнкахъ подчеркивають двѣ черты: ничтожество и нечистоту. Расспрашиваютъ о дѣтяхъ, о бытѣ, о доходахъ. Размѣры личныхъ богатствъ вызываютъ возмущеніе. То же данныя о земляхъ удѣльнаго вѣдомства. Крестьянамъ извѣстна роль великихъ князей.

— Панъ и пидпанки. Панъ плохъ, а пидпанки и его хуже.

— Царь и псарь.

О Распутинѣ знаютъ мало. Или знаютъ, но не говорятъ. Крестьяне въ такой же мѣрѣ избѣгаютъ говорить о сексуальной нечистотѣ, въ какой любятъ — о хищеніяхъ, о неправильно накопленныхъ богатствахъ, о скопидомствѣ и пр. Немного зависти?

Женскій митингъ въ Народномъ Домѣ. Монархическія рѣчи. Много злобы — ни къ чему опредѣленному не относящейся, блуждающей. Черты изувѣрства.

Разсудку ясно: зря выпускать вора изъ тюрьмы незачѣмъ, нехороша бабья безумная злоба, покой и мирный трудъ лучше заворошки, побѣда на войнѣ полезнѣе пораженія.

Но за высокимъ мѣстомъ разсудка стоитъ нѣкто тихій, расчетливо-взвѣшивающій и вглядывающійся въ неизвѣстное будущее. Тотъ тихій, что и въ личной жизни кличетъ бѣду, растворяетъ ей ворота, оправдываетъ неоправдываемое и избираетъ въ храминѣ судебъ для себя же тяжелѣйшіе кресты. Тотъ тихій, что не знаетъ, чего хочетъ, хочетъ всегда того, чего нѣтъ и отталкиваетъ доступное только потому, что оно доступно.

Когда на митингѣ бѣсновались женщины, лишеныя умѣнья овладѣть собой и позабыть хоть на минуту горечь своей доли, тихій счетчикъ сосчиталъ: злоба обездоленныхъ женщинъ — хворостъ на костеръ революціи. Пораженія на фронтѣ переживаются не такъ, какъ полгода назадъ, — они нужны для чего-то. Примирительныя рѣчи на засѣданіяхъ Комитета единенія солдатъ и офицеровъ, питаютъ лицемѣріе собравшихся, и, точно по уговору, лицемѣріе это тѣмъ радостнѣе киваетъ головою, чѣмъ больше елѣя въ нетвердыхъ рѣчахъ. Но сладкое томленіе неизбежнаго, чувство равно знакомое и жертвѣ и палачу, охватываетъ собравшихся въ минуты словесныхъ схватокъ, упрековъ за прошлое и замаскированныхъ угрозъ. Людямъ бѣлой кости не вѣрятъ, ибо они взнуздывали человѣка, какъ скотину, и располагали привилегіей посылать смерда на смерть. И это обстоятельство пригодится. Хорошо, что бѣгутъ солдаты изъ рядовъ. Хлѣба мало въ большихъ городахъ — пусть такъ и будетъ. Бездарно правительство. Петербургскій Совѣтъ бьется въ тенетахъ своихъ уклончивыхъ руководителей, провозглашаются лозунги мира и революціи на Западѣ — пусть. Все, отъ чего копятъ силы, разрушающія государство, отчего распадаются на тончайшія волокна частныхъ союзовъ и объединеній его ткани, — все это суммируетъ и складываетъ въ своемъ сознаніи тихій, какъ чудесные залогіи ни съ чѣмъ несравнимыхъ бѣдствій.

Здѣсь, въ городѣ, я часто вспоминаю нерадостный, но упрощенный кругъ человѣческихъ дѣлъ Криницы. На горѣ, въ Криницѣ, міръ дѣлился на двѣ неровныя половины: Береговая и шоссе, косность и скитальчество, трудъ — ка-торга и трудъ — несчастная случайность, забота — законъ и забота — уступка несовершенству міра. На шоссе капля

за каплей просачивался бунтъ свободнаго человѣка противъ старыхъ основъ соціальной жизни.

Нельзя шоссе бросить на Береговую, чтобы оно уничтожило милый и постылый трудъ береговцевъ и спутало глубокіе корни ихъ повседневнои жизни. Но нельзя и береговцамъ дать право перебить ноги всѣмъ граниющимъ шоссе бездѣльникамъ — желаніе, вовсе не чуждое Береговой, всякой вообще Береговой на землѣ русской.

Бродяги непримиримые враги трудящихся береговцевъ. Раньше всего потому, что бродяги тяготѣютъ къ крайностямъ, береговцы же — къ золотой серединѣ. Бродяги либо волею счастливаго случая становятся господами жизни и сами начинаютъ угнетать береговцевъ, либо тяжело идутъ на дно, сопровождаемые презрѣніемъ середины. Береговскихъ крестьянъ мечта — купить поросенка, выкормить да отложить въ кубышку старую сотенную. Медленно переставляются грани, удачи ничтожны, бѣды тяжки, середина, середина во всемъ. Еще они потому враги, что ихъ отношенія къ труду противоположны. Презирающій трудъ — каторгу и обреченный на трудъ — каторгу не найдутъ общаго языка. Еще они враги потому, что бродяга позналъ и принялъ познаніе ничтожества своего — да и всякаго — бытія въ огромномъ мірѣ, онъ скептиченъ, онъ не произноситъ даже про себя слова и с т и н а и полонъ живой эстетики скитальчества, знакъ котораго — жаркій придорожный костеръ въ позднюю осеннюю пору. Крестьянскія же колеи сильнѣе и воли, и разума, ихъ мѣняютъ опасно, даже неблагородно. Эстетика крестьянства въ спокойной неторопливости прозябающаго зерна; въ бѣломъ силуэтѣ — голубѣющемъ отъ ночи — усталого коня на весенне-сиреновомъ небѣ надъ черною пахотою; въ прямомъ столбѣ розовѣющаго въ тихомъ закатѣ дыма надъ избою; въ косыхъ кругахъ полуручныхъ ласточекъ; въ отдыхѣ; въ медлительномъ накопленіи; въ круговоротѣ временъ. Эстетика крестьянина внѣ его самого и его волеизъявленія, она въ покорности, въ созерца-

ни предмета вглубь его, но вовсе не въ видѣніи этого предмета съ разныхъ точекъ зрѣнія, издали, сверху и снизу. Крестьянинъ не умѣетъ и не хочетъ презирать себя, своего, цѣнностей своихъ, — что составляетъ большую половину скитальческаго паюса, и безъ чего, кстати, не творятся революціи.

Однако, и русскій крестьянинъ и русскій бродяга могутъ согласиться и когда-нибудь согласятся на одномъ — на от-
вращеніи къ государству. Крестьянинъ — болѣе меркантильно, бродяга — отчасти принципиально. Крестьянинъ никогда не чувствовалъ заботы государства, оно было по отношенію къ нему грубо, грабительски настроено и бичемъ, — налогомъ и тюрьмою висѣло надъ нимъ отъ колыбели до могилы. Бродяга, по отношенію къ ближнимъ, — послѣдователь Штирнера. Онъ сохраняетъ, пожалуй, большую гибкость въ временныхъ своихъ соглашеніяхъ съ ближними, чѣмъ это предписывалъ философъ. Тѣмъ лучше. Но государству онъ непримиримый врагъ.

Такъ — въ деревнѣ. Въ городѣ — не то...

Письма и газеты изъ Петербурга. Временное Правительство — сохраненіе государства. Вожди Совѣта боятся потерять государство. Если предѣлъ всему — государство, то жизнеспособны только к-д. И у народа нѣтъ правъ. Даже права неподчиненія. И должны быть надъ народомъ власти, съ орудіями обузданія въ рукахъ.

Холодная, заинтересованная или трусливая рѣшимость сохранить государство дать новаго Побѣдоносцева? Или, можетъ быть, люди должны теперь же строить новое государство?.. Сблазнъ сильной государ-

ственной власти. Соблазнъ участія въ строительствѣ. Либерализмъ — перчатка, подъ которой скрыта желѣзная рука. Рука хозяина, тюремщика, иногда даже палача.

Въ Криницѣ я бывалъ дома — на шоссе. Здѣсь, въ городѣ, я болѣе или менѣе дома только на заводахъ. Работа моя — среди умѣренныхъ. Но и это не домъ. И крайніе тоже не домъ. Вѣроятно, я самъ не знаю тоже, чего мнѣ нужно. Вижу, что и большинство окружающихъ не знаетъ. Хотя и притворяются знающими.

Крестьяне и рабочіе не говорятъ о томъ, что имъ нужно, но живутъ сами по себѣ такъ, какъ имъ нужно, и такъ, чтобы приближалось то, что нужно. Оттого, несмотря на ихъ угрюмость, съ ними легче. И оттого же безразлично, какъ они мотивируютъ свои поступки.

Или писателю надо привыкнуть обходиться совсѣмъ безъ дома?

Если взвѣсить, какъ слѣдуетъ, слова и дѣла великихъ людей — они такіе же враги средней интеллигенціи, какъ крестьяне и рабочіе.

Мы — п р а з д н ы , сколько бы мы ни трудились.

Деревня разслаивается медленно, несмотря на революцію. Да и слоевъ намѣчается немного: богатые и средніе крестьяне заодно; одѣльно безземельная бѣдность; и отдѣльно отъ всѣхъ — идущіе съ фронта, взволнованные, смертельно утомленные, жутко загнанные, несчастные солдаты.

Солдатъ нужно выслушать первыми, и съ ними больше всего посчитаться. Они — изведенные изъ ада. Лица ихъ обожжены, руки дрожатъ, дѣянiя опредѣляются ночнымъ сознанiемъ. Это понимаютъ немногіе. И чѣмъ предоста-вить слово солдатамъ, къ нимъ обращаются съ рѣчами. Го-нимому на бойню волю говорятъ объ идеальной цѣнности бойни. Отвратительно.

День 21 апрѣля, — нота Милюкова о цѣляхъ войны, де-монстрація солдатъ и рабочихъ, въ Петербургѣ, демонстра-ція сочувственниковъ войны. Снова — голосъ государства. Половинчатость лозунговъ, и правительства и руководи-телей Совѣта. Война неизбѣжна. Война невозможна. И ни-кто не въ силахъ выбрать.

Темная, тяжкая тоска. Чувство слѣпоты. И лукавство: обмануть судьбу, обойтись безъ рѣшенiй.

Полковникъ М. говоритъ:

— Дезертиры — болѣзнь арміи. Болѣзнь надо лечить прижиганіями. Ваши комиссары скоро поймутъ это и нау-чатся сами.

Врачъ С. И. Т. Только что пріѣхалъ съ кавказскаго фронта говорить:

— Среди дезертировъ больныхъ очень мало. Уходятъ съ фронта, главнымъ образомъ, здоровые. Инстинктъ са-мосохраненiя.

М. Ш. — тоже съ фронта. Былъ цензоромъ. Говоритъ мнѣ:

— Мы съ вами незнакомы, но я васъ знаю по письмамъ. Вы переписывались съ N. и V. У N. вообще очень любопыт-ная переписка. И большія связи... Одна московская дама преслѣдуетъ N. признаніями...

М. Ш. — радикалъ, адвокатъ, не чуждъ литературы. Слылъ порядочнымъ человѣкомъ...

Въ Комитетѣ показали мнѣ полковника Т. Мориль голодомъ и обкрадывалъ солдатъ. Присваивалъ деньги и серебряные крестики, вынутые изъ солдатскихъ писемъ. Едва спасся отъ расправы. Ждетъ назначенія. Приспособился къ новымъ вѣяніямъ. Все это — демократія.

Перехожу отъ группы къ группѣ, отъ кружка къ кружку. Нигдѣ не свой, возбуждаю недовѣріе, да и не хочу быть своимъ.

Жизнь остановилась. Руки многихъ, столь многихъ, новыхъ хозяевъ дня несмѣло тянутся такъ же, какъ руки вчерашнихъ, къ привычнымъ благамъ — безопасности, власти и, конечно, деньгамъ. Позади — сверженіе. Сейчасъ — воззванія къ фронту о побѣдѣ. Впереди — учредительное собраніе. Но жизнь остановилась — какъ снарядъ, на секунду неподвижно повисшій въ воздухѣ въ секунду перелома. И историческіе факты кажутся фантомами безъ аромата и содержанія.

Я хочу работать и строить. Хочу знать, чего нужно тѣмъ, кто совершаетъ и для кого совершаются революціи. Знать, т. е. какъ можно больше видѣть, т. е. какъ можно меньше проповѣдывать.

Теоретически это не сложно. На дѣлѣ почти невозможно въ небольшомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни одной сильной созидательной массы, гдѣ люди разбились на группы и кружки.

Ихъ столкновенія и интересы понять со стороны очень трудно.

Совѣтъ хочетъ арестовать начальника охраннаго отдѣленія М., но М. когда-то игралъ въ карты въ клубѣ съ Л., П. и С. И вотъ Л., П. и С., члены Комитета общественной безопасности пытаются спасти М. отъ ареста. Адвокатъ З. сталъ членомъ совѣта — старый гамень, обжора и фатъ, такъ какъ двое изъ членовъ комитета обидѣли его когда-то во время спектакля въ пользу пострадавшихъ отъ пожара.

Когда Л. комментирует программу к-д, думается, что только съ к-д и можно строить новую жизнь. Но когда Л. добивается званія городского головы и прибираетъ къ рукамъ все, изъ чего, по его мнѣнію, построится со временемъ «н а с т о я щ а я» власть — нѣтъ вѣры ни Л., ни его программѣ. Вице-губернаторъ С.-П. стоитъ на словахъ за республику и за единый демократическій фронтъ, но инженеры, фабриканты и купцы, — съ которыми онъ якшается, — изъ тѣхъ, что влекутся назадъ и очень нескоро остановятся въ своемъ влеченіи. С-д П. пытается оттягать автомобиль у губернскаго комиссара, а с-д В. днюетъ и ночуетъ у партійныхъ враговъ, ибо страшится реставраціи. Засѣдаютъ Комитеты, комиссіи, пятерки, тройки, всѣ возможные общественныя дробы окапываются въ тѣсныхъ ямкахъ и всѣ — съ камнями за пазухой, и всѣ слишкомъ слабы для схватки, избѣгаютъ поводовъ для нея, и жизнь останавливается. И такъ изо дня въ день. Не общественныя силы, а люди, нечистыя общественныя смѣси, ненадежные растворы съ ложной кристаллизацией. Оттого-то и запрещено общественнымъ мнѣніемъ здѣсь думать. Надо примыкать. Каждый — не примыкающій либо возможный врагъ, который примкнетъ не во время къ другимъ, либо тайный врагъ и лазутчикъ, уже примкнувшій и скрывающій, либо опасный стяжатель, ждущій за примкнутіе особой мзды и званія.

Основное познаніе послѣднихъ мѣсяцевъ — косность человѣческаго большинства, и ничтожество большинства интеллигентныхъ людей. Ихъ мотивы, цѣли, души — все ничтожно. Я никогда не зналъ, что такое паѳосъ разстоянія; не видѣлъ основаній для него и никогда такихъ основаній не приму. Но знаю теперь, что только въ глубинахъ личнаго и трагическаго, подъ работою молота судебъ, сохраняютъ средніе люди искру Божию. Въ дѣлахъ повседневности, въ земномъ устроеніи, въ общественности они низки, своекорыстны и жадны чаще, чѣмъ объ этомъ принято говорить.

Оттого такъ хорошъ по сравненію съ ними бродяга. Въ немъ перегорѣла жадность. Оттого мотъ, кутила, свихнувшійся человѣкъ, человѣкъ отъ дна и подполья ближе къ концамъ и началамъ правды, чѣмъ строитель обыденной жизни. Оттого всѣ мы, духовные скитальцы, писатели, художники и любители истины, будемъ вѣчно цѣнить пессимизмъ, разрывающій связь съ благами жизни. Оттого есть своеобразная прелесть въ стальномъ взглядѣ вора по страсти — не маленькаго, не несчастнаго вора. Онъ уже не преданъ собственности своей, крадетъ и бросаетъ. Оттого надежду гремятъ пляски пролетарскаго моря и нѣтъ въ немъ, вопреки буквѣ доктрины, частой корысти, а есть воля къ уничтоженію всякой корысти, отчего сокращаются поводы быть ничтожнымъ.

Жить и думать по своему можно въ лѣсу или въ большихъ городахъ, въ пьяномъ ихъ свѣтѣ, въ холодномъ отчаяніи людскихъ душъ, замерзающихъ одиноко на камняхъ, въ ненависти униженныхъ, въ лихорадкѣ партійныхъ разговоровъ и презрѣнія къ жизни, въ публичныхъ домахъ, у неугасающихъ по ночамъ лампъ больныхъ, вырождающихся писателей, у доменныхъ печей, въ грохотѣ сталелитейныхъ заводовъ, въ подвалахъ, въ откровеніяхъ безвѣстно-гибнущихъ геніевъ и пытателей естества, распинаящихъ себя на крестѣ собственныхъ мыслей...

Корысть большихъ городовъ переросла себя самое, стала страстью, потеряла чутье дѣйствительности и чутье предѣловъ и проливаетъ свою кровь дождемъ разъѣдающихъ кислотъ, громоздитъ дѣла и собственными же руками низвергаетъ ихъ.

Купецъ Гучковъ становится военнымъ министромъ. Однако, возможно такое положеніе, когда Плехановъ или Ленинъ станутъ купцами и научатся считать барыши, хотя бы не для себя, а для народа. Офицеры расчлениаютъ армію во славу краснаго знамени, — но не исключено и обратное, строительство и дисциплина, возстановленіе власти сильнаго

надъ слабымъ во имя того же знамени. Адвокатское краснорѣчіе мерзитъ роковыя минуты страны, но жестъ красная разносится по міру, какъ новый міру завѣтъ. Приходитъ часъ — вновь сметены герои, дѣла, жесты, декламація, сильные люди, встанутъ новые владыки, а въ глубинахъ городскихъ лабораторій духа уже будутъ снова вариться ядовитыя зелья и новыя слова расшиваться золотомъ на зовущихъ стягахъ. Но и въ этомъ раскатѣ событій все же останутся люди, которые будутъ только глядѣть, глядѣть, глядѣть. И никто не спроситъ насъ здѣсь, кто мы, какъ вѣруемъ и зачѣмъ переходимъ отъ человѣка къ человѣку, отъ группы къ группѣ, и зачѣмъ не имѣемъ отвѣтовъ на историческія загадки. Тамъ, въ большихъ городахъ, на своемъ мѣстѣ вожди, на своемъ — глашатаи, на своемъ — слуги и паства, но на своемъ и Діогены революцій, соціальныхъ или духовныхъ, которые погасятъ свой фонарь только тогда, когда смерть успокоитъ ихъ тревожное сердце.

Въ пути.

Отъ неразберихи городской, отъ воззваній, полемики и сплетенъ — на легкой кавказской линейкѣ черезъ перевалы, вдоль рѣчекъ, въ запахахъ едва раскрывающихся листовъ и блѣдно-тѣлесныхъ доцвѣтающихъ азалій. Со стороны степей въ вѣтеръ колючій, со стороны моря — нѣжной ладонью касается щеки и глазъ, живой и солоноватый. Прохладныя испаренія мшистой, закрытой прѣлымъ листомъ земли. Анемоны, первые одуванчики. Капель избыточныхъ древесныхъ соковъ. Дикіе гуси у перелѣска, журавли надъ гребнями тянутъ къ сѣверу. Черкесская старина, полуснесенныя плотины, память о дикихъ сшибкахъ, гдѣ-то верхомъ тутъ проѣзжали Лермонтовъ и Одоевскій, и море, съ его шелками, бесплодными томленіями и туканьемъ невидимыхъ за остроконечнымъ мысомъ моторныхъ шхунъ.

На Михайловскомъ перевалѣ долго не дають лошадей — какъ всегда. Налѣво оголенные бельгійцами склоны, вырубленъ лѣсъ, скошенъ молоднякъ. Направо образцовый фруктовый садъ. Ч. и хатки культурниковъ. Отъ горнаго апрѣльскаго воздуха и простора сильно и умиленно бьется сердце.

— Теперь уже никто не станетъ косить наши лѣса. Насадимъ сады, настроимъ дома, проведемъ дороги. Какое солнце, какъ стройны деревья, какъ близокъ птичій гомонъ — благословенна земля и благословенъ трудъ нашъ. Наша земля, наши сады, и нашъ трудъ.

Р а н ь ш е невозможно было такъ думать. Пожалуй, и сейчасъ рано.

Въ Пшадѣ первый митингъ. Не агитаціонный. Я хочу, чтобы о н и говорили... И чтобы попытались по иному ладить свой бытъ... Вечерѣтъ. Площадка и палисадникъ волостного правленія полны людьми. Вопросы:

— О сословіяхъ.

— Когда конецъ войнѣ?

— Изъ какихъ земельныхъ запасовъ уравниють староселовъ и новоселовъ?

— Что будетъ съ дезертирами?

— Если помѣщицью землю отдадутъ крестьянамъ, можно ли переселенцамъ съ Украины и Дона возвратиться домой на увеличенные надѣлы?

— Съ выкупомъ или безъ выкупа?

— Будутъ ли налоги въ новомъ государствѣ и кому ихъ платить?

— Вѣрно ли, что свои люди, крестьяне, будутъ сидѣть въ правительствѣ, и какъ сдѣлать, чтобы знать о нихъ и куда послать ходоковъ?

— Вѣрно ли, что церкви будутъ запечатаны?

— Увеличать ли пайки вдовамъ и сиротамъ?

Береговая, Криница, Бета, Вуланка, Джубга. Строгія лица, строгіе вопросы. Очень мало игры. Немного наивной важности и самолюбованія. Есть недовѣріе, и на мало его.

Новый порядокъ въ томъ, что слово и дѣло должны стать одно. Что сказано тутъ — тамъ, въ правительствѣ, сдѣлано.

Что имъ отвѣтить? Что я не знаю, произошла ли революція, произойдетъ ли?

Проѣхалъ по побережью губернской комиссаръ, членъ государственной думы Н. Въ городахъ его носили на рукахъ, особливо гимназисты, которыхъ освобождали на три дня отъ занятій. Въ деревняхъ, по изстари заведенному порядку кричали ура. Попы произносили рѣчи, пономари били въ колокола. И комиссаръ, и свита были въ самоупоеніи.

Люди, которыхъ посылаетъ Петербургъ, ѣдутъ не къ крестьянамъ, не къ рабочимъ, не къ труду и не къ революціи, а къ средней либеральной интеллигенціи, которая хлопаетъ въ ладоши и думаетъ, что все останется на своихъ мѣстахъ, и что она — племя героев-освободителей. И это въ дни, когда нужны дѣла. Мѣстная власть, какъ и центральная, не есть власть. Въ моменты всеобщаго расслоенія и дифференціаціи власти нѣтъ, никто ничего не можетъ сдѣлать. Только говорятъ, — подробно говорятъ эти все убывающія дробы.

Война до побѣднаго конца, — произносятъ крестьяне. Думаютъ въ это время — никакой войны не надо. Произносятъ — возстановленіе государства въ прежнихъ границахъ. Думаютъ — до города сто верстъ, до столицы — двѣ тысячи, мѣста много, какія тутъ границы! Справедливъ подходящий налогъ, произносятъ они. Думаютъ — къ чему налогъ, если своя, крестьянская, будетъ власть. Можно и безъ налога. Произносятъ — Временное Правительство, а думаютъ — чѣмъ не правительство нашъ волостной сходъ? Предѣлъ — волостныя республики.

Ходоки — то, что зовется службой связи. Идутъ въ губернской городъ за семьдесятъ и за сто верстъ купить газеты, которыхъ дома никто толкомъ не прочтетъ. Идутъ за слухами къ сосѣдямъ и на Кубань. Провожаютъ меня отъ села до села, чтобы сопоставить, что говорится. Готовы ѣхать въ Петербургъ, чтобы подавать — кому? — челобитныя.

Ходока выбираютъ за умъ, обходительность и богатство для губернскаго городка, гдѣ впередъ извѣстны тема бесѣды и личность собесѣдника. Такой ходокъ устраиваетъ по пути личныя свои дѣла, учтивъ и разговорчивъ, при случаѣ готовъ поважничать на счетъ собственныхъ односельчанъ. Для дальнихъ странствій, для задачъ, по наитію воспринятыхъ и не оформленныхъ сознаніемъ, избираютъ ходока другого — проникновеннаго и чистаго душою, точно для жертвоприношенія. Среди такихъ ходоковъ можно встрѣтить юродивыхъ, косноязычныхъ, чудаковъ и полунищихъ, питающихся на счетъ пославшаго ихъ общества. Ихъ посылаютъ потому, что они не выдадутъ и готовы пострадать за крестьянскій міръ. Традиціи бироновщины и петровскаго времени по сей день не изглажены изъ крестьянскихъ головъ.

Май. Въ пути.

Лавочникъ.

— Теперь расторгуюсь. Много вольности для народа нехорошо. Торговать же — легче будетъ.

Учитель.

— Нужно бы денегъ на школу. Построю новый домъ, куплю книгъ, тетрадей, глобусъ, новую карту. По всей Россіи, говорятъ, школы строить будутъ.

Лѣсникъ.

— Сосѣдамъ — новоселамъ дать бы лѣса на постройку; надо бы и на ограду — въ прошломъ году медвѣдь весь баштанъ растаскалъ; и на мостокъ надо, рѣчка отъ дождей разливается, ни проходу, ни проѣзду.

Завѣдующій ремонтомъ Индо-европейскаго кабеля неистовый человѣкъ.

— Долой пограничную стражу. Долой таможни, попа, дьякона, старыхъ учителей, кооперативную лавку. Исправить шоссе, построить мостъ, соорудить пристань, увеличить пайки, удесятерить самообложеніе, открыть въ селѣ гимназію, устроить каботажное плаваніе, чтобы шли въ маленькую Джубгу дешевые товары изъ русскихъ и иностранныхъ портовъ.

Смѣшно? Нѣтъ. Это впервые выпрямился и заговорилъ человѣкъ. И требуетъ, чтобы слово стало дѣломъ.

Крестьяне спрашиваютъ о значеніи партій, о партійныхъ программахъ, о способахъ воздѣйствія на общественность.

— Куда записываться?

Я отвѣчаю такъ, чтобы поняли шутку:

— К-д, с-р, с-д, анархисты...

Смѣются.

— Расскажи.

Разсказываю. Слушаютъ. Программы воспринимаютъ — какъ реальные пути. Въ Парижъ можно ѣхать черезъ Вѣну, черезъ Берлинъ, черезъ Брюссель — такъ с-д, с-р, к-д по пути къ справедливости.

— Что прикажутъ дѣлать, если запишусь въ партію?

— А совсѣмъ безъ партіи оставаться нельзя?

— Партія захочетъ — дадутъ землю?

— Помѣщики записываются? Имъ тоже землю дадутъ?

О программѣ с-д:

— Это для городскихъ. Намъ фабрикъ не надо, не управимся.

О программѣ с-р:

— Это для насъ. Только, чтобы земля совсѣмъ наша, каждому своя.

— Можно и заплатить. Крѣпче будетъ.

— Нѣтъ платить нельзя. Одинъ заплатить, другому нечѣмъ. Обществомъ землю взять, общество и раздѣлить.

О программѣ анархистовъ:

— Эти ничего не хотятъ. . Полиціи не надо — это правильно. А судъ — надо. Не то поножещина начнется. Смѣлые они, не боятся.

Недовѣріе къ пришлымъ агитаторамъ.

— Пусть къ намъ никого не присылаютъ. Лучше мы своихъ пошлемъ. Посмотрятъ, и намъ разскажутъ.

— Намъ бы книжекъ. Сыны намъ почитаютъ.

— Въ газетахъ плохо пишутъ. Каждая газета про свое. Не понять.

Грамотные подростки быстро растутъ умственно. Они видятъ дальше, чѣмъ отцы, не только выгоду, но и стихію. И сами склонны къ стихіи, дѣти военнаго времени, утратившія страхъ, пріобрѣтшія цинизмъ, любопытство и географическія познанія. Ихъ роль въ жизни деревни неожиданно возросла. И это хорошо.

Борьбы за восьмичасовой рабочій день крестьяне не понимаютъ. Прошелъ слухъ, будто его введутъ принудительно и для полевыхъ работъ. Ропщутъ.

Неодобрительно обсуждаютъ повышеніе заработной платы на заводахъ. Товаръ станетъ дороже.

Программа партій должна быть по представленіямъ крестьянъ сжатой энциклопедіей. Довѣріе падаетъ, если не на всѣ вопросы готовъ отвѣтъ.

На бесѣды приходятъ женщины. Большой вопросъ — паекъ для гражданскихъ женъ солдатскихъ. Незаконные дѣти въ забросѣ. И законъ обидчикъ, и старики, родители согрѣшившей, обидчики. Грѣши, сколько хочешь, только бы дѣтей не было.

— Въ какую партію записаться, чтобы одной жить, не съ мужемъ?

— Т. е., чтобы женщинѣ дали самостоятельный надѣлъ.

— И бабамъ свободу дать надо. И земли надо. И чтобы мужу въ паспортъ не писать.

— Мужики законы пишутъ, бабамъ не помогутъ мужскіе законы.

— Наслѣдство дѣлять несправедливо. Бабѣ всегда — ничего, все мужику.

Длинень свитокъ женскихъ жалобъ. Онѣ конкретны, избѣгаютъ обобщеній и требуютъ рѣшенія немедленно. Не приходятъ съ жалобами лишь тѣ особаго типа спокойныя и твердыя женщины, которыя самостоятельно, не хуже мужиковъ, ведутъ хозяйство и къ которымъ сельчане относятся уважительно, не подчеркивая разницы половъ и правъ. Едва ли не въ каждой деревнѣ есть такія хозяйки. Имъ точно на роду написано вдовѣть.

Да, всѣ эти люди, крестьяне, рабочіе, лавочники, учителя, солдаты, лѣсники, — всѣ вдругъ осознали свое право строить жизнь по мечтѣ своей и по волѣ.

Не ладное слово — мечта. Легковѣсное. Въ противоположность полновѣсному — воля.

Солнце, сила, беззаботность, тихій трудъ, колосьями позлащенное поле, плавная мысль надъ рѣкою временъ...

О, тяжелый молотъ судебъ. И то, что уже не вернется. Никогда.

Старикъ съ косымъ шрамомъ на голомъ черепѣ и съ вытекшимъ глазомъ, пришелъ въ с. Ольгинку изъ горныхъ хуторовъ.

— Я выберу депутата законы писать, а онъ меня обманетъ и не тѣ законы напишетъ?.. Я старый, мнѣ не къ чему обманывать. Самъ хочу ѣхать.

На сельскомъ сходѣ вблизи Туапсе.

— Для чего учредительному собранію всѣ законы сразу писать? Надо по-малу. Написать и испробовать... Слышанное ли дѣло сразу всѣ законы написать!.. И куда ихъ пишутъ: въ книгу?

— Законы по губерніямъ пишутъ? У насъ землю надо корчевать и бить плантажъ, а въ Курской губерніи пшеницу въ степи сѣютъ. Какъ же, чтобы былъ одинаковый законъ?

Зажиточный хуторянинъ, не старый еще, перечислялъ кого надо лишить избирательныхъ правъ:

— Бабъ, старшинъ, старостъ, поповъ, исправниковъ, жандармовъ, почтовыхъ чиновниковъ, бродягъ, рыбаковъ, грузчиковъ и лѣсорубовъ.

Почтовые чиновники читаютъ письма, знаютъ чужія мысли, могутъ повредить невиннымъ людямъ, имъ нельзя законодательствовать. Бродяги, грузчики и лѣсорубы живутъ изо дня въ день заработками, не обладаютъ ни имуществомъ, ни цѣннымъ инструментомъ. Рыбаки, хотя и обладаютъ имуществомъ, иногда даже землею, но проводятъ много времени не на сушѣ...

Крестьяне противъ низкаго возрастнаго ценза. Боятся тайнаго голосованія, ибо оно даетъ просторъ непокорству сыновей и младшихъ братьевъ.

— Такъ, вотъ, онъ возьметъ, да себя и выберетъ. А товарищи помогутъ...

Настроены противъ прямыхъ выборовъ и несмѣняемости депутатовъ. Прямые выборы плохи тѣмъ, что нельзя исправить сдѣланныхъ ошибокъ. Всею губерніей выбирать — не выборы, а насмѣшка. Благодаря несмѣняемости депутатовъ отбивается отъ рукъ, заводитъ въ столицѣ личныя дѣла и перестаетъ служить обществу.

Революціонность крестьянства пока подъ спудомъ и раскроется не черезъ годъ и не черезъ два. Привычная нищета и безправіе ограничили воображеніе крестьянина, и направляется онъ только во хмелю и неожиданно для себя самого. Оттого такъ страшны и, часто, тупы стихійныя движенія крестьянства. Стихійность въ немъ ничего не преодолеваетъ, кромѣ страха, и сама ничѣмъ, кромѣ страха, не преодолевается. Въ аполлоническаго.

На сельскихъ сходахъ. Кто дѣятеленъ? Самородки, сильные умомъ и духомъ люди, сельская интеллигенція, крикуны и темныя личности. Середина пассивна.

И добрые и злые вносятъ страстность и недобродѣтельны. Добродѣтельность бездѣятельна, ищетъ мелкихъ и прочныхъ выгодъ, эволюціи. Отвлеченные интересы и фанатизмъ. Мелкія и прочныя выгоды эволюціонныхъ теорій — страхъ передъ историческимъ фатумомъ и его загадками.

Митинги давно перестали быть митингами. Уже не моя безпокойная воля, а посланные отъ крестьянъ заставляютъ колесить по губерніи, забираясь въ наиболѣе отдаленныя щели. Въ иныя уже и на линейкѣ не проѣдешь — качается и трещитъ испытанный, вѣчный почтовый тарантасъ, недовольно прядаютъ ушами пріобывшіе къ шоссе кони... И чѣмъ глуше деревня или хуторъ, тѣмъ упорнѣ зовутъ пріѣхать.

Въ волостномъ правленіи, на сходкѣ или въ школѣ собираются выборные. На скамьяхъ сидятъ сельчане, не смѣнясь часами. День разспрашиваютъ о значеніи переворота. Вѣрятъ въ благость его и, вижу, многократно обманутые, боятся до конца повѣрить. И такъ тяжело-серіозны, такъ каменно-серіозны отъ надеждъ, отъ неясности будущаго, отъ тревоги, отъ желанія понять происходящее въ столицахъ — что заставляютъ скупѣе и скупѣе отмѣрять слова.

Весь обиходъ стараго государства былъ сложенъ такъ, чтобы множить обиды крестьянина или лишить его вѣры въ законъ, въ правду и въ себя самого. То жернова, то кровососныя банки, то обухомъ по головѣ, то клѣтка, то тысячи уколовъ мелкими орудіями пытки. Церковь обездушена, священники превращены въ сыщиковъ, власть обезчещена, школа зажата въ тиски, врачъ сдѣланъ мученикомъ, судъ искаженъ, законъ приспособленъ къ волѣ господствующихъ.

И это — не въ закругленныхъ фразахъ революціонной прокламаціи, а въ тысячѣ на каждую деревню конкретныхъ частныхъ, житейскихъ бѣдъ, которыя немедля должны быть исправлены, и которыя даже сейчасъ исправить некому. Это — огромной плотности, слежавшійся геологическій пластъ, подъ нимъ сдавленные силы-вихри. Переложить съ мѣста на мѣсто хотя бы одинъ камень этого пласта, значить дать исходъ вихрямъ, исходъ же ихъ — катастрофа. Та самая катастрофа, которую предвидѣли Пушкинъ и Лермонтовъ, Достоевскій и Соловьевъ, Герценъ и Мишле, славянофилы и религіозные сектанты, Тютчевъ и Блокъ. Въ особенности со второй половины девятнадцатаго вѣка начались предчувствія того, что «настанетъ годъ, Россіи черный годъ» —

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ людямъ на землѣ.
Не просто будетъ онъ воитель;
Но исполнитель Божьихъ каръ, —
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

(Тютчевъ).

Если вихри встанутъ, нѣтъ силы, которая могла бы ихъ обуздать — и нѣтъ подъ небомъ права обуздать ихъ. Это возстаніе — исправленіе каждымъ учиненныхъ ему неправдъ. Каждымъ — за себя. Приблизительно объ этомъ думалъ Штирнеръ, когда писалъ: «Издавна эгоистъ утвердилъ себя въ преступленіи и насмѣшливо отрицалъ святое — крушеніе святого можетъ сдѣлаться всеобщимъ: — не революція возвратится, но могучее, беспощадное, безсовѣстное, гордое преступленіе. — Развѣ ты его еще не слышишь въ раскатахъ отдаленныхъ громовъ, и развѣ ты не видишь, какъ небо, полное предчувствій, молчитъ и хмурится?»

Такъ въ деревнѣ. Въ городахъ — стремительная организація, видимо, подымаетъ волю коллектива надъ едино-

личною распрямляющеюся волею мстителей за прошлое, тамъ возможны стройныя массовыя дѣйствія, т. е. налицо данныя для сознанія новыхъ формъ жизни.

Когда играютъ дѣти, войти незамѣтно въ комнату, забиться въ уголь, позабыть о себѣ и невзначай увидѣть міръ такимъ, какимъ они его видятъ. То же — если бы существовали великаны, во время ихъ, великанскихъ, игръ и битвъ. То же — въ деревнѣ.

Что дѣлать съ духовенствомъ? Въ семи случаяхъ изъ десяти, крестьяне, поговоривъ о дѣлахъ, предлагаютъ:

— А теперь попа гнать надо.

Не антирелигіозность, не антицерковность. Дѣловое: гнать именно этого попа, ибо больше нельзя жить съ нимъ бокъ-о-бокъ.

Церковь отравлена государствомъ. Слуги церкви — слуги государства. Двуличность, зависимость, измельчаніе, распро- странившееся на духовную, на общественную и на личную жизнь.

Священникъ въ В. прижилъ незаконную дочь, пытался отравить ее, выслалъ изъ села съ помощью мѣстнаго урядника; жаденъ, чванливъ, небреженъ въ требохъ. Священникъ въ Д. — лукавъ, ловкій торгашъ, мутитъ въ губерніи, стяжатель. Въ Б. — развратенъ и важенъ, безъ смѣха крестьяне о немъ не говорятъ. Въ К. — стяжатель, бралъ непомѣрно много за требы, небреженъ, оставлялъ умирающихъ безъ напутствія. Въ Т. — темный, равнодушный ко всему человѣкъ. И т. д. И всего двое или трое священниковъ другого склада. Одинъ — рачительный хозяинъ, и за себя и за крестьянъ. Одинъ — юнецъ, живой и мягкій, безсребре-

никъ, раздвоенный, трогательно тоскующій среди своихъ же. Одинъ — строгій старикъ монашескаго склада, пожалуй, единственный на всю губернію священникъ, знающій, что такое вѣра, и другимъ говорящій объ этомъ.

Большинство священниковъ замарано нечистыми комбинаціями съ пайками для солдатскихъ семействъ и вдовъ. Обѣщаютъ выхлопотать паекъ — долю его берутъ, по соглашенію, себѣ. Иные принимали чрезмѣрно близкое участіе въ дѣлахъ кооперативныхъ лавокъ. Есть торгующіе табакомъ, виномъ, фруктами, скупщики фруктовой сушины у крестьянъ. Есть ходатаи по частымъ дѣламъ, сутяги, торгующіе своими связями въ губернаторской канцеляріи, у уѣзднаго начальника, въ консисторіи.

Иногда крестьяне призывали священника на сходъ, требовали покаянія и обѣщанія исправиться. Заодно устанавливали твердую таксу за требы. Многіе представители духовенства окрасились въ защитно-революціонные цвѣта. На епархіальныхъ сѣздахъ выносили резолюціи въ духъ времени, такъ же, какъ полгода тому назадъ служили соборные молебны за здравіе и преуспѣяніе. Въ С. дьяконъ засталъ священника за составленіемъ кондуита — въ чаяніи грядущихъ расправъ прихотливо сплеталъ старикъ правду съ ложью, внося въ работу свою ночное вдохновеніе.

... А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ,
И не уйдешь ты отъ суда людскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

То же и здѣсь — потаенное, съ предвкушеніемъ людскаго суда и съ равнодушіемъ къ небесному.

На волостныхъ сходахъ крестьяне все чаще пытаются рѣшать общегосударственные вопросы. Война и миръ; принятіе въ русское подданство иностранцевъ — турокъ и гре-

ковъ, торгующихъ табакомъ; налоги; образованіе; мѣновая торговля съ границей. «Волостныя республики» — живые атомы распадающагося единства, ищущіе новой внутренней связи. Потребность непосредственно вліять на рѣшенія правительства. Наивное уваженіе къ собственнымъ резолюціямъ, которыя предполагаются дѣйственными. Новое чувство власти. Не Людовикъ, а Сидоръ говоритъ, хотя и неувѣренно: государство — это я.

Все въ цвѣту. Фруктовые сады въ душистомъ молокѣ. Рѣками проливается оно изъ сосцовъ матери-земли, розовѣя на персикахъ, грозясь удушливымъ ароматомъ желтоватыхъ бутоновъ наливающейся акаціи. Бѣлыми и розовыми островами окраплена сквозная зелень горныхъ склоновъ. Цвѣтутъ не одни деревья, цвѣтетъ воздухъ, цвѣтетъ легкимъ полдневнымъ туманомъ море.

Днемъ жарко, лоснятся потомъ прилежные крупы лошадей, чаще задумываются усталыя на бѣгу и жадно тянутъ ручьевую воду подъ прохладными мшистыми арками крутого моста.

Змѣится дорога, пылить — точно пылью поетъ — въ полдень, безмолвна отъ тяжелыхъ росъ послѣ заката. Рядъ за рядомъ встаютъ на югъ свѣтлѣя горы — огромень Кавказъ, не обнять.

Поэзія перекладныхъ, ея вольная дума, — сочетаніе сладости, тоски, дремливаго предвидѣнья и Богъ вѣсть чего... Тонкіе пальцы протягиваются отъ прошлаго. Далеко бьютъ, — бьютъ и гремятъ — волны отодвинутой дорожнымъ бездѣльемъ судьбы. И нѣтъ настоящаго, и все въ немъ, въ немъ одномъ. Покрываетъ дремотою весь улей жизни, и по ровному спяннымъ кругамъ ея сходить къ темному ея дну утомленный шарканьемъ колесъ и смѣлою далей путникъ. Стукъ копытъ, бряцаніе уздечки, умное пофыркиваніе лошадей,

узоръ восьми пляшущихъ копытъ. Многозначительная спина возницы, хрустѣнье старой оси на поворотахъ.

Хорошо шагомъ, больше прошлаго всплываетъ; хорошо рысцой, созерцая одымленные пылью копыта — дорожная юга, равновѣсіе безвольнаго плаванія; хорошо наддать подъ гору, когда вступить во власть настоящее, всѣ до единой черты окрестностей радостно ошеломить пробудившійся взоръ, и, дробя песчанникъ размытаго шоссе, пронесется телѣга мимо слегка ошалѣвшаго прохожаго.

Ночной лай собакъ, огни отдаленнаго хутора, жизнь чужая, чужія мысли и счастье въ вопіющей реальности ихъ за стѣнами чужихъ, освѣщенныхъ коптилкою хатъ, неудобные ночлеги, пѣтушиный во вторую ночную смѣну крикъ, когда, какъ и въ пути, смыкаются воедино прошлое, настоящее и будущее, и снова огненное счастье скитаній, горькая прелесть разлукъ, радость случайной человѣческой нѣжности, — чистой — и этотъ холодокъ послѣдней моей неприкаянности, дальше которой уже нѣтъ ничего — одни острозубыя стѣны великаго города Смерти...

Дорога, дорога, дорога.

Въ Д. слѣпой — отравленъ газами — полковникъ. Нарочно вызвалъ меня къ себѣ безъ дѣла, чтобы показать, что онъ — полковникъ. Нарочно разложилъ аттестаты — дворянинъ. Говорилъ о томъ, что послѣднее слово принадлежитъ ему и ему подобнымъ.

Этотъ — смертельно раненъ событіями и не воскреснетъ.

Второй день слѣпой полковникъ не идетъ изъ ума. Ничего путнаго онъ мнѣ не сказалъ, ничего о немъ не знаю, но мнится, что единственный исходъ, который онъ избралъ для

себя самъ — погибнуть отъ камня и палки подъ ногами одичавшей толпы.

На катерѣ въ Новороссійскѣ. Противъ Туапсе въ зелени водъ трупъ солдата-турка. На фронтахъ все та же — мы забыли — фронтовая обыденность.

Уже нельзя думать, особливо говорить, что для него — его жизнь была моя жизнь. Это знаешь и не пошло — только лицомъ къ лицу съ умирающимъ. Подумать и забыть, развлекшись игрою дельфиновъ — лучше ужъ нагое равнодушіе.

Есть дряблость чувства, есть безразличіе, есть мужественный закалъ — правда, результаты во всѣхъ случаяхъ одни и тѣ же.

Іюнь. Въ пути.

Есть что-то засасывающее въ предпосылкѣ е д и н с т в а. Вяжетъ она, какъ путы, какъ ненужная ложь. Легче бы думать, что народъ не единый народъ, уйти къ тѣмъ, къ кому лежитъ сердце, и вмѣстѣ добывать золотое руно. И революція, должно быть, не одна, а много ихъ — въ одной. Демократія тоже. И не единствомъ ли обусловлена та смутность цѣлей, о которой всѣ молчатъ и которою всѣ тяготятся?

Крестьянство — ненадежное слагаемое для народовластія. Его не связать ни съ кѣмъ. Властное въ одномъ, безсильное въ другомъ, разламывающееся, какъ весенній ледъ, на слои и льдины, по состоятельности, по общиннымъ или хуторскимъ навыкамъ, по губерніямъ и областямъ, оно не кажеѣтъ истинный ликъ свой, хотя вправѣ сказать о себѣ Лермонтовскимъ словомъ: «въ груди моей дрожатъ силы необъятныя».

Между крестьянами и рабочими пропасть, — что же сказать об остальных!

Клиномъ врѣзаются въ рабочій и крестьянскій материки солдаты, равно чужіе въ страстности своей и одному и другому. Для крестьянъ они по одиночкѣ — любимые сыновья и братья, которымъ время домой, къ сохѣ и коню; скопомъ, громадою солдатскою — они страшная вольница, преступившая обычаи отцовъ. Для рабочихъ они — орудіе борьбы за право, таранъ и молотъ. Приказчики, ремесленники, мелкіе чиновники, и выше — слой на слой, разрѣзъ на разрѣзъ, разсыпается великое единство прахомъ, и ни словомъ, ни лозунгомъ возвышеннымъ его не собрать.

Каждый разъ, когда въ губерніи что-либо строится на самомъ дѣлѣ — тѣхъ, кто выступаетъ за единство демократическаго фронта, постигаетъ неудача. Комитетъ общественной безопасности, слегка обновленная губернская администрація, демократическая газета, губернскій крестьянскій съѣздъ — все либо проплываетъ мимо намѣченныхъ цѣлей, либо — жалко, какъ проросшая въ ямѣ картошка.

Выборы въ сельскіе комитеты возбудили игру самолюбій. За грамоту, правда, никто не принялся, но безграмотные умники заставляютъ дѣтей читать вслухъ. Перечитывается все — хрестоматіи, учебники географіи, Ветхій и Новый Завѣтъ. И все оказывается неподходящимъ. Есть потребность не просто въ знаніи, а въ цѣлесообразномъ знаніи. Коротко говоря, въ курсѣ исторіи, экономики и государственнаго права — для чтенія вслухъ безграмотному отцу четырнадцатилѣтнимъ полуграмотнымъ сыномъ.

Нище — о культурѣ, памятка всѣмъ намъ, глядящимъ въ будущее, но колеблющимся въ выборѣ путей.

Геній культуры поступаетъ такъ, какъ поступалъ Бенvenuto Челлини при отливкѣ Персея. Челлини не хватило металла, форма могла не выполниться. Онъ, не задумываясь, кинулъ въ сплавъ все, что попало подъ руки — тарелки, чаши, монеты и ложки. Такъ и геній культуры пользуется ошибками, пороками, надеждами, образами, порожденными безуміемъ, металлами благородными и неблагородными, ибо вѣдь статуя челоѡчества должна быть отлита? Такъ ли ужъ важно, что кое гдѣ пустоты заполнить матеріалъ не перваго сорта?

Около года тому назадъ старое правительство въ трехдневный срокъ изгнало со всего побережья нѣмцевъ-колонистовъ. Хотя сроки и затянулись значительно дольше трехъ дней, изгнанники съ молотка продали движимость, бросили случайнымъ арендаторамъ поля и огороды, дома же оставили безъ присмотра. Теперь они возвращаются — тѣ, кто остался въ живыхъ. Дома ихъ полуразрушены — унесено все цѣнное, вплоть до гвоздей, винтовъ, оконныхъ рамъ, дверныхъ ручекъ.

Были добрыми сосѣдями, возвратились врагами.

На катерѣ между Криницей и Туапсе. Жаркій, безъ солнца, молочно-туманный день. Катеръ идетъ вдоль берега, рулевой внимательно глядитъ на воду съ высокаго своего мѣста. Рѣзкій поворотъ колеса, крикъ с т о п ъ, взволнованное лицо рулевого. И снова в п е р е д ъ, стороною. Въ водѣ, у самой поверхности — красная, съ облупленной краской, мина.

Ихъ приносить изъ Севастополя, изъ Батума, изъ Новороссійска, изъ Константинополя. Иногда онѣ взрываются, об-

рушивая береговой шиферъ. Одна долго лежала на пляжѣ въ Вуланкѣ. Дѣти играли на ней въ пароходы и въ мины, собаки подозрительно обнюхивали ее. Однажды пришелъ катеръ съ матросами. Мину разрядили и увезли.

Сочи. Рядъ роскошныхъ виллъ со слѣпыми окнами. Ихъ превратятъ въ здравницы и школы для больныхъ дѣтей. Это хорошо. Но это — лишь пользованіе существующимъ. Сколько десятилѣтій пройдетъ, пока народъ научится любить просторъ и красоту зданій?

На катерѣ. Группа солдатъ, отпущенныхъ на побывку. Блѣдный со сведенной рукою казакъ. Санитаръ, великороссъ, неряха, съ веселыми глазками на кругломъ безусомъ лицѣ. Шинель изорвана, схвачена кое-гдѣ бѣлыми нитками, не замыта кровь. Рядомъ — два аджарца въ коричневыхъ, облегающихъ тѣло бешметахъ. Лица — сухія, глаза полузавѣшаны строгими вѣками, губы сжаты, ни лишняго слова, ни неэкономнаго движенія. Многое повидали ихъ бешметы, и не такъ, какъ шинель санитаря, были они обрызганы кровью. Ткань ихъ повытерлась — но вся подчинена, стянута и чиста. Глазъ старшаго аджарца строго косить — даже не на неряху, а на полу его шинели, на почернѣвшую кровь.

— Что это? — спрашиваетъ аджарецъ требовательно.

Санитаръ заулыбался глазами.

— Что это? — дублируя согласныя и акцентируя на «а», требовательно допрашивалъ аджарецъ. — Не надо крови. Не надо рвани. Надо замыть. Надо почистить.

Одинъ — таскалъ раненыхъ. Другой самъ убивалъ. И

убивавшій знаетъ, что для войны не тотъ законъ, что для мира, что смѣшивать ихъ нельзя. Это — культура.

Мирная блокада помѣщиковъ. Ихъ не трогаютъ, но на работы къ нимъ не идутъ. Такъ, вѣроятно, и защитные кровяные шарики трактуютъ занозу или пулю, застрявшую въ тѣлѣ.

Съ марта по июнь въ жизни губерніи, кромѣ установленія гражданскихъ свободъ и ряда выборныхъ учреждений, реальныхъ переменъ не произошло. Но духъ губерніи измѣнился неузнаваемо, особливо за послѣднія недѣли.

Работа моя становится внутренне все труднѣе. Отношенія съ крестьянами превосходны. Но время объясненій и высчитыванія старыхъ бѣдъ отошло, а дѣла нѣтъ, и не предвидится.

Необходима власть реально измѣнять бытъ, строиться по своему — въ любыхъ границахъ, то ли губерній, то ли волостей. Только не ждать.

Въ самомъ началѣ революціи нѣкоторое количество мѣстной интеллигенціи было избрано въ сельскіе комитеты. Въ Д. былъ избранъ художникъ М., въ А. — О., сынъ основательницы Криницы К., въ В. — К., Я. и другой К. Крестьяне хотѣли использовать ихъ знанія, и правильно оцѣнили ихъ, какъ плоть отъ плоти, духъ отъ духа нейтрализующаго крайности временнаго правительства. Но прошли недѣли, и крестьяне стали тяготиться примиренчествомъ и многозначительствомъ. Крестьянамъ нужны были дѣла, а не сложные и умныя объясненія бездѣлья. Комитеты работали на холостомъ ходу, развилась подозрительность, отвратны стали резолюціи, явно было — да и не могло быть иначе — что централь-

ному правительству не до мѣстныхъ дѣлъ. Отъ наивной иллюзіи непосредственнаго участія въ работѣ центра остались одни горькіе осадки. Такъ же увядали уѣздные и губернскіе комитеты. Тамъ крестьяне въ меньшинствѣ, ихъ оттерли на задворки; лучшіе рабочіе ушли въ совѣты; купцы, чиновники, адвокаты, учителя и люди земскаго склада растекались въ спорахъ, тревожно оглядываясь на растущую рѣшительность совѣтовъ.

А совѣты въ свою очередь переживаютъ кризисъ, правда, малозамѣтный. Меньшевики и с-р'ы, являвшіеся мостомъ къ комитетамъ, отъ бездѣтельности комитетовъ и слабости правительства теряютъ почву подъ ногами. Идетъ тугое, упорное почкованіе и чѣмъ-то грознымъ вѣетъ отъ его неуклонности. Но оно не мѣшаетъ совѣтамъ жить своею организующею жизнью, подтягивать силы, сплетаться съ союзами, пускать ростки вглубь и вширь и пристально слѣдить за политической ролью комитетовъ и комиссаровъ.

Комиссары стали — исправниками, правда, честными и подчасъ съ университетскими значками. Они заняты сплошь представительствомъ, борьбою съ преступностью, земскими повинностями и выдачею разнаго рода удостовѣреній. Ихъ канцеляріи обратились въ либеральные участки, гдѣ могутъ на бумагѣ развести, похоронить и дать пропускъ въ Турцію, не за подкупъ, а по доброжелательству, или потому, что никто другой этого не сдѣлаетъ.

Въ Сочи я случайно увидѣлъ томикъ стихотвореній В. Брюсова, тотъ томикъ, гдѣ «гунны», гдѣ — «не агора, а общій залъ», отклики на революцію 905 года. Потянулась рука къ стихамъ, вѣдь скоро полгода, какъ заброшена литература.

Крѣпко сдѣланы «Гунны», надолго.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей повисли надъ міромъ,
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

Только — что въ нихъ? Звуковое заданіе? Соблазнительная ли тема — «а мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и вѣры, унесемъ зажженные свѣты въ катакомбы, пустыни, пещеры»? Или это — поэтическое предвидѣніе, возможное у Брюсова, хорошаго — въ литературѣ — историческаго діагноста, съ упрощенными и ясными схемами?

Сейчасъ Сидоръ, Иванъ, Илько, Федоръ — вовсе не гунны. Но есть въ нихъ то, отчего бываетъ жутко, — разрушительный геній толпы, которому все равно, которому ничего не жаль. Въ памяти моей сложены эти неподдающіеся передачѣ мгновенія, съ темнымъ блескомъ въ глазахъ, съ слегка опустившимися бровями, — и готовностью къ натиску въ движеніяхъ рукъ и плечъ. Разъ — когда ловили вора подъ Новороссійскомъ; воръ былъ изъ амнистированныхъ, а крестьяне рѣзко настроены противъ амністіи. Два — во время острой бесѣды со священникомъ въ Д. по поводу сиротскихъ пайковъ. И чѣмъ пышнѣе шуршала негнушающаяся парадная ряса, тѣмъ больше становилась опасность. Три — когда на хуторскомъ огородѣ нашли зарѣзанную сладострастникомъ дѣвушку — предполагался виновникомъ дезертиръ. Четыре, пять и шесть — въ бесѣдахъ о землѣ, о власти, о будущемъ, когда неожиданный поворотъ головы, соответствующій повороту мысли, являлъ гунна въ Сидорѣ и Федорѣ.

И что будетъ, если онъ придетъ? И кто тогда останется изъ насъ съ ними, съ родными гуннами? Комиссары? Комитетчики? Странствующие агитаторы?

Народъ, что море: вотъ шутить, а вотъ губить. И безъ разбора. Тогда — всѣ говорящіе о любви, о народной стихіи и о великихъ цѣляхъ отходятъ отъ него. А вѣдь онъ все-таки — онъ. И въ недугъ его, можетъ быть, больше, въ

лихорадкѣ и бредѣ его, можетъ быть, больше, въ преступленіи, неистовствѣ, звѣриномъ нетерпѣніи, въ возвратѣ къ обезьяньему оскалу и волчьей повадкѣ его, можетъ быть, больше, чѣмъ въ хилой покорности, чѣмъ въ рабьемъ собачьемъ быту и въ согласномъ покачиваніи головою на всякій извнѣ навязанный законъ, на всякое, комнатными мудрецами составленное, правило.

Въ 1902 году, въ одно изъ первыхъ продолжительныхъ скитаній моихъ, когда я вверхъ по теченію Днѣпра шель изъ Крыма на Сѣверъ, почти не удаляясь отъ великой рѣки, ради ея плавней, ради простора, ради отмелей, рыбацкихъ становъ и богатыхъ береговыхъ селъ — пришлось какъ-то заночевать у крестьянъ, вблизи имѣнія графа Н-ца. Близился 1905 годъ. Деревня была начинена недовольствомъ и сознаніемъ силы. Она ждала знака — и дикіе слухи изъ края въ край вихрились по приднѣпровскимъ и черноморскимъ степямъ. Вечеромъ въ хату собралось человѣкъ семь — нѣсколько безусыхъ парней, нѣсколько мужиковъ постарше. Если бы творческая городская Россія не была за семью царствами отъ Россіи деревенской — ихъ стать, ихъ вѣра, ихъ готовность къ страданію, сила молодости, сила чистой, не изгаженной войною крестьянской крови, ясность взгляда крестьянина кануна первой революціи, не остались бы незапечатлѣнными въ художествѣ...

Они сказали мнѣ, что готовы встать, что ждутъ только сигнала, что надо жечь помѣщичьи усадьбы и гнать помѣщиковъ, что они рѣшили подняться въ эту ночь и что, чтобы избѣжать убійства, они подбросятъ графу письмо — пусть уѣзжаетъ.

Я зналъ по книгамъ, что такое аграрная революція. Зналъ, что она неизбежна и у насъ, и, разъ начнется, неизбежно быть и огню и крови. Думалъ ли я о томъ, что еще не время? Думалъ ли о томъ, что не мнѣ давать знакъ, что для этого существуютъ партіи и организаціи, что положеніе въ высшей степени для странствующаго писателя глупое, но что, въ кон-

цѣ концовъ, его не такъ трудно ликвидировать безболѣзненно? По совѣсти, ни о чемъ изъ перечисленнаго я не думалъ. Я лишь всею душою желалъ того, что если суждено быть разгрому, огню и крови — пусть безъ меня. Только бы безъ меня. Это не былъ страхъ. Это было — Пилатово чувство. Въ тотъ день я понялъ, что не могу быть дѣйственнымъ революціонеромъ, а останусь наблюдателемъ и писателемъ.

Мой отвѣтъ крестьянамъ былъ нескладенъ — на тему: не время. Повѣрили они мнѣ, или поняли другое — не знаю. Ночь прошла спокойно.

Пилатово чувство, Пилатово умываніе рукъ — типично интеллигентскій отвѣтъ на гунново, скифское, стихійное начало въ возстающемъ народѣ. Шагъ — вмѣстѣ, два — вмѣстѣ, три — съ колебаніями и вздохами, но коль скоро ринется со всѣхъ ногъ, очертя голову, народъ — мы стоимъ уже въ сторонѣ, отряхая прахъ, и мѣримъ, и вѣсимъ, и предвидимъ. Лошадиная кровь. Лошадиное предвидѣнье.

На утро, еще до зари, я ушелъ изъ графскаго села. Пастухъ со свирѣлью, съ бѣльмомъ на глазу, рассказалъ мнѣ, что подметное письмо помѣщику привязали къ камню и метнули въ освѣщенное окно столовой. Въ домѣ всполошились. Долго еще, говорятъ, передвигались огни — отъ окна къ окну, изъ комнаты въ комнату — видно, не спали всю ночь.

На шляху меня перегнала коляска. Съ желтымъ лицомъ отъ неспанной ночи и тревоги старикъ. Женщина въ густой вуали. Чемоданы. И — все-таки — огромный, только что срѣзанный букетъ на передней скамейкѣ.

Во мнѣ же не было ни удовлетворенія, ни покоя. Ибо тотъ, кто, какъ всѣ мы, близко подошелъ къ стихіи народной, кто черпалъ изъ нея слово и мысль — тотъ не вправѣ уходить отъ этой стихіи, когда размахъ ея ему не по силамъ, а преступленій не можетъ поднять его совѣсть.

Какъ легко говоримъ мы о нихъ: — милые, безпомощные. Какъ легко общаемъ: все для васъ, великаны каменные. Какъ вѣримъ: только бы скорѣе громко и четко дано было міру вѣщее ваше слово. Такъ сказано, такъ будетъ сказано не однажды. Но сдѣлано ли?.. Пилаты, съ руко-
мойникомъ культуры, у подножья народнаго креста.

... Переходя изъ стана въ станъ, не находя себѣ дома и глядя на то, что происходитъ во мнѣ и вокругъ — я думаю объ одномъ. Только бы не забыть тотъ стыдъ. Только бы въ ряду неизбежныхъ, человѣческихъ измѣнъ, колебаний и ошибокъ, остаться вѣрнымъ въ ту, единственную, самую важную минуту, когда не прощается измѣна. Только бы не отвела отъ нихъ именно въ эту святую минуту — слѣпота ли, эстетика ли, разсѣянность ли, утомленіе ли, страхъ ли, одна изъ тѣхъ ничтожныхъ усложненныхъ силъ, которыя ничего не создаютъ на землѣ, но, какъ тина, обволакиваютъ совѣсть и застыть свѣтъ именно тогда, когда зоркость всего нужнѣе.

И еще по одному признаку можно думать, что придутъ на насъ родные гунны и, можетъ быть, недалекъ день ихъ прихода. Этотъ признакъ — внѣ политическихъ программъ и рациональныхъ выкладокъ, онъ въ основной противоположности воспріятія жизни общественными верхами и низами.

Тяжесть жизни и радость жизни прикованный къ тачкѣ труда рабочій или крестьянинъ воспринимаетъ, какъ единство. Въ потѣ лица своего будешь ѣсть хлѣбъ свой; добудешь его, оботрешь потъ, передохнешь — это и есть твоя радость. Трудъ — основа жизни. Его нельзя обойти. Его можно лишь полностью поднять и разрѣшить. Оттого движенія рабочихъ и крестьянъ такъ, на взглядъ празднаго чело-
вѣка, матеріалистичны по заданіямъ. Не свобода, не равенство, не братство, а право, равное для всѣхъ, чаще оти-

рать потъ и чаще вкушать отъ хлѣба своего. И лишь дальше — право посунуть на сторону трудъ и узнать праздность съ ея щедрыми дарами для духа. И лишь еще дальше — за горами — беззаботность золотого вѣка, съ его игрою, со свѣтлымъ сномъ и съ гармонизаціей праздника и будень.

Праздный человѣкъ пытается обойти законъ единства труда и радости — на клочкѣ своего сада, въ стѣнахъ своего дома, тишкомъ, покорствуя судьбѣ, создать поддѣлку золотого вѣка и надышаться прелестью ея до самой смерти. Оттого такъ защищаетъ праздный человѣкъ свои стѣны и садъ, когда суровый законъ единства труда и радости превращаетъ въ пустыню острова случайнаго счастья.

Такъ ведется испоконъ вѣку. И поэзія и философія пропитаны психологіей обхода жизненныхъ законовъ, декорирования нищеты и трудностей человѣческой жизни. И Симонидъ, и Діогенъ Синопскій, и Аристиппъ, и стоики учили раскидывать сады тѣхъ, кому судьба это позволила. Здоровье, красота, богатство, веселость — веселость, которая дотянулась и до насъ, и которая на нашихъ глазахъ безсильно никнетъ оттого, что въ современныхъ людяхъ пошатнулось сознание права на нее. Веселость не веселитъ больше. Врагъ у порога.

Іюль... Августъ... Сентябрь...
с. Архипо-Осиповка.

Записей почти нѣтъ. Работа брошена. Досугъ, пляжъ, книги. И столичныя газеты. Ихъ очень много — груды. Въ нихъ нахожу я разгадку того, отчего здѣсь ничего не удалось.

М а р т ъ только началъ. И теперь все вокругъ поплыло и двинулось. Почва, подпочва, нѣдра. Скорости различны, не одинакова глубина, не совпадаютъ углы.

Въ началѣ здѣсь, въ губерніи, появились люди, потомъ группы, но силами они до сихъ поръ не стали. Группы боятся преждевременно опредѣлиться, какъ бы не проиграть.

Я думалъ, что вношу долю ясности въ окружающую среду. На дѣлѣ же внесъ свою лепту неопредѣленности — особенно потому, что не хотѣлъ плыть ни съ почвой, ни съ подпочвой, ни съ нѣдрами. Жесткій шестъ, вбитый въ землю, и самъ не плыветъ и движенію мѣшаетъ.

Пока черноморская трясина цвѣтетъ всѣми оттѣнками трясинной зелени и пускаетъ пузыри, тамъ, въ Россіи, проплыло многое.

Май и іюнь ушли на уничтоженіе вліянія буржуазныхъ группъ. Прошли Всероссийскій крестьянскій съѣздъ и съѣздъ партіи с.-р. Партія раскололась. По всей странѣ проросла, какъ второй ея скелетъ, совѣтская организація. Фабричные комитеты. Земельные комитеты. Требованіе самостоятельности Финляндіей и Украиной. Палъ либеральный кабинетъ, вліяніе Совѣта родило коалицію. Пало вліяніе умѣренныхъ социалистическихъ партій — послѣ побѣднаго для нихъ перваго Всероссийскаго съѣзда совѣтовъ. Одни грозили учредительнымъ собраніемъ врагамъ, другіе, прославляя, добивались его отсрочки. 10-го іюня предполагалась демонстрація рабочихъ, направленная и противъ правительства и противъ съѣзда, но была отмѣнена. Началось и кончилось катастрофою наступленіе 18 іюня. На Всеукраинскомъ съѣздѣ 12 іюня отдѣлилась Украина. 3, 4 и 5-го іюля было возстаніе большевиковъ. Диктатура Керенскаго, совѣщанія — и бастующіе противъ нихъ рабочіе, возстаніе Корнилова и снова совѣщанія, совѣщанія. Значитъ, и тутъ, въ большемъ котлѣ, пока, какъ и въ нашемъ маломъ, были только люди и группы, но не силы

Октябрь. Криница—Петербургъ.

Во второй половинѣ октября пришла телеграмма отъ Е. П. Меня звали въ Петербургъ. 25-го октября я былъ уже въ пути.

Длинный — длинный поѣздъ медленно грузился людьми, мѣшками и чемоданами. Срокъ отхода давно протекъ — свистка не было. Таборъ солдатъ, переселенцевъ — куда? — женщинъ и дѣтей на перронѣ. Черныя лица ушедшихъ съ фронта. Провели очередного сумасшедшаго. У водокачки второй таборъ, поменьше; солдатъ съ бессмысленными отъ бредовой тоски глазами — видимо, въ жару. Садятся на крыши. Кое-гдѣ красныя розетки въ петлицахъ ѣдущихъ куда-то членовъ мѣстнаго комитета. Однако, особыхъ почестей имъ никто не оказываетъ. Ъхали, какъ всѣ.

Когда поѣздъ тронулся, онъ очень мало походилъ на поѣздъ старыхъ временъ. Облѣпленный людьми, шинелями, мѣшками, развѣвajícíся тряпьемъ — онъ несъ съ собою не законченность формъ и пестроту, которыя свойственны массовымъ переселеніямъ и совсѣмъ не свойственны

поѣзду. Люди не ѣхали, какъ бывало, а переселялись. Духъ кочевья и необезпеченности воцарился на периферіи культуры.

Въ Ростовѣ пассажиры штурмовали газетный кіоскъ. По взволнованнымъ лицамъ офицеровъ видно было, что вѣсти тревожныя.

Сосѣдъ мой, военный чиновникъ, ѣхавшій къ мѣсту службы въ Финляндію, тихонько собралъ свои вещи и исчезъ. Вообще въ вагонахъ стало просторнѣе. Прекратились дорожные разговоры. Населеніе разбилось на кружки. Въ кружкахъ шептались.

Въ вагонѣ перваго класса ѣхалъ нѣкто въ генеральскихъ погонахъ. На полупути до Москвы—погонь не стало, появился сѣрый, просторный костюмъ. На узловыхъ станціяхъ группы военныхъ уходили на телеграфъ, и возвращались угрюмые.

Въ Тулѣ поѣздъ стоялъ очень долго. Опустѣла половина вагоновъ.

— Въ Москвѣ бои.

— Петроградъ взятъ обратно Керенскимъ.

— И большевиковъ к... и Керенскаго туда же — выругался кто-то. И всѣ, словно по командѣ, стали бранить диктатора. Такъ бранятъ вчерашнюю власть, павшихъ неудачниковъ или обманувшихъ довѣріе банкировъ. Бранили за наступленіе, за рѣчи, за слабость, за социализмъ. Керенскому противопоставляли — Корнилова. Единодушно. Этотъ вагонный споръ научилъ меня большому, чѣмъ всѣ черноморскія неудачи.

Въ Москву пріѣхали днемъ. Перронъ былъ пустъ. Внутрь вокзала не пускали. Три раза ударила пушка, глухо слышна была рѣдкая ружейная пальба. Я подумалъ о Л. Шестовѣ, о Вячеславѣ Ивановѣ. Гдѣ-то они тамъ, о чемъ думаютъ? «А мы, мудрецы и поэты, хранители тайны и вѣры, унесемъ зажженные свѣты въ катакомбы». Катакомбъ нѣтъ въ Москвѣ, и современные люди разучились въ дѣй-

ствительности уходить куда бы то ни было — біографіи этихъ двухъ — мудреца и поэта, вѣрная тому порука.

Долго никто не зналъ, пойдетъ ли дальше поѣздъ. Хотя внутри вокзала никого не пускали, пассажиры какъ-то разсосались. На весь вагонъ насъ осталось четверо: старенькій, какъ грибокъ, высохшій ветеринаръ въ военной николаевской шинели, которая его, видимо, стѣсняла; очень высокій ростомъ священникъ, тоже аскетическаго вида, но опрятно одѣтъ; артельщикъ какого-то завода съ крупными деньгами — онъ спалъ и ѣлъ на объемистомъ потертомъ портфелѣ.

Поѣздъ отплылъ дальше безъ звонка и свистковъ такъ же незамѣтно, какъ подошелъ къ московскому перрону. Кондуктора не появлялись. Вагонную тьму разсѣивали два огарка; одинъ скоро расплылся жирнымъ пятномъ и погасъ — уваживъ глубокій сонъ своего хозяина, артельщика. Глубоко втянутыя щеки, запавшіе глаза, молчаніе, бороды и ростъ двухъ другихъ спутниковъ странно сближали ихъ. На платформахъ встрѣчныхъ станцій волновались толпы людей, но въ поѣздъ не садился никто. Москва и Петербургъ казались имъ — Содомомъ и Гоморрой, мы же — выходцами съ того свѣта, стремящимися обратно въ сумракъ.

Поѣздъ шелъ быстро и безъ задержекъ. Ветеринаръ не выдержалъ, скинулъ шинель и заметался въ узкомъ проходѣ. Онъ повторялъ одну только фразу, то жалобно, то печально — гордо, то вдумчиво, то совсѣмъ уже плаксиво:

— Вѣрою и правдою служилъ. Служилъ вѣрою и правдою. И больше ничего. Вотъ, служилъ — и больше ничего. Вѣрою и правдою.

Я вспомнилъ отравленнаго газами слѣпого полковника въ Джубгѣ... Вотъ и второй отравленъ смертельно.

Священникъ поднялся съ мѣста и молча вышелъ на площадку вагона. Я за нимъ.

— Тоскуетъ, — сказалъ онъ будто не ко мнѣ. Помолчали.

— Хотя бы шинель догадался въ окно выкинуть. Небось, поспуется. Есть у него старенькое пальтишко, я видѣлъ... что же подѣлаешь, тоскуешь.

— А вы, батюшка? спросилъ я его — хотѣлось услышать, что онъ скажетъ.

— А вы? — рѣзко и насмѣшливо, тоже въ упоръ переспросилъ онъ меня. Этотъ вопросъ былъ какъ толчекъ. Впервые за эти дни я подумалъ о себѣ. Въ душѣ не было ничего, — ни радости, ни тревоги, ни ожиданія. Наканунѣ новыхъ скитаній стояла душа, и не хотѣла участвовать въ выборѣ.

Я сказалъ ему, какъ думалъ. Онъ заговорилъ о себѣ.

Онъ не пророчествовалъ, онъ былъ очень уменъ и не цитировалъ ни отцовъ церкви, ни писанія. Но вольная и безгранная тоска была въ его судьбѣ, какая-то кометная, гаснущая въ пустотахъ, свѣтоносная тоска.

Онъ похоронилъ жену и ребенка, и считалъ, что убилъ ихъ, ибо былъ къ нимъ не ласковъ. Собрался въ монастырь, но тайно отъ всѣхъ полюбилъ снова; не нарушая приготовленій къ монастырю, сталъ мужемъ и опять отцомъ — и еще разъ похоронилъ. По опыту первой своей жизни, по чувству вины за неявность второй своей любви — берегъ ее, но не сберегъ, гдѣ-то погрѣшилъ, усталъ, разсѣялся, не доглядѣлъ, и во второй разъ счелъ себя убійцей. Монастырь ему сталъ ненуженъ. И его прежнее, христіанское спасеніе тоже. Не стало для него въ мірѣ подвига. Не было искупленія. Не было горя. Не было мученій совѣсти. Была т о л ь к о тоска. Во внѣшнемъ мірѣ онъ замѣчалъ только тоску. Но замѣчалъ ее такъ — какъ зрячій видитъ дома, солнце, людей — въ глубочайшихъ извилинахъ нѣдръ человѣческихъ, какъ будто онѣ были на поверхности. Онъ ѣхалъ — смотрѣть. И въ будущемъ видѣлъ тоски больше, чѣмъ ея было въ прошломъ. Единственное, что было яркаго въ его рѣчи, это слова:

— По землѣ тоскуетъ зрѣлое яблоко на вѣткѣ. И мы всѣ зрѣемъ, и тоскуемъ.

Такъ тихо и увѣренно стало отъ его рѣчей. Христіанинъ сказалъ бы: да исполнится воля Твоя. Я подумалъ — по Ницше процитировалъ: *amor fati*. Не все ли равно, какими словами? Мы всѣ зрѣемъ и тоскуемъ по землѣ на нашихъ вѣткахъ.

Я не люблю священниковъ. Вообще не люблю людей, специализировавшихся на духовности, какъ на ремеслѣ. Въ томъ числѣ и писателей. Но этого священника я не хотѣлъ бы забыть.

Постояли въ Любани. Ветеринаръ спалъ, и еще дальше втянулись его пергаментныя щеки. Николаевской шинели въ вагонѣ не было. Съ колѣнъ старика сползало порыжѣвшее лѣтнее пальто. Артельщикъ храпѣлъ, какъ въ собственной постели. Едва свѣтало, когда мы стали у Николаевского вокзала.

Ноябрь. Петербургъ.

Милый городъ тотъ же. Но люди не тѣ. Веселости нѣтъ. Врагъ у порога? Да, тремъ среднимъ этажамъ новая власть — врагъ. Она нужна — подваламъ и верхнимъ. По улицамъ же ходятъ, главнымъ образомъ, жители этихъ трехъ этажей.

По вечерамъ пальба. Сначала жутко, потомъ привыкаешь.

Одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ Е. П. былъ:

— За кого же голосовать?

Какъ всегда — полуулыбка. Отвѣтъ вопросомъ же:

— Я не знаю, кого ты хочешь видѣть въ Учредительномъ собраніи?.. Я бы хотѣла тамъ видѣть только двоихъ: торгово-промышленную партію и большевиковъ.

На улицѣ. Отрывокъ чужой бесѣды:

— ... Гражданская война...

— Гдѣ гражданская война? — недоумѣнно спрашиваю я спутника.

Спутникъ пожимаетъ плечами.

— Слышишь — стрѣляютъ?

Солдаты гремятъ винный погребѣ. Другіе солдаты лѣнливо обстрѣливаютъ ихъ изъ пулемета. Пули не попадаютъ въ погребѣ, но летятъ отъ Пяти угловъ вдоль трехъ улицъ изъ пяти.

Я останавливаюсь и виновато гляжу на Е. П.

— Можетъ быть, лучше обойти?

— Не надо. Пойдешь въ обходъ, тамъ и убьютъ. Еще въ февралѣ люди замѣтили, что такъ бываетъ.

Страхъ стало меньше на землѣ. Ужаса больше — отъ внезапно налетѣвшихъ трагическихъ ситуацій, когда и по закону и на самомъ дѣлѣ человѣку суждено пережить ужасъ.

У Фонтанки. Разставлены подновленные калоши, ботинки, туфли. Торгъ. Обманутая баба грозно кричитъ:

— Двадцать два рубля за старыя калоши! Въ воду его, жулика...

Продавецъ скрывается.

Вора уже не водятъ, какъ водили раньше, съ доскою на груди по улицамъ. Все чаще случаи самосуда.

Несхожія въ сущности событія въ личномъ планѣ до известной степени покрываютъ другъ друга. Война и революція по сущности чужды другъ другу. Но работникамъ и той и другой близка смерть. Близко и чувство сужденнаго. А значить и то, что связано съ судьбою и смертью: хмель и самопреодоленіе. Плоть то легка, теряетъ вѣсь и плотность, то тяготѣетъ къ покою, и только бичи могутъ ее поднять на прежнюю высоту.

Рабъ въ военной игрѣ, солдатъ, знающій только тяжесть плоти, свободно подымаетъ голову на баррикадѣ. Распорядитель военной игры становится пушечнымъ мясомъ, потому что ему чуждъ смыслъ баррикады. У войны, у прежней подневольной войны, рабъ — весь народъ. Путь его былъ годы и годы путемъ подчиненія безсмыслицъ, путемъ преодоленія ради непонятныхъ цѣлей любви къ волѣ, къ дому, къ покою, къ труду, къ чистотѣ. Безцѣльное преодоленіе. Вѣдь самыя счастливыя войны ничего не давали народу, но многое брали у него.

У революціи мало рабовъ, зато враговъ — безъ числа.

Революціи творятся меньшинствомъ, къ этому пора привыкнуть. Враги революціи дѣйственны, они никогда — не пушечное мясо. Но еще больше равнодушныхъ и медлителей. Однако, имъ не приходится долго быть въ нѣтяхъ. Одни изъ нихъ отходятъ къ врагамъ, другіе приспособляются, тѣ же, кому было такъ тепло и бездумно въ старомъ домѣ, либо вымираютъ, либо, какъ народъ на войнѣ, преодолеваютъ себя.

Разныхъ степеней и разной полноты бываютъ преодоленія. Одинъ едва-едва подчинитъ себѣ косное, только бы не отстать и не скатиться, перебѣгая черезъ поле, въ ровъ къ мертвецамъ. Другой, какъ бы и во имя чего бы онъ ни начиналъ, вдругъ у в и д и т ъ и уже не оторвется. И быстро уходитъ отъ прошлаго себя, въ поискахъ новаго рожденія.

Я не вѣрю, чтобы новое рожденіе удавалось. Какъ ро-

дятся смѣлыми, музыкантами или Колумбами, такъ же рождаются и для революцій. И хмель революцій не можетъ быть постигнутъ трудомъ. Но отвращеніе къ нимъ иногда смѣняется яснымъ признаніемъ.

Я говорю не о всѣхъ. И не о творящемъ революціи народѣ. Я говорю о медлительной, малосовѣстной, любящей тепло привычныхъ креселъ интеллигенціи.

И у войны, и у революціи ограниченъ кругъ родственныхъ явленій, если считать внизъ, къ жизни буденъ, и если считать вверхъ, къ міровой жизни. Только темныя по исторіи переселенія, расцвѣты да вымиранія народовъ стоятъ въ одномъ ряду съ ними. Тутъ — граница человѣческаго. Оттого беречь себя или свое — или глупо, или жалко, или чудовищно. Это такъ ясно. Но, конечно, какъ и во времена мира, всѣ берегутъ себя и свое.

Какъ революція, такъ и война даютъ человѣку поводъ сочетать своеволіе съ величайшею дисциплиною. Жестоко своеволіе, но жестока и дисциплина. И вождь и рядовой одинаково въ свой часъ отходятъ къ чертѣ, за которой нѣтъ безформеннаго и случайнаго. Страсть; расчетъ; покорность самымъ темнымъ силамъ своего подполья; высота полета; отвлеченнѣйшій педантизмъ въ анализѣ безчисленныхъ, перебивающихъ другъ друга ритмовъ дѣйствительной жизни; вновь гипертрофія одной страсти, одного ритма, именно того, чудеснымъ и роковымъ образомъ, который нуженъ исторіи, массамъ, ихъ завтрашнему дню — легкое сочетаніе несочетаемаго, страсти и необходимости, которымъ потомъ вѣками удивляется историкъ.

Кто дѣлаетъ это? На историческихъ проспектахъ революцій есть всегда пустыя поля, пробѣлы и непроницаемо-черныя пятна. Никто не дѣлаетъ. И все-таки: ведетъ вождь; создаетъ конспирація; отливаетъ формы, застывая тяжѣлымъ оловомъ, масса; подымаютъ условія и законы бытія этихъ массъ — но за условіями стоитъ характеръ, тяга

къ одному и отрицаніе другого; характеръ же куеъ ихъ разумный толкователь — да и толкователь ли только — вождь.

Такъ сложно, что хочется отстранить частности и до-вѣрчиво сказать: судьба.

Декабрь. Петербургъ.

Историкъ съ удивленіемъ укажетъ на то напряженное ожиданіе міровой катастрофы, которымъ больны мы всѣ.

По началу я предполагалъ, что это ожиданіе внушено массамъ вождями, крайняя опора которыхъ — міровая революція. Приглядѣвшись, сталъ думать иначе. Не отдѣльнымъ людямъ или группамъ, но всей равнинѣ русской, лѣсамъ ея и горамъ окраиннымъ принадлежитъ эта мысль.

Не — югу. Югъ — практиченъ, мелко-буржуазенъ. Сѣверъ, центръ и востокъ. Югъ надломленъ, какъ и убогій сѣверо-западъ, наряднымъ и оглядчивымъ скепсисомъ западныхъ вліяній, отравленъ копотливыми гнѣздами и цѣпкой борьбой за существованіе черты осѣдлости. Въ памяти слащавость архитектуры кievскихъ монастырей. Переходы кievскихъ пещеръ, съ ихъ мощами, заточниками и мироточивыми главами, поразительно-позитивистичны. Элегантные яды польщиэны. Грубая почвенность нѣмецкихъ и голландскихъ колоній, созданныхъ нарочно, чтобы поучать. Живое сердце страны бьется на сѣверѣ, въ центрѣ и на востокѣ.

Не хочется по наслышкѣ пересказывать конкретные случаи ожиданія міровой катастрофы. О нихъ много знаютъ московскіе религіозные кружки, группирующіеся около Н. А. Бердяева и Е. К. Герцыкъ. Московскія чайныя, извозчичьи трактиры, часовни съ ночными богослуженіями слышатъ то, что не звучало съ петровскихъ временъ, что, казалось, замерло въ скитахъ и на Керженцѣ.

Катастрофа мыслится раньше всего, какъ гибель христіанства. Потомъ — какъ полнота искушеній. Потомъ — какъ предѣлъ физическихъ испытаній и бѣдъ. Міровое — не всегда отчетливо. Быть можетъ, міръ — міръ; быть можетъ, міръ — Россія.

Ожиданіе катастрофы многообразно, и въ каждомъ словѣ — изъ своихъ источниковъ. Друзья октябрьскаго переворота ссылаются на это ожиданіе, враги его — тоже.

«Міровое хозяйство» не всегда было исторически признаннымъ фактомъ. Когда-то оно было идеей. То же и — міровая революція. Павелъ Оразій въ свое время не удовольился до конца додумать свою мысль.

Какъ обороняется человѣкъ отъ того, что мѣшаетъ ему творить необходимое?

Давно когда-то я сидѣлъ въ пріемной одной изъ отвратительнѣйшихъ провинціальныхъ тюремъ — кievской Лукьяновки. Въ сосѣдней комнатѣ извѣстный грубостью и истязаніями начальникъ тюрьмы Смирновъ дѣлился служебными своими впечатлѣніями съ сановнымъ посѣтителемъ. Выходило, что тюрьма, не тюрьма, а ферма. Доходу отъ огородовъ столько-то. Отъ парниковъ — столько-то. Хлѣбныхъ корокъ остается недоѣденныхъ въ мѣсяцъ столько-

то пудовъ. Эти пуды даютъ возможность откормить столько-то свиней, приносящихъ опять-таки столько-то доходу.

Позже, во время войны, пришлось читать письма и слушать рассказы о фронтѣ извѣстнаго теософа и вегетаріанца Е. М. К. Онъ повѣдалъ мнѣ, какъ, попадая въ рѣку, бьютъ гранаты рыбу; сколько грибовъ собиралъ вѣстовой въ предгорьяхъ Карпатъ; какія превосходныя библіотеки разграблены австрійскими офицерами и какъ въ нихъ мало уваженія къ старинѣ — о сраженіяхъ и безсонныхъ ночахъ я отъ него не услышалъ ни слова. И не мѣшалъ ему: ибо онъ былъ въ кратковременномъ отпуску и снова уходилъ въ походъ.

Участники и инициаторы неудачнаго наступленія 18-го іюня никогда, и не по злой волѣ, не упоминали о томъ моральномъ и физическомъ насиліи, цѣною котораго они добились послѣдней нашей военной катастрофы. Говорили о психологическихъ экспериментахъ Гронскаго, о гипнотизирующихъ мѣрахъ, о вооруженномъ армейскомъ тылѣ, но въ историческихъ документахъ сохранится, главнымъ образомъ, приказъ Керенскаго по арміи и флоту отъ 16-го іюня, въ которомъ говорится: «Демократія русская обратилась ко всѣмъ воюющимъ державамъ съ призывомъ прекратить войну... однако, въ отвѣтъ на призывъ къ братству противникъ позвалъ насъ къ измѣнѣ. Австро-германцы предложили Россіи сепаратный миръ; нынѣ, убѣдившись, что Россія не дастъ себя обмануть, противникъ угрожаетъ намъ и уже стягиваетъ силы на нашъ фронтъ».

А теперь пора сказать и о насъ. И сказать правду. Мы не помнимъ того, что гдѣ-то идутъ бои, и не свободнымъ волеизъявленіемъ всѣхъ и каждого произведена смѣна власти. Мы какъ-то извѣрились и отошли за минувшіе девять мѣсяцевъ отъ мысли о свободномъ волеизъявленіи всѣхъ и каждого. Теперь предъ нами уже не группы, ожидающія времени для самоопредѣленія, передъ нами силы, и онѣ — въ работѣ, онѣ несутъ въ даль, какъ волна ладью.

Если гдѣ-либо совершается неправда, зло, насиліе, мы внутренно не можемъ отнести ихъ на счетъ того, что руководить нами.

Зло и насиліе — это больно. И тяжело и стыдно глядѣть въ глаза тому, кому зло и насиліе причинены. Но они не отъ движенія и, во всякомъ случаѣ, наперекоръ направленію движенія; они гдѣ-то рядомъ, на пути, глубоко — зарытые въ объективномъ порядкѣ вещей, въ механическихъ законахъ общественности.

Познакомился у Иванова-Разумника съ С. Есенинымъ и А. Ганинымъ. Поэты. Оба молодые.

Въ Есенинѣ сочетаніе озорства съ большою утонченностью. Иногда — почти декадентно. Есть строки нелѣпые, есть строки приближающіяся по спокойной силѣ къ классикамъ. Ивановъ-Разумникъ балуетъ Есенина, не напортилъ бы.

Хорошо читаетъ Есенинъ, поетъ, сжавъ брови, опустивъ долу глаза. Тогда — совсѣмъ мальчикъ. Онъ — крестьянинъ. И поетъ, какъ вѣтеръ, тонко, слегка однообразно, стихійно. Вкусъ къ миѳу. Это сильно — въ революціонной поэзіи; и — правильно.

Революція для молодыхъ — другое, чѣмъ для насъ. Они не видятъ ранящихъ частныхъ, и легче отдаются стихии. Встряхнуть кудрями и затянуть. А лысымъ чѣмъ встряхнуть! Не тотъ подходъ, не та поступь.

Изоляція партій переворота. Бастуютъ учителя, чиновники правительственныхъ учреждений, руководители и сотрудники продовольственныхъ организацій. Слѣва говорить о саботажѣ. Справа о разрушеніи государства и о ги-

бели культурныхъ цѣнностей: остановка школъ, взрывы въ Кремлѣ, уходъ отъ государственной работы умѣренно-соціалистическихъ партій, брестскіе переговоры.

Культура — не вещи. Иначе, чѣмъ вчера, произнесенное слово властѣ уже есть новая культура.

Говорятъ, — декламация, каковы-то будутъ дѣла! Декламации не надо стыдиться, — если она даетъ силу по новому взглянуть на вещи. Труднѣ всего — взглянуть. Дѣла приложатся.

Вчерашняя культура — отъ цѣпей, и сама она — цѣпь. Молчаніе — привычка къ цѣпи. Шагъ къ свободѣ — слово. И, конечно, не хоръ. Какъ птичій гомонъ въ лѣсу, громка, нестройна и чудесна рѣчь народная въ пору революціи. Но кто внимательно слушалъ весенній лѣсъ, тотъ знаетъ: есть угроза въ птичьемъ гомонѣ, та сила напора, тотъ раскатъ и то излишество, которые предрекаютъ бѣду.

Народу, крестьянству и рабочимъ, по пути къ новой культурѣ не многимъ приходится поступаться. Они не утвердили и старой, она была для нихъ урокомъ, а не цѣнностью. Свободное пробужденіе и первое слово утра. Я спалъ и, вотъ, пробудился. Вотъ моя жизнь, вотъ моя воля, вотъ мое слово — мое утро. Это и есть рожденіе новой культуры. И потому она всегда до сихъ поръ національна.

Интеллигенція пережила свое утро, когда еще не была интеллигенціей. Она — отъ полдня и вечера историческаго дня, она — внѣ исторіи творящей. Ея революціонный искусь — самопреодоленіе. То, котораго такъ много было въ Тютчевѣ, когда онъ написалъ: «Блаженъ, кто призванъ былъ въ сей міръ въ его минуты роковыя». Ибо не клясть и не славить надо, а быть собесѣдникомъ на пиру боговъ — спокойнымъ и терпѣливымъ. Ее же пугаетъ утренній, небывалый громъ, фебовы кони для нея — чудовищны, роса — холодна, даль — пустынна. Для всей интеллигенціи? Да, для всей. Исключеній немного: люди больной совѣсти, отрекшіеся отъ себя, люди большой тоски; люди страстей тревожныхъ и упорныхъ, бродяги, распятые, властные, провидцы — для нихъ пустота, разрушеніе, вѣра въ смыслъ, искушенія; для честолубцевъ — страсть народная къ поклоненію; для любителей созиданія — декадансъ революціи, когда вновь надо думать о цѣпи, о домѣ, о культурѣ, — о, сколь мало, въ концѣ концовъ, отличной отъ той, которая была разрушена и теперь снова вплетется въ созиданіе послѣдующаго времени.

Этотъ послѣдній моментъ — моментъ возстановленія правъ для всей интеллигенціи. И надо помнить: начало примиреній есть конецъ половодья и воли. Строять — и будутъ строить. И снова кто-нибудь да воздвигнетъ мельницы, будетъ молоть народную плоть и сушить народный духъ — и такъ до послѣдней побѣды.

Канунъ возстановленія правъ созидающей интеллигенціи, судя по исторіи другихъ странъ — наиболѣе кровопролитенъ. Терроръ — месть народа за прошлое, но и за будущее. Терроръ — врагамъ народа, но, одновременно, попольно, — и узда самому народу. Хотя бы ради него самого, но — узда. Подъ скрипъ и глухіе удары гильотины, увлеченный безудержемъ и разсѣянный, бываетъ онъ взнузданъ и долженъ идти за вожжами, и самъ уже не знаетъ, худо это или хорошо? Чась великой отвѣтственности для всѣхъ, кто

ради предвидѣнія или ради страстей своихъ связалъ свою судьбу съ народною судьбою.

Когда рабочій уходитъ отъ станка, крестьянинъ отъ плуга, и ходитъ коса не въ полѣ, а топоръ не на корняхъ — интеллигентъ долженъ быть у своей работы, какъ каторжникъ. Никакихъ перемѣнъ. Пусть работа впустую — надо ждать, позовутъ. Лучше трудъ слуги, чѣмъ лишенному чутья затеряться, пропасть или предать. Праздные люди — всегда предатели. Если не по волѣ, то по судьбѣ.

1 9 1 8

Январь. Петербургъ.

Вечеромъ — въ Царскомъ Селѣ у Иванова-Разумника. Спокойно, вобравъ въ себя что-то отъ «островитянъ», рассказываетъ объ Англіи Е. И. Замятинъ. О. Д. Форшъ-Терекъ нѣтъ-нѣтъ да зальется захлебывающимся смѣхомъ: любить деталь, анекдотъ, *qui pro quo*, и культивируетъ ихъ. Мыслить Терекъ плохо, по-бабьи, но превосходно лѣпитъ образы; духовное же зрѣніе у нея перемежающееся: то увидитъ очень далеко, то спотыкнется на соломинкѣ. Есенинъ, богатый талантомъ, почти мальчикъ, играетъ стихомъ, играетъ рѣзкостью утверждений. Застѣнчиво и скупое, точно карты, раскладываетъ нарядныя свои мысли Е. П. Вечерами у Иванова-Разумника литература не только подается, она творится — особенно долгими ночами, когда одинъ изъ гостей остается съ глазу на глазъ съ хозяиномъ.

Ивановъ-Разумникъ рассказываетъ объ отступленіи Керенскаго, о ядрахъ, о смерти царскосельскаго священника, о небатальности гражданскихъ батальныхъ картинъ.

Е. И. Замятинъ въ оппозиціи. Ивановъ-Разумникъ исповѣдуетъ перманентный революціонизмъ, вѣчную смѣну паденій и подъемовъ народной волны. Терекъ примѣряетъ современность къ множеству своихъ божковъ — морали, вѣрѣ, вкусу, антропософіи и т. д. — никакъ совмѣстить ихъ не можетъ.

Почти вся литература осталась по ту сторону октябрьской границы. Перешли ее: А. А. Блокъ, К. А. Эрбергъ, Ивановъ-Разумникъ, О. Д. Форшъ-Терекъ, С. Есенинъ, видимо, А. Чапыгинъ. Говорятъ и объ А. Бѣломъ. Перешли не на основаніи точно обозначенныхъ платформъ, а каждый по своему, ради чего то своего; писатели эгоистичны по преимуществу.

А. А. Блокъ пошелъ за стихіей. О немъ говорятъ — сгорѣлъ.

К. А. Эрбергъ, всю жизнь свою строившій строгія схемы достиженія абсолютной свободы, пошелъ — на схему просіявшей ему въ октябрѣ свободы и, что бы ни было впереди, не отступить. Въ немъ есть та нѣжная и твердая вѣрность сѣверянина — скандинава, которую въ Россіи и въ романскихъ странахъ смѣшиваютъ съ принципіальностью.

Въ Ивановѣ-Разумникѣ, надъ его народничествомъ, сильнѣе всего отвращеніе къ позитивнымъ формамъ общественности, и онъ останется здѣсь, въ октябрѣ, пока октябрь не перестанетъ быть Маріей. Еще въ эпоху «Завѣтовъ» избралъ Ивановъ-Разумникъ псевдонимомъ — скиѣ. Съ тѣхъ поръ этотъ тонъ въ его писаніяхъ окрѣпъ и покрылъ другіе тона. «Мы — гипербореи — любовно цитируетъ онъ Ницше — мы достаточно хорошо знаемъ, какъ далеко въ сторонѣ мы живемъ отъ другихъ. «Ни по землѣ, ни по водѣ ты не найдешь пути къ гипербореймъ» — такъ понималъ насъ еще

Пиндаръ. По ту сторону сѣвера, льда, смерти н а ш а жизнь, н а ш е счастье».

Это не только лирика. Я знаю твердо, что с к и ѳ с т в о Иванова-Разумника прорастетъ и дастъ жатву. Ибо скиѳство это направлено не внутрь, не тѣ или другія н а с т р о е н і я культивируетъ, а направлено противъ европейской культуры и мѣтко бьетъ въ наиболѣе подлая ея мѣста. Ивановъ-Разумникъ уже почти одинокъ, ибо ни одна форма политическаго революціонизма, включая сюда и традиціонное народничество, не въ силахъ выдержать такой непримиримости и ненависти ко лжи Запада. «Не эллинъ противостоялъ скиѳу, — писалъ Ивановъ-Разумникъ въ прошломъ году — а мѣщанинъ всесвѣтнѣй, интернаціональный, вѣчный. Въ подлинномъ эллинѣ всегда есть святое безуміе скиѳа, и въ стремительномъ скиѳѣ есть свѣтлый и ясный умъ эллина. Мѣщанинъ же рядится въ одежды эллина, чтобы бороться со скиѳомъ, но презираетъ обоихъ. Слово его не совпадаетъ съ дѣломъ, мораль личная не совпадаетъ съ моралью партійной, общественной, государственной, но за то «дѣяніе» для него самоцѣнно и совпадаетъ съ «личностью». Это онъ, безкрылый и сѣрый, поклоняется духу компромисса. Это онъ, трезвый и плоскій, замѣняетъ непонятную ему истину: «въ началѣ бѣ слово», — другой, понятной и простой: «im Anfang war die Tat». Это онъ, всесвѣтнѣй мѣщанинъ, погубилъ міровое христіанство моралью, это онъ губитъ теперь міровой социализмъ, покоряя его духу компромисса, это онъ губитъ искусство — въ эстетствѣ, науку — въ схоластикѣ, жизнь — въ прозябаніи, революцію — въ мелкомъ реформаторствѣ».

Нашъ безконечный споръ съ Ивановымъ-Разумникомъ — о Маріи и о Марѳѣ. Маріи н о с т ь — пытается построить онъ слово и любитъ имъ. Мнѣ же оно чуждо. Я думаю, что косность въ человѣкѣ и въ общественности никогда не будетъ преодољна. Косность — это пристань, къ которой прибѣгаютъ усталые, чтобы здѣсь умереть, среднѣ;

ибо они боятся открытаго моря, слабые, оттого что имъ по силамъ только береговой сонъ. Но отъ той же пристани уходятъ корабли въ кругосвѣтное плаванье, и прежде, чѣмъ взяться за весла, надо мощно оттолкнуться отъ земли, преодолѣвая теченіе. Это не образы. Такъ есть. И юность, и зрѣлость, и старость — въ личномъ, и гражданскій миръ и революція — въ общественномъ, должны заплатить свою дань землѣ и Марѣ — и платить ее до отвращенія, ибо, не отвратившись, возвратятся къ берегамъ съ полупути. И еще — есть въ человѣческихъ рукахъ неизбѣжная потребность — строить. На скалѣ, на пескѣ, на водѣ — по волѣ сознанія складывать матеріалъ. Изъ темныхъ нѣдръ земныхъ извлечь слѣпую глину, очистить ее, обжечь, придавъ форму, приложить кирпичъ къ кирпичу и возвести по плану зданіе. Хотя бы на часъ — и твердо зная, что на часъ, а не на вѣкъ. И даже не любя то, что будетъ возведено, и лишь — удовлетворяя внутреннюю свою потребу. И никогда не забывая объ иномъ. Ни о чемъ не забывая — это главное...

О. Д. Форшъ по сю сторону октябрьской границы потому, что въ ней много страстей и потому, что мы здѣсь, а намъ она вѣрить. Въ ней есть и страсть старой барыни къ уюту помѣщичьяго дома, и гордость свободной работницы, лютымъ трудомъ поднявшей на ноги семью, и разрушительница, и насмѣшливая язычница, отмечающая цѣнности ради радостей единого дня, и язычница испуганная, которой христіанскій богъ грозитъ крестомъ и геенной огненной и никакъ до конца догрозить не можетъ... гдѣ ей съ ея сложностью и быть, какъ не въ октябрѣ?

Но въ быту октябрь намъ принесъ изоляцію, не меньшую, чѣмъ партіямъ переворота. Порвались многолѣтнія личныя и литературныя связи. Иныя держатся на волоскѣ. Я еще бываю пока у пріятелей изъ «Дѣла Народа», а Иванову-Разумнику тяжело тамъ бывать. Мережковскіе съютъ первые нечистые о насъ слухи. Тамъ кому-то не подали руку, тамъ

встрѣтили, какъ врага. И такъ какъ октябрь-побѣдитель, намъ это труднѣе, чѣмъ имъ. По старо-русской психологіи, они намъ «выданы головою», и потому они насъ въ правѣ поносить. Они — въ предчувствіи конечной своей побѣды. Мы — въ предчувствіи конечнаго пораженія. Ибо въ данную минуту они ближе къ косности, мы дальше отъ косности; побѣждаетъ же въ мірѣ — косность.

Слово и дѣло. Для насъ, писателей, то, что происходитъ сейчасъ въ Россіи — испытаніе слова дѣломъ.

Есть слово, враждебное мірскому созиданію. Это одинокое слово подчинено другимъ законамъ. Оно не подлежитъ оцѣнкѣ. Ибо что стали бы дѣлать въ современности гностики, Монтэнъ, Паскаль, Шестовъ? Либо забились бы еще глубже въ свои катакомбы, либо поискали бы путь противъ всѣхъ теченій, чтобы не примкнуть ни къ одному и навѣрняка погибнуть... Но есть слово, которое само требуетъ себѣ апофеоза въ дѣлѣ и которое ищетъ терноваго вѣнца каждый разъ, когда дѣло идетъ вразрѣзъ съ нимъ, утверждая свое дѣловое, практическое, первенство.

Мы знали, что слово, какъ рѣки, иногда уходитъ подъ землю; что смущенный глазъ видитъ вмѣсто живой шири, груды гольшей, омуты и подводныхъ гадовъ; знали, что эти засухи знаменуютъ собою глубокія измѣненія во внутреннихъ ритмахъ жизни слова. Но мы никогда не подозревали, что цѣнность слова, какъ особой созидательной стихіи, такъ кровно связана съ цѣнностями общественнаго порядка. Вмѣстѣ со словомъ гибнутъ практическіе лозунги партій, отвлеченные — сектъ, уступаетъ даже жесткая ткань самихъ партій, ткань человѣческихъ связей. Если бы было у людей дѣла время оглянуться, они бы вскрикнули отъ недоумѣнія: и партіи — побѣдительницы и партіи, потерпѣвшія пораже-

ніе, — лишились всего накопленного десятилѣтіями добра, онѣ — наги.

Побѣдительницы стоятъ передъ дѣломъ, а дѣло — измѣненіе программныхъ словъ. Потерпѣвшія пораженія наги потому, что пока они будутъ выкрикивать свои лозунги, въ укоръ побѣдителямъ, и сѣтями этихъ лозунговъ уловлять ош и б к и — жизнь уйдетъ, какъ всегда уходитъ, апро-граммно, не внизъ, по желанію потерпѣвшихъ пораженіе, и не вверхъ, по желанію побѣдителей, а въ сторону, ибо вообще она — ходитъ сторонкою.

Слово, какъ отлитая работою прошлаго формула, разорвалось, ибо не вмѣстило. И сразу утратило свою высоту. Что-то наполовину заячье, наполовину волчье появилось въ высокой прозѣ художниковъ и въ рѣчахъ религіозныхъ проповѣдниковъ. Въ дни страшнаго произвола — свободы, жалобы ихъ отдають не беспомощностью, но звучать палочными ударами, мечтою — о веревкѣ, о мести, о мести порядка и желѣзной прочности. Въ рѣчахъ крестьянъ — стонъ широкой, безнадежно-буйной вьюги и рядомъ со стономъ — короткій стукъ топора, или звонъ стекла. И такъ вездѣ слово замѣщено или заслонено дѣломъ. Слова, какъ особой стихіи, какъ дара отвлеченія отъ тупой конкретности, не стало.

А между тѣмъ, если бы рѣшиться помолчать, пока забудутся привычныя сочетанія, если бы открытымъ окомъ взглянуть на плывущій родной нашъ міръ — какая бы открылась красота. Кто много ходилъ пѣшкомъ, тотъ знаетъ чувство приближенія къ горамъ, къ Альпамъ или Аппенинамъ, яркимъ серебромъ синѣющимъ за равнинами. Утомленіе. Пыль. Жажда и зной. Горы неподвижны, а я иду. Соотношеніе силъ — не къ гордости человѣческой. И оттого такія нѣжныя, домашнія, мирныя желанія. Вода у подножья. Тѣнь. Просторъ, одиночество.

И вдругъ, съ принудительностью яви, — чудо. Горы, горы, въ огромности реальнаго своего объема, миллионы мил-

ліоновъ пудовъ, сотни квадратныхъ верстъ, кряжи, круги, льды, скалистыя подошвы массивовъ, въ ихъ несоизмѣримости съ человѣкомъ — подымаются, текутъ, какъ чудовищныя стада, какъ окаменѣлые туманы. Восьмой день творенія, возстаніе земной плоти въ грозѣ и бурѣ. Мо е пространство? Мо е напряженіе? Мо и цѣли? Мо я жажда? Что станетъ со всѣмъ міромъ и строємъ, душевнымъ и тѣлеснымъ, жалкаго ходока, постигнутаго посполитымъ рушеньемъ того, къ чему онъ такъ жадно стремился?

Таковы всѣ мы передъ лицомъ революціи, передъ бунтомъ тысячи волостныхъ республикъ, грабящихъ награбленное и ненаграбленное, устанавливающихъ свои законы и границы, по своему карающихъ или вводящихъ въ законъ добродѣтели и преступленія. Гдѣ же въ этомъ смятеніи удержаться слову, лозунгу, истинѣ, морали? Всякій, кто станетъ искать среди ветоши ~~прошлаго названій для происходящаго~~; всякій, для кого разумъ его и планъ всеобщаго строительства дороже воли строителя и разрушителя міровъ и царствъ — обреченъ на слѣпоту и на внутреннее безсиліе. И въ этомъ безсиліи повинны — и большіе и малые среди нашихъ современниковъ. Добро бы въ нихъ говорило преодолѣніе политическихъ и соціальныхъ заботъ въ мірѣ иного, отвлеченнаго, порядка. Такое существуетъ въ царствѣ духа, и права такихъ путей не могутъ быть умалены. Но безсиліе современниковъ — иное безсиліе. Оно ниже звѣзднаго и луннаго свѣта и ниже революціи. Сколько словъ — столько брани и торго. Сколько волей — столько оглядокъ и цѣпкихъ жадныхъ упрямствъ. Ступайте на собранія, на съѣзды, въ мастерскія резолюцій, уцѣлѣвшія среди царствъ исторіи, выливающейся къ намъ откуда-то изъ четвертаго измѣренія. Подслушайте сны любого властителя думъ народныхъ. Все, что расщеплено словомъ и волею, несоизмѣримо съ походомъ каменныхъ гигантовъ.

Несоизмѣримо, и потому хорошо, что литература молчитъ о настоящемъ — либо слагаетъ слезницы невѣдомому мсти-

телю, который долженъ расплатиться — за что? За насъ самихъ, за общее прошлое, за общія заблужденія, за темныя глубины стихіи народной! По настоящему сказать о настоящемъ могъ бы гений или пророкъ. Если бы попытался и поднялся бы на необходимую высоту — омертвѣлъ бы отъ напряженія.

Еще хорошо, что настоящая наша литература молчить — о крови, о смятеніи и о разбоѣ. Ихъ можно обсуждать, когда они уже переходятъ въ бытъ, становятся злою привычкою. Но с е й ч а с ъ нѣтъ человѣка, который бы такъ много зналъ, чтобы по совѣсти и по вѣрѣ запретить или разрѣшить эти страшныя дѣла. Но надо понять, что нельзя надъ кровью лаяться и ею мазать, какъ дегтемъ, ворота. Это — сокъ изъ гроздей человѣчества, раздавленныхъ копытами каменнаго стада, не для будущихъ благъ, не для счастья народовъ, не для соннаго бытія веселенькаго усовершенствованнаго космополитизма, а просто пролитая людьми чаянно и нечаянно, непонятная, святая, мучительная человѣческая кровь и жизнь. Пролитая — и больше ничего. Непонятно — для меня, для васъ, для всѣхъ... Внѣ трехъ измѣреній.

Такъ развѣ могли не изсякнуть источники слова? Кто хочетъ выкликать мѣрныя свои мысли, пусть будетъ готовъ къ тому, что ихъ измѣрятъ ослиною мѣрою.

Но когда въ покинутомъ дворцѣ или въ казармѣ правится веселый — и подлинно веселый — балъ для честныхъ женъ, изящныхъ модистокъ и уличныхъ дѣвокъ, то это хорошо, какъ бы безобразно съ иныхъ точекъ зрѣнія ни было. Хорошо, ибо никогда въ жизни этихъ людей не было такихъ баловъ, и этотъ городъ никогда не видалъ ихъ такъ много, и оттого, что тамъ — весело, непосредственно и свободно. Когда народами владѣетъ въ теченіе часа сегодня некоронованный тупица, завтра фигляръ, послѣзавтра провидецъ, дальше желѣзный схематикъ, когда одинъ мужественный слабѣетъ, а рядомъ другой находитъ безмѣрное поле для своихъ опытовъ и вдохновеній, когда взлетаетъ славной ракетой не-

годяй, представляются границы царствъ и понятій, мечутся въ невѣдѣніи столь спокойно отстоявшіеся классы, провинціи отдаются врагу за хлесткую фразу, но за этой фразой скрыты лабиринты подпольнаго расчета, — это хорошо, такъ надо, ибо это революція. Когда дѣти радостно рѣжутъ коньками ледъ нечищенныхъ панелей, и чувствуютъ себя хозяевами заваленной сугробами улицы, и щеки ихъ во всемъ этомъ темномъ городѣ сегодня розовѣе, чѣмъ были когда-либо до этого перваго года новой эры — это тоже безцѣнное благо революціи, и надъ этимъ нельзя смѣяться.

Конвентъ устанавливалъ законы республики на вѣки. Вѣчный видъ даетъ право требовать отъ народа соблюденія эврипидовой морали: «Богамъ мы служимъ, каковы бы они ни были».

Смѣна министерствъ, направленій, правительствъ, лозунговъ — а на фронтѣ непрерывно усиливающееся таяніе. Солдаты бросаютъ орудія и въ полномъ вооруженіи уходятъ домой.

Случаи убійства машинистовъ и начальниковъ станцій. Идутъ толпами вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ. По пути, особенно въ имѣніяхъ, и въ маленькихъ городкахъ, грабежи и убійства, не во имя, а случайно, почти внѣ поля сознанія, именно по пути.

Что это: народное рѣшеніе? И — по Чаадаеву — «мы всѣ имѣемъ видъ путешественниковъ... все протекаетъ, уходитъ... каждая новая идея безслѣдно вытѣсняетъ старая?»

Ни то, ни другое. Для рѣшенія не воевать — въ прошломъ необходимо было противоположное рѣшеніе. Оттого такъ безпринципенъ и нравственно — безболѣзненъ для уходящихъ развалъ армій.

Петербургъ раздвоился. Та же вверху воздушная линія проспектовъ, и строго стоящій надъ ними куполь Исакія. Тотъ же таинственный Всадникъ — навстрѣчу египетскимъ сфинксамъ. Тѣ же горизонтальныя дѣленія дворцовъ, сената и университетскихъ зданій; тѣ же памятки о востокѣ — мечеть и китайскіе драконы, о западѣ — Александринскій театръ и бѣлая его площадь, о морѣ, о власти, о жизни разума.

А внизу — сугробы снѣга, беззаботные безъ ученія дѣти, афиши о солдатскихъ балахъ, старухи съ санками, везущія груды хлѣба въ домовые комитеты, убывающіе числомъ и рѣзвостью извозчики, хвостящіеся человѣческіе хвосты, сердитые чиновники.

Люди въ такой степени проникнуты мыслью о томъ, что это — п о к а, что не берутся за бытописаніе. Между тѣмъ, именно въ быту разительно перерождаются связи между людьми.

Домохозяинъ и дворникъ. Предсѣдатель комитета и домохозяинъ. Татаринъ, продавецъ конины, — много такихъ лавокъ открылось, съ рисункомъ борзаго коня на дверяхъ — и его потребители — христіане: онъ поучаетъ, они учатся, скрывая гнѣвъ и обиду. Баба, опрометью бѣгущая по улицѣ: съ мѣсяцъ уже ѣла конину, впервые увидала въ лавкѣ ободранную конскую голову и хвостъ и — погибла. Извозчикъ, въ удешевленномъ величій своемъ — хотя не миновать коню татарина — и сѣдокъ, въ голосѣ котораго завелись смиренныя нотки. Старьевщикъ, какъ астрологъ, ушедшій въ гаданья о будущемъ, рьяно складывающій на задворкахъ Апраксина рынка тряпичныя и мѣховыя сокровища. Молочница, отъ милости которой зависитъ жизнь столькихъ-то грудныхъ дѣтей, которая и чванится, и загребааетъ печатную бумагу, и жалѣетъ. Собиратели золота и серебра, новоявленные антиквары, ходатаи по частнымъ дѣламъ, погруженные въ усвоеніе новыхъ законовъ. Солдатъ — наивный продавецъ вина изъ царскихъ погребовъ, солдатъ —

разносчикъ, озлобленный нищій, процессія семи торгующихъ спичками инвалидовъ всего о семи ногахъ и о девяти рукахъ, солдатъ-устроитель баловъ, солдатъ — опора новой власти, солдатъ — охраняющій обѣднѣвшую господскую кухню и братски дѣлящій паекъ галетъ — съ тѣми, кто въ этой кухнѣ былъ внимателенъ къ нему, когда въ дни переворота февральскаго онъ стерегъ безмолвную улицу. Ночныя дежурства у подворотень — своего рода школа гражданственности. И тутъ же страхъ бельэтажей передъ бандитами, гонги, электрическіе звонки, сирены, хитроумная сигнализациа. И тутъ же попытки враговъ октября учестъ силы, случайное оружіе, запасъ патроновъ и связи на югѣ, куда уходятъ, уходятъ тайно и явно оскорбленные, испуганные, озлобленные, ничего не понимающіе или сознательно точащіе ножъ защитники стараго.

— Каждый ожидалъ своего учредительнаго собранія, большинство обманулось.

Такъ говоритъ равнодушный.

—Захочетъ народъ, дастъ и безъ собранія; не захочетъ, не дастъ и съ нимъ — говоритъ фанатикъ народовластиа, бывшій шоферъ; произносить «н а р о д ъ», а для себя всего добьется.

Р. — крупный организаторъ желѣзнодорожнаго хозяйства въ Россіи. Выбитъ революціей изъ колеи:

— Брошу все, пойду въ слесаря. Когда буду слесаремъ, посмотрю, что мнѣ тогда нужно будетъ —совѣтъ или законъ. А сейчасъ хочу, чтобы былъ одинъ хозяинъ у государства.

Умный и образованный инженеръ, с-д, делегатъ рабочихъ въ Викжелѣ:

— Учредительное собраніе — для идиллическихъ временъ. Да и то переизбрать нужно. Это какое-то петербургское учредительное собраніе, а не всероссійское. Ни одного незнакомаго лица.

Солдатъ съ исхудавшимъ темнымъ лицомъ, одна изъ жертвъ контрастовъ войны и революціи, изъ тѣхъ, что безъ числа губили другихъ и гибли сами — на митингѣ начинаетъ при словѣ государство топать ногами и кричать:

— Нѣтъ государства!

Ему поясняютъ — по своему:

— Не имперія, а государственный строй...

— Нѣтъ строя...

Въ хорошемъ домѣ, гдѣ можно встрѣтить всѣхъ, говорятъ молодые, щеголеватые, презрительные люди:

— Вотъ соберемъ на югѣ армію, да ударимъ по учредительному собранію...

Для партій переворота собраніе — какъ воронка въ водоворотѣ: втянетъ, свяжетъ по рукамъ и ногамъ, не выбраться. Ясно, что правые ждутъ собранія не для того, чтобы присягнуть его законамъ.

Времени нельзя терять.

Ивановъ-Разумникъ читаетъ вслухъ замѣчательные отрывки изъ писемъ Герцена 1848—49 годовъ.

«Учредительное собраніе, это — Людовикъ XIV, оно прямо и наглѣ Людовика говорить: государство это я; ему не возражаютъ... Зачѣмъ, говорятъ люди очень добросовѣстные, — зачѣмъ социализмомъ осложнять вопросъ? Надо было дать время упрочиться республикѣ, а потомъ начать пропаганду социализма... Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ. У челоѣчества другая экономія нежели у кухарокъ: оно починаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ, чтобы первый былъ съѣденъ; оно паритъ со всѣхъ сторонъ».

На созданіе этого фантома въ вѣкахъ положено столько страсти, ума и силъ, что никто не замѣтилъ и не возмутился, когда оказалось, что вопреки духу его создателей, къ нему перешли атрибуты абсолютной непогрѣшимости монарха — помазанника.

Въ свое время это было не худо. Нужно было — «найти абсолютнаго вѣлителя, рядомъ съ которымъ не устояли бы никакіе другіе вѣлители и государи», «который одинъ только даруетъ основанія права и безъ дозволенія котораго ничто не законно». Оттого-то и перенесены были на собраніе атрибуты непогрѣшимости, и рѣшенія его должны были стать столь же неподвижными, какъ неподвижны рѣшенія помазанника — за гранями его воли. Но партіи переворота рѣшительнѣе всего отвергали именно эту неподвижность. Партіи стараго режима столь же рѣшительно настаивали на неподвижности.

На митингахъ было смутно. Слушатели терялись передъ новою перемѣною — то нужно, то не нужно, въ чемъ же правда? Говорилось о томъ, что рабоче-крестьянская власть уже дала народу все, что можетъ дать собраніе. Оно не можетъ дать больше, оно можетъ только отнять, тѣмъ болѣе, что среди его членовъ столько-то и столько-то враговъ народа. И пренія партій въ немъ могутъ затянуться на годы.

Это показалось убѣдительнымъ. Пугали сроки. Митингованіе успѣло утомить. Въ памяти — неопредѣленность минувшаго полугодья. Выборы въ учредительное собраніе по твердымъ спискамъ оставили многихъ неудовлетворенными. Въ немъ не было живой конкретности, въ осуществленіи его участвовали грамотныя или неграмотныя руки и немножко мозга, но не участвовали ни зрѣніе, ни осязаніе, ни непосредственная избирательная воля. Частыя смѣны власти, близость совѣтовъ къ массамъ, преодоленіе военной дисциплины, лозунги равенства и свободы, своеволие власти на мѣстахъ создали независимо отъ послѣднихъ митинговъ и воззваній, потребность непосредственно вліять на дѣла государства. Почти сошла на нѣтъ старая привычка персонифицировать власть, помѣщая ее гдѣ-то въ сторонѣ и выше себя — царь, временное правительство, президентъ, учредительное собраніе. Въ томъ же направленіи вѣлъ людей вкусъ къ единству общественныхъ

формъ, къ тому, теперъ сведенному на землю монизму, который такъ широко использовали, соединившись воедино, государство и церковь. Еще разъ въ жизни народа становилось — съ отрицаніемъ учредительнаго собранія — однимъ господиномъ меньше.

Февраль. Петербургъ.

Демократія жива идеей большинства. Большинство — ея плоть. Право большинства — совѣсть. Наиболѣе уродливыя явленія очищаются въ сознаніи и совѣсти демократа, если они связаны съ осуществленіемъ правъ и замысловъ объединеннаго большинства. Большинство править и будетъ править. Но что такое большинство въ сущности своей и какъ оно движется — неясно, какъ другу его, такъ и врагу.

Иные считаютъ, что власть большинства — это власть тупыхъ и среднихъ. Ницше и Ибсенъ любили врага народа. Другіе говорятъ, что она панацея противъ социальныхъ противорѣчій. Третьи, философы и религіозные уставники, на власти большинства строятъ истину и справедливость. Загробное воздаяніе, право личности на бытіе, какъ и все обнадеживающее въ философіи и религіи — преломленія идеи власти большинства, съ его среднимъ здоровьемъ, среднею устойчивостью и признаннымъ, неопаснымъ равновѣсіемъ между полусознательностью и полустрастностью.

Съ дѣтскихъ лѣтъ, еще отъ игръ, привыкаемъ мы подчиняться волѣ большинства и бороться съ нею. — Всѣ

хотятъ — а ты не хочешь, такъ уйди изъ круга и будь одинъ. Всѣ могутъ — а ты не можешь, ты трусь, баба, парій дѣтскаго міра.

Смѣшной и слабый не причиняетъ кругу особыхъ заботъ. Если останется, для него найдется и мѣсто и дѣло, хотя бы не очень почетныя. Но несогласный, отщепенецъ, богатый вымыслами, если онъ ушелъ и въ силахъ оставаться одинъ — привлекаетъ къ себѣ интересъ всего круга. Кругъ борется съ аристократомъ духа, но хочетъ поглотить его, во-братъ въ себя — иначе на горизонтѣ кружковой мысли всегда будетъ торчать ненавистное пятно непонятаго и несвершеннаго. И вотъ почему, если ты можешь и знаешь то, чего никто въ кругу не знаетъ, и если желанія твои хоть сколько-нибудь попутны желаніемъ круга, ты коноводъ. Кругъ идетъ за тобою, ты выразитель круга, ибо воля его къ дѣйствию съ неожиданною до восхищенія полнотою расцвѣтаетъ въ твоей «геніальности».

Однако, отношенія коновода и круга не могутъ быть закрѣплены надолго. Большинство готово итти за коноводомъ даже цѣною уступки многихъ своихъ правъ. Но ненависть и недоувѣріе тѣнями провожаютъ ея покорность и даже ея любовь. Вихрастый счастливецъ, постигшій психологію своей м а с с ы , играетъ ею, частью приспособляясь къ ней, частью обманывая ее, — до тѣхъ поръ пока не потеряетъ чутье къ дѣйствительности, какъ его въ концѣ концовъ теряли всѣ самостоятельные, преслѣдующіе свою мечту коноводы.

Тогда игра теряетъ свою беззаботность и клубокъ переходитъ въ руки трагической музыки.

Такъ намѣчаются три стадіи въ отношеніяхъ личности и большинства. Первая — когда большинство оберегаетъ свою статику и отвергаетъ безпокойную личность. Вторая — когда большинство отказывается отъ статики и отдается движенію, слагая волю руководящей личности со своею волею. И третья, когда большинство возвращается къ статикѣ и

предоставляет коноводу либо расплачиваться за причиненное беспокойство, либо идти своим путем. Если в первой стадии движение большинству противно, то во второй и третьей оно уже не может его победить. И тогда размах руководящей личности далеко отстает от размаха и инерции разбушевавшегося большинства.

Русский гражданин пронесет через всю свою жизнь благоговение перед идеей большинства — в самом элементарном ее толковании. Пассивное большинство, идиллически высчитывающее по пальцам голоса, представлялось ему последней истиной. В этом благоговении гражданин забывал, что проявлений большинства надо не ждать, а надо творить его. Демократизм может быть творческим не тогда, когда он выдвигает большинство — стадо, а тогда, когда для творчества активированным большинством. Большинство — стадо создает коновода — по преимуществу предателя: ибо последнему, говоря правду, и нечего больше делать, как только продавать и стричь. Активированное большинство — аристократично по духу, и коновода оно ищет, как воплощение крайностей, как жертву во имя тех стремлений своих, которые не могут быть до конца поняты малогибкой, тяготящей к покою действительностью.

Истинный смысл активированного большинства первые восприняли те, кого сейчас походя поносят, как насильников над идеей большинства. Живая жизнь учила этих насильников создавать формулу большинства с его живым кругом, вместо мертвого большинства формулы.

Дятелы оптимистичны по натуре. Они полагают, что то, что идет в мир — лучше прошедшего.

Я думаю, что только — иначе. И это не так мало!

О л у ч ш е м ъ мѣшаетъ думать никогда не покидающее сознание, что, — «всякій человѣкъ есть однократное, неповторяемое чудо».

— Говорятъ, справедливость, завѣты любви и свободы. Да, да. Но бываютъ минуты — можетъ быть, эпохи — когда надо воздерживаться отъ всѣхъ вообще завѣтовъ.

— Передъ хозяевами этихъ эпохъ?

— Нѣтъ, передъ собственною совѣстью.

— И — ?

— Терпѣть. —

— И — ?

— Ждать.

Почти ежедневно приходится говорить со старыми друзьями, теперь участниками правящихъ партій.

Въ будущемъ увѣренности мало. Но есть мужество и рѣшимость пробовать. Н а ч и н а т ь п р о б о в а т ь надо — гдѣ придется. Ибо н а д у м а т ь тутъ ничего нельзя. Мужество начинать ошибками, даже глупостями.

Большевики декретами какъ бы торопятъ установленіе новыхъ формъ жизни — зная твердо, что такъ скоро никакія формы установиться не могутъ. Народники кристаллизуютъ въ ретортахъ максимально-чистыя идеи этихъ формъ. У первыхъ — сѣмя государственнаго оппортунизма, у вторыхъ — возможность полного разрыва съ с е р е д н о ю жизнью, со с р е д н и м и въ послѣ октябрьской Россіи теченіями.

Только единицы видятъ всю ширину разлива и сознательно ждутъ, держа наготовѣ руки, когда вѣрнѣ всего перехватить его теченіе. Среди лично близкихъ таковъ — химикъ Л. Я.

Карповъ. Ученый въ немъ служить государственному человѣку.

...Конспиративныя привычки партійныхъ дѣятелей не забылись. Могутъ пригодиться? Нѣтъ, необходимы теперь же: ибо конспирація лежитъ въ основѣ всякаго государственнаго механизма.

Обиходъ все тяжелѣе. Вторую недѣлю почти безъ хлѣба, на конинѣ и на капустѣ. Утромъ слабость, трудно поднять голову. До сихъ поръ я не зналъ, что такое хлѣбъ, сахаръ, масло.

Критика государственнаго устройства; критика организаціи производства и потребленія; критика науки, основъ семьи и, наконецъ, критика критики ихъ. Это — не анархизмъ. Во всемъ одна воля — активировать косныя массы — государства, производства, науки, литературы, семьи. Большевизмъ увидѣлъ очередную и гигантскую задачу современнаго человѣчества въ этомъ активированіи — въ многостепенномъ, одухотворяющемъ молекулы расщепленіи.

Не губка, стирающая плѣсень культуры на одной трети площади всей Европы, а — ложка, которою помѣшиваютъ котель бывшаго государства російскаго. Поменьше — для губерній и областей. Еще меньше — для волостныхъ республикъ. Вплоть до малѣйшей вѣси, до затеряннаго въ пространствахъ хутора проникаютъ эти орудія помѣшиванія со дна на поверхность, съ поверхности на дно. Куда не прони-

каетъ ложка — вводятся на остріѣ тончайшихъ иглокъ расщепляющіе ферменты — въ ячейки семьи, въ отношенія родителей и дѣтей, товарищей по дѣлу и т. д. Оттого и лозунгъ власти на мѣстахъ. Оттого отдѣльнымъ войсковымъ частямъ предоставляется право заключать перемиріе съ непріателемъ, оттого разслаивается деревня, перерабатываются профессиональные союзы.

Поговорите о задачахъ активированья косныхъ массъ въ общественности и наукѣ съ европейскимъ ученымъ, съ математикомъ, химикомъ, космографомъ, даже медикомъ. Онъ пойметъ ихъ и — если вы не испугаете его практическимъ коммунизмомъ — поклонится вамъ въ поясъ, какъ союзнику.

Поступаю на службу — впервые въ жизни. Въ комиссаріатъ путей сообщенія — чтобы служить вмѣстѣ съ К. А. Эрбергомъ. Канцелярія страшна, какъ щипцы и стулъ дантиста.

Воззванія къ народамъ — о мирѣ. Думаю о большихъ покойникахъ. Что сказали бы Гоголь, Достоевскій, Толстой?

Чаадаевъ. «Мы принадлежимъ къ числу націй, которыя не входятъ въ составъ человѣчества, а существуютъ лишь для того, чтобы дать міру какой-нибудь важный урокъ». Урокъ — Бреста. Лукаво-самоувѣренный Чернинъ. Грубо-самоувѣренный Гофманъ. Биценко, Троцкій, Мстиславскій для нихъ — Иванушки-дурачки. И тѣмъ чувствительнѣе

урокъ. Точно во снѣ: ихъ полки побѣждаютъ, но все вокругъ нихъ рушится.

Всего бы можно добиться, если бы не война. Подъ напоромъ идеи палъ царизмъ и разложился фронтъ. Октябрь данъ идеей — вопреки утвержденіямъ противниковъ. Силъ не было. Силы зачались послѣ октября. Война же требуетъ силъ и спокойнаго расчета.

О. Д. Форшъ-Терекъ въ религіозныхъ своихъ думамъ ошупью подходитъ къ какому-то большому утвержденію. Христіане и Христовы — противопоставляетъ она. Христіане-церковники — православные. Христовы — язычники, по невѣдѣнію или по искусу отвергающіе Христа, отщепенцы, духовные странники, еретики, но на самомъ дѣлѣ проводники палящаго Христова духа.

Церковь отдала себя на службу государству. Еретики закономъ объ отдѣленіи освободили церковь. Духовенство молилось о земной побѣдѣ, священники — и какъ разъ лучшіе — брались за ружье, навѣщая солдатъ въ окопахъ — худшіе никого не навѣщали — и «пострѣливали» изъ любопытства въ сторону нѣмцевъ. Историческіе матеріалисты и народники выкликаютъ, какъ безумные, братство народовъ. Идея жертвенности выплывала у духовенства только тогда, когда государству приходилось худо и только до тѣхъ поръ, пока оно, при удачѣ не переходило въ наступленіе — такъ было во время Наполеонова нашествія. Нынѣ идея жертвенности никѣмъ на словахъ не прославляется, но творится жертвенное дѣло, на которомъ сгораютъ государства.

Не о современной ли Россіи сказано? «Непонятною тоскою уже загорѣлась земля, черствѣе и черствѣе становится

жизнь; все мельчаетъ и мелѣетъ, и возрастаетъ только одинъ исполинскій образъ скуки, достигая съ каждымъ днемъ неизмѣримѣйшаго роста. Все глухо, могила повсюду». Но — «разнесется звонкими струнами поэтовъ, развозвѣстится благоухающими устами святителей, вспыхнетъ померкнувшее — и праздникъ свѣтлаго воскресенія воспрасяднуется, какъ слѣдуетъ, прежде у насъ, нежели у другихъ народовъ» (Гоголь).

Нѣмцы заняли Двинскъ и Гапсаль. Петербургъ ждетъ рѣшенія своей участи. Возбужденіе очень велико. Во всѣхъ кругахъ. Чувство послѣдней схватки двухъ силъ — идей. И впервые съ полною отчетливостью поняли петербуржцы, какъ раздѣлили ихъ октябрь.

Говорятъ, материки не неподвижны, и Америка ежегодно отплываетъ отъ насъ на нѣсколько метровъ. Негодующее удивленіе чернокожихъ и обезьянъ, сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ, гдѣ нибудь на высотѣ Гвинейскаго залива, когда впервые обнаружились непреходимыя трещины между материками — вотъ чему подобно было чувство жителей угрожаемой нѣмцами зоны.

Для однихъ: — Они возвратятъ н а ш ъ Петербургъ. Для другихъ: — Возьмутъ н а ш ъ Петербургъ...

Есть нѣчто безстыдное въ разрѣшеніи гражданской войны оружіемъ пришельцевъ.

Правительство готовится къ переѣзду въ Москву. Комиссаріаты, газеты партійныхъ комитетовъ и исполнительнаго комитета будутъ перенесены туда же. Петербургъ перестаетъ быть столицей? Значеніе Москвы возстанавливается руками интернаціоналистовъ?

Лѣвые с.-р. противъ переѣзда — за уходъ въ подполье. Въ этомъ движеніи народничество вѣрно своей природѣ. Отлагаясь пластами въ свободной общественности оно слабѣ-

еть и даетъ анархическую поросль. И вдругъ снова проявляетъ силу и закаль, когда надо расплыться въ стихіи и изнутри разжечь ее до-бѣла. Народничество конспирируетъ противъ государства, большевизмъ — во имя государства. Первое гипнотизируетъ, второй принуждаетъ.

Въ «Знамени Труда» напечатаны «Скиѡы» А. А. Блока. Какую дугообразную дорогу прошелъ народъ отъ пушкинскаго «Клеветникамъ Россіи», до блоковскихъ «Скиѡвъ»!

Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ —

Кичливый ляхъ иль вѣрный россъ, —

такъ упрощено, государственно, національно спрашивалъ Пушкинъ. Блокъ вдвигаетъ тотъ же вопросъ въ плоскость культуры, рафинируетъ его, доводя до напряженія едва ли не религіознаго.

Россія — сфинксъ. Ликуя и скорбя,

И обливаясь черной кровью,

Она глядитъ, глядитъ, глядитъ въ тебя

И съ ненавистью и съ любовью...

Пушкинъ угрожалъ Западу—пораженіемъ. Блокъ угрожаетъ моральнымъ отверженіемъ. «Слѣпая славы страсть, свирѣпый даръ героевъ» уже не плѣняетъ Блока. Поэмы его о Россіи глубоко-безкорыстны, въ противоположность мужественной практичности Пушкина.

Тамъ — Чернинъ, Гофманъ, Людендорфъ, полки, сила «стальныхъ машинъ, гдѣ дышитъ интегралъ». Здѣсь — оборванцы — красноармейцы, воткнутые въ землю штыки, проданныя или покинутыя орудія, Блокъ, патетическія статьи Иванова-Разумника, феерическое отступленіе на Уралъ. Азіатская пестрота и незаконномѣрность. Но въ ней...

Нѣтъ шовинизма. Нѣтъ оскорбленнаго великодержавства. Есть чувство правоты и пренебреженіе ко всякому оружію, которымъ эта правота могла бы быть установлена. Есть довѣріе къ засасывающей силѣ пучины народной. Есть сознаніе непобѣдимости родныхъ пространствъ. Есть нѣжность къ своему всенародному дому. Есть жертвенность. И то, что мелькнуло, но для чего не нашлось названія, то, что рѣяло въ лиловатыхъ предвесеннихъ сумеркакъ надъ нашимъ городомъ — еще крѣпче спаяло насъ другъ съ другомъ и съ постиженіями октября.

Пока мы отрекаемся за себя и за народъ отъ своихъ сокровищъ, отдавая ихъ міру, рядомъ — старые, жадные ждутъ возвращенія принадлежавшаго имъ добра. Мы, нищіе, не мѣримъ и не вѣсимъ, но вѣримъ. Они, ни во что не вѣря, до послѣдней полушки оцѣнили потерянное и ждутъ иноземныхъ рукъ, чтобы по-шейлоковски расквитаться. Отъ тѣхъ петербургскихъ дней повелось —отвращеніе къ ожидающимъ интервенціи, презрѣніе къ эмигрантамъ и чувство неизбѣжности въ развитіи событій: — трещины не закрывались, материкъ отплывалъ. И въ тѣ же дни, по тому, какъ хозяйничали нѣмцы въ оккупированныхъ городахъ, и по тому, какъ использовала ихъ приходъ буржуазія, впервые явилась мысль, что жестоки будутъ формы гражданской войны.

Митингъ на Охтѣ. Апатія охтенскихъ мѣщанъ. Голосъ изъ толпы:

— Вильгельмъ вамъ покажетъ! Царя дастъ и работать научить. Подѣломъ вамъ.

Е. М. пріѣхалъ изъ Царскаго Села, гдѣ стоятъ остатки его полка.

— Дѣло проиграно. Однако, въ странѣ есть военный матеріалъ, и его будетъ все больше, по мѣрѣ продвиженія нѣмцевъ. Пора строить армію, не то примется за это кто-нибудь съ Дона, расчетливый патріотъ или воинственный авантюристъ. Армію надо строить по классовому признаку. Органическое единство арміи. Отряды рабочихъ отдѣльно, крестьяне отдѣльно...

С., Н., А. — не уѣхали изъ Петербурга, но невидимы. Готовятъ конспиративныя квартиры, взрывчатые вещества, одежду, паспорта, оружіе. Н., наиболѣе подвижной, исходилъ окрестности и намѣтилъ мосты, которые придется уничтожить.

— А если нѣмцы пойдутъ на Бологое?

— Тѣмъ лучше — у нихъ будетъ огромный тылъ. Партизаны намъ и другую услугу окажутъ — закрѣпленіе революціи въ деревнѣ на почвѣ патріотизма. Несомнѣнно, нѣмцы не только завоеватели, но и жандармы.

Н. — говоритъ съ холодною и жестокою расчетливостью. Баринъ по воспитанію, офицеръ, онъ пережилъ вначалѣ революціи шокъ, когда солдаты сорвали съ него погону, нырнулъ куда-то, о немъ не было долго вѣстей, и вынырнулъ жесткимъ самоненавистникомъ, слугою организованнаго насилія, опростился, поджался — вѣяло отъ него теперь жутью, какъ раньше — духами и беззаботностью.

К. А., Р. Ф., и мн. др. изъ Петербурга не уѣдутъ. Профессоръ Р., одинъ изъ основателей лѣваго крыла русской социаль-демократіи, смущенный и огорченный октябремъ, нѣжный и нутромъ не выносящій насилія человѣкъ, — вдругъ повеселѣлъ и оправился:

— Уйдемъ въ подпольѣ, оно привычнѣе. Въ подпольѣ другіе законы, тамъ и я знаю, что дѣлать.

Бывшій домовладѣлецъ, купецъ и фабрикантъ говорилъ:

— Пора правительству о насъ, купцахъ, вспомнить. Сорокъ процентовъ прибыли правительству, шестьдесятъ процентовъ намъ, по справедливости. Пустили бы заводы въ

ходъ. Воевать безъ товару нельзя. Самое теперь время приблизить къ себѣ купечество.

Онъ недоумѣвалъ, почему капиталъ такой силы, какъ его сословіе, не брошенъ въ оборотъ при нынѣшней нуждѣ. Вѣдь не оттого же, что правительство изъ-за принциповъ не хочетъ платить купцу проценты?

— Проценты — не существенное; расчетъ коммерческій. Существенное то, что правительство будетъ совмѣстно съ купечествомъ работать.

Пріѣзжіе изъ провинціи говорятъ о жестокости власти на мѣстахъ, не дающей верхамъ мѣстнаго населенія возможности проявить свои чувства къ родинѣ.

— И представьте себѣ, какъ грубо отвѣчаютъ: «не нуженъ намъ вашъ патріотизмъ, дорого за него запросите».

Рабочій изъ «сознательныхъ» наотрѣзъ отказался записаться въ гвардію. Черезъ недѣлю пошелъ. Говорить, что въ городѣ страшнѣе, чѣмъ въ полѣ: здѣсь, какъ перепела сътью накроютъ. Одни уходятъ изъ города, потому что страшно, другіе изъ деревни. Преслѣдуемые и преслѣдователи ищутъ общественныхъ новообразованій, которыя дали бы имъ опору. Организациі противниковъ строя связаны съ иностранными посольствами, имѣютъ зачатки транспортных бюро, развѣдки и собственную почту. Разнесеніе слуховъ становится однимъ изъ способовъ борьбы. Если бы къ Петербургу приближались французскія или англійскія войска, ихъ поджидали бы съ тѣми же почти эмоціями, что и нѣмцевъ.

М. С., социалистъ, призванъ былъ на войну, получилъ знаки отличія. Снялъ самъ погоны — выжидаетъ благоприятной минуты итти въ новую армію.

— То, что дѣлаютъ съ нами, унизительно. Справедливо ли, не знаю. Хочу научиться думать, что справедливо. Такъ думать — надежнѣе, чѣмъ злобствовать. Пойду, куда пошлютъ, авось все выяснится...

Изъ рабочей среды идутъ лучшіе: крѣпкіе, знаютъ, что надо. Идутъ авантюристы, сначала съ опаскою — кто побѣдитъ, перейти бы во время — потомъ съ долею увлеченія, — народная армія вольнѣе, больше въ ней возможности двигаться, кочевать изъ отряда въ отрядъ и мѣнять маски. Затѣмъ — безпочвенники, перекасти — поле. Это опасный элементъ, легко переходитъ со стороны на сторону. Неудачники либо оправляются, открывъ въ себѣ способность сражаться, иногда даже командовать, иногда выигравъ какую-нибудь крупную ставку въ партизанской войнѣ, либо опускаются до послѣдней степени, образуя озлобленную подпочву отрядовъ. Идутъ отбившіеся отъ всякаго вообще труда за время войны. Завѣдомые преступники, съ темнымъ своимъ расчетомъ. Совсѣмъ молодые — по порыву, ради приключеній, по товариществу или за легкимъ хлѣбомъ. Въ конечномъ итогѣ, кто бы ни шелъ, — что то идетъ, накапливаются силы, поддерживается на границахъ совѣтскихъ относительно равновѣсіе, продолжается расщепленіе. Вся Россія — взволнованная равнина, по которой съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ подымаются изъ нѣдръ и волнуются живые курганы накапливаемыхъ силъ. Ни южные контръ-революціонные отряды, ни сѣверные революціонные не однообразны ни по составу, ни по смыслу своему. Классовый отборъ только намѣченъ. На югѣ казаки встаютъ за казачество, за огромные надѣлы свои, новоселы противъ староселовъ, часть послѣднихъ противъ офицерства, многіе — изъ-за грубости приемовъ новой помѣстной власти, изъ-за случайной расправы или реквизиціи. Офицерство не хочетъ, и часто не можетъ, ассимилироваться на сѣверѣ, но все же ассимилируется, но и для крестьянскаго, поднявшагося противъ новой власти юга офицерство не другъ, а печальная неизбежность. Армій нѣтъ ни тутъ ни тамъ, и низы этихъ безпорядочныхъ скопленій крестьянскаго и рабочаго люда будутъ и тутъ и тамъ, подъ какимъ бы лозунгомъ они не шли,

безсознательно производить одну и ту же революціонную работу — нивеллированія классовъ.

Разговоры съ рабочими: много говорится о правахъ, обостренное сознаніе правъ; совершенно безспорное требованіе — все дѣлать собственными руками, отъ завода до государства; крестьяне преувеличиваютъ трудности — кто-нибудь за нихъ сдѣлаетъ; рабочіе часто преуменьшаютъ; и у тѣхъ и у другихъ государство отчасти «вотчина», какъ у царей. — На толчкѣ, краснорожая баба съ краденымъ самоваромъ:

— Нѣтъ хозяевъ у самовара, скрылись куда-то; пришли бы, спросили бы, отдала-бъ, ей Богу, отдала бы; и копейки бы съ нихъ не взяла.

Поѣздка въ Шлиссельбургъ, рыбаки. Прежняя тюрьма, память о заточникахъ. Рыбаки считаютъ, что война съ нѣмцами — война за свободу. Сѣти, лодки, поѣздки на озеро — не терпятъ ограниченій; превосходное крѣпкое сознаніе — «наше, чужихъ здѣсь не надо». Не локальный патріотизмъ, а право быть у себя, быть по своему. Чувство народной судьбы, своей тропы — помимо и внѣ судьбы государства. Самосознаніе стихій, для нея государство нѣчто вродѣ Эйфелевой башни: умно, затѣйливо, высоко, но жить нельзя, хотя желѣзо и дорогой матеріалъ. Это — въ теоріи. На практикѣ же государство...

Часто тупая и крикливая бабы, чиновники съ трясущимися головами, сѣрые, какъ паутина, сидѣльцы, востроносыя точно изъ гуттаперчи сдѣланныя мѣщанки, опустившіеся провинціальныя доктора роняютъ такіе перлы сосредоточенной, противъ человѣческаго естества прущей мудрости, что и Сведенборгу въ опору. И вдобавокъ — своимъ умомъ отлито, нѣтъ риска проглотить цитату.

Государство въ корнѣ — несправедно. Какъ же можетъ быть праведна революція?

Никогда я себя не представлялъ и никогда не представляю, чтобы въ моихъ рукахъ была власть надъ свободою, жизнью и смертию человѣка. Хотя легко представляю себя въ чьей-то власти. Не давая на это санкціи. Какъ дурную неизбѣжность.

Нѣтъ зависти къ тому, кто хочетъ и можетъ властвовать. Лишь любопытство — въ чемъ находитъ онъ санкцію для своихъ рѣшеній, — и недовѣріе къ интимному сознанію имъ своихъ правъ. Мой отказъ отъ права на власть ощущается такъ, какъ будто онъ твердо и свободно вписанъ мною въ декларацію правъ человѣка и гражданина. Отказаться добровольно отъ права на безвластіе для меня то же, что для властвующаго отказаться отъ права на власть — т. е. паденіе. При томъ паденіе той глубины, котораго я даже не представляю себя.

Убить можно въ припадкѣ бѣшенства, или — пусть — кто-нибудь убьетъ по расчету. Но не по праву. *Ordo* Спинозы звучитъ возвышенно въ философіи, Шиллеръ, кажется, назвалъ въ диѳирамбѣ — *heilige Ordnung*, но дѣйствительное воплощеніе этой святости — ужасно.

Смѣна личинъ — въ революціи. Богатый сталъ бѣднякомъ, сильный въ тюрьмѣ, безправный править, убивавшій другихъ — убить. Это грубыя формы измѣненій. Тонкимъ — нѣтъ числа. Наиболѣе простое объясненіе — Немезида. Но не слѣдуетъ останавливаться на наиболѣе простомъ. Не менѣе реально — любезное желаніе боговъ поближе познакомиться со смертными. Молитва добраго христіанина и пытливаго человѣка должна была бы звучать такъ:

— Господи, пошли намъ голодъ, моръ, землетрясеніе и всяческую муку. Дабы не обезсилѣлъ я отъ нихъ, даруй мнѣ въ Тобою положенный чередъ часы отдыха и веселья. И потомъ снова веди меня на святую Твою дыбу, Господи, ибо

много во мнѣ разноликихъ силъ, и самъ я не знаю ни ихъ числа, ни мѣры, и грѣхъ передъ Тобою, что не всѣ они поютъ Тебѣ осанну. Господи, удесятери силу Твоихъ ударовъ, удлини время Твоихъ мукъ, углуби бездну униженій и пошли мнѣ безславную смерть, о какой я и помыслить не смѣю...

Мартъ. Петербургъ—Москва.

«Двѣнадцать», поэма А. А. Блока, напечатана въ «Знамени Труда». Ивановъ-Разумникъ на-дняхъ мнѣ вскользь сказалъ о ней, какъ о замѣчательной. Но это совсѣмъ не то, чего я ждалъ. Такого въ русской литературѣ еще не было: это не только поэма, это — постиженіе. Равное тому, которое посѣтило Гете, когда онъ переставлялъ слова мива о матеряхъ во второй части «Фауста», исполнивъ ихъ жуткимъ и тревожнымъ соблазномъ. Но у Гете была готовая форма высокаго мива. Блокъ не построилъ и не заимствовалъ свой мивъ, а точно вырвалъ его изъ живой плоти космоса, не обезкровивъ его и не обездушивъ литературностью. Въ основу легла — частушка. Постиженіе его необычайно динамично. Онъ точно снопъ своею поэмою перевязалъ — снопъ, среди колосьевъ котораго: 1. космическое («вѣтеръ, вѣтеръ на всемъ Божьемъ свѣтѣ»); 2. народное (революція); 3. личное (Ванька и Катька); 4. осознанно-религіозное, въ историческомъ аспектѣ христіанства («Христость, въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ») и — 5. — самое сложное — надо сказать: таинственное — взаимныя переплетенія всѣхъ этихъ подземныхъ, земныхъ, надземныхъ и внѣпро-

странственныхъ рѣкъ. И послѣднее не въ словахъ, а въ музыкѣ и въ архитектурѣ поэмы.

Когда принесли газету, я прочелъ поэму, и отнёсъ листъ Е. П. Черезъ полчаса вторично пришелъ къ ней — она еще читала, очень серьезная.

— Ну, что? — спросилъ я и понялъ, что не слѣдовало спрашивать.

— Хорошо, конечно.

Такъ и осталось. Только съ чужими говорили, сколько полагалось, о «Двѣнадцати». Когда пришла О. Д. Форшъ-Терекъ и начала толковать поэму, стало непріятно. Говорится, главнымъ образомъ, о деталяхъ. Все, вѣроятно, на девять десятыхъ ускользнетъ отъ современниковъ... Но что будетъ Блокъ писать, что будетъ онъ дѣлать послѣ «Двѣнадцати»? Вѣдь уже послѣ потрясеній 1905 года онъ сказалъ:

Есть нѣмота — то гуль набата
Заставилъ заградить уста,
Въ сердцахъ, восторженныхъ когда-то,
Есть роковая пустота.

Значить, и тогда онъ уже зналъ, что «роковыя минуты» не въ двухъ измѣреніяхъ, какъ утверждаетъ Шестовъ, и не въ трехъ даже, а въ четырехъ, и ощутилъ печать этихъ минутъ на всемъ своемъ существѣ.

«Матери» Гете — о нихъ можно думать — трудно говорить. Но то напряженіе, которымъ достигается Блок-овская ясность взгляда въ «Двѣнадцати», отбрасываетъ именно къ пустотѣ, отъ которой по очереди содрогаются то Мефистофель, то Фаустъ. «Я неохотно открываю тебѣ эту высокую тайну. Богини правятъ среди одиночества. Вокругъ нихъ нѣтъ ни пространства, ни времени. Лучше не говорить о нихъ. Это — матери»... Когда-то Блокъ не только о прекрасной дамѣ, но и Россіи думалъ восторженно.

Но судьба в з м а н и л а его на путь тернистый, къ Руси пьяной и оголтѣлой, къ нищему, къ чьей-то усмѣшкѣ изъ окна тюрьмы — къ областямъ, гдѣ прекращается п р а в о о ц ѣ н и в а т ь и в ы б и р а т ь , гдѣ все глухо, разорвано, безнадежно, гдѣ кабакъ — поставленъ в ы ш е возвышеннаго страданія и восторженности.

Ванька убиваетъ Катьку. Катька измѣняетъ Ванькѣ. Прострѣленная голова. Погасшій свѣтъ жемчужныхъ зубокъ. Разбитые «этажи», буржуй, летящій воробушкомъ. И страхъ, навѣянный выюгою, вѣтра свистомъ, сугробами, врагами, пальбой, невѣрною побѣдою, углами проспектовъ. Въ страхѣ и во выюгѣ все смѣшивается — личное, социальное, міровое, умное, страстное, злое, раздумчивое — и, смѣшавшись, сворачивается, приподымается, точно края корки присохшей на животномъ тѣлѣ раны. Вѣдь все подъ этою коркою — н е т а к ѣ , кровь ала — струпъ черенъ, кровь міра жива — струпъ гноится. Все не такъ. Ванька не изъ ревности убиваетъ веселую, простую и милую Катьку, а несетъ его «вѣтръ ночной», залетѣвшій къ намъ отъ отца-хаоса, творящаго исторію. И снѣгъ — не снѣгъ петербургской лихой метели, а космическая ледяная пыль, вдругъ завившаяся столбомъ на точкѣ земного шара, именуемой Петербургомъ, Россіей. И грабежъ — не грабежъ. Все — не такъ, не то, рвется изъ предѣловъ постигаемаго, и тѣмъ мучительнѣе его первоначальное и все же въ дняхъ непобѣдимое—т о , факты, вещи, плакатъ, проститутки, сѣрыя гетры, — т а к ѣ е с т ь , т а к ѣ б ы л о , не увернешься, не смоешь, не забудешь, не простишь. «Кругомъ огни, огни, огни». Двѣнадцать апостоловъ этихъ огней, безъ креста, задыхающіеся въ смертной тоскѣ полета, котораго они сами не разумѣютъ до конца, его жертвы — сгорятъ раньше, чѣмъ остановится Знаменоносецъ, огромный, скользящій надъ міромъ, выюжный, въ бѣломъ вѣнцѣ, не вѣнчикѣ, изъ ледяныхъ — чуть теплѣющихъ — розъ. И такъ больно, что милый кабакъ остался позади въ сугробахъ, и не отдохнуть уже подъ его

кровлею. И не стало Каткиныхъ ножекъ, забита въ землю и буйная ихъ, несказанная прелесть. Гоголевское — «мимо, мимо».

Вѣтеръ, вѣтеръ —
На всемъ Божьемъ свѣтѣ.

Брестскій миръ. Расколъ среди большевиковъ. Расхождение съ лѣвыми с.-р. Теорія передышки. Попытка путемъ мира войти такъ или иначе въ обиходъ европейскихъ государствъ и вліять на нихъ.

Теорія передышки рождена трезвымъ государственнымъ началомъ. Можно было бы установить даты: въ мартѣ—апрѣлѣ 1917 года, несмотря на существованіе временнаго правительства старое государство руссiйское перестало быть; въ мартѣ 1918 года новое государство руссiйское начало свое бытіе. Революція перестаетъ быть стихійною, къ ней приложена человѣческая рука. До сихъ поръ все было — безошибочно, теперь — сѣтъ ошибокъ, отступленій, компромиссовъ, ибо — сознаніе. Одно дѣло — метать подъ ноги правителямъ Европы безпокойныя идеи и волновать народы. Другое дѣло — ковать реальныя силы, которыя должны стать независимыми отъ прихотливыхъ измѣненій настроенія внутри страны.

По отношенію къ Западу передышка — сомнѣніе въ непосредственномъ, безъ борьбы и усилій, приходѣ міровой революціи: лучше имѣть за пазухой два камня, чѣмъ одинъ. По отношенію къ странѣ — передышка обязываетъ отказаться отъ максимализма идей и искать береговъ. Они — усиленіе личнаго, направляющаго, сознательнаго начала. Фиксируются и отбираются не способы установить новыя формы жизни, а способы непосредственно получить возможно дѣйствительные результаты революціонной работы.

Къ Бычьей площадкѣ подали поѣздъ Комиссаріата путей сообщенія. Сказано было погрузиться къ шести часамъ вечера, но грузились до поздней ночи, утромъ и еще въ полдень. А потомъ сѣли и ждали. Никто не зналъ, когда отойдетъ поѣздъ.

Ночь была холодная и звѣздная. Не спалось въ вагонѣ. Потрескивали, никого не беспокоя, выстрѣлы, то въ отдаленіи, то близко. Чиновники вереницею шли за чаемъ къ казенному кубу и бранили начальство, точь-въ-точь какъ двадцать, пятьдесятъ и сто лѣтъ тому назадъ. Шелъ споръ о дорожномъ пайкѣ, когда и чѣмъ будутъ кормить, и о казенныхъ квартирахъ въ Москвѣ, какую гостиницу реквизируютъ. Кругозоръ былъ суженъ еще петербургскимъ голодомъ и пустыми страхами, страхами случайныхъ людей, одиночекъ, полумѣщанъ — полуинтеллигентовъ, смутно понимающихъ, что происходитъ вокругъ. Боялись сниматься съ мѣста, боялись новаго города, — всего. И тоже, какъ встарь: мечтанія о казенныхъ благахъ были радужны — но ничего не оправдалось, паекъ dospѣлъ только къ вечеру слѣдующаго дня, въ гостиницѣ было тѣсно, и многимъ пришлось около недѣли прожить въ поѣздѣ — должно быть, чтобы пуще закипѣла безпокойная желчь и чтобы злобою разнообразилось чиновничье суетливое бездѣлье.

Слово федерація въ устахъ украинца, бѣлорусса или грузина звучитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ устахъ великоросса. Среди великороссовъ едва ли не одинъ Бакунинъ имѣлъ право звонко и открыто произнести это слово. Правда, онъ при этомъ прибавлялъ: «у насъ нѣтъ отечества»...

Апрѣль. Москва.

Небо надъ Петербургомъ посвѣтлѣло, воздухъ чище — стоять заводы. Тоже отчасти и въ Москвѣ. Винятъ рабочихъ. И забываютъ о томъ, что заводы стали закрываться болѣе чѣмъ за полгода до октябрьскаго переворота при первыхъ же вѣяніяхъ революціи.

Фабрикантъ Е. рассказываетъ:

— Не выдержалъ братъ придирокъ отъ рабочихъ, огорчился и повѣсилъ...

Со стороны же я знаю, что братъ перепродалъ сырье, испортилъ машины, перевелъ капиталы за-границу, но когда самъ собрался туда же, оказалось — поручилъ деньги не-надежному человѣку, его и слѣдъ простылъ.

Такихъ много. Еще больше такихъ, что бросили свое дѣло и отсиживаются, какъ на островѣ, въ уголкахъ когда-то обширныхъ и хорошо обставленныхъ квартиръ, продавая за стопы печатной бумаги носильное платье и вещи. Есть и приспособившіеся — въ канцеляріяхъ. Неспѣша, съ опаскою — какъ бы не замараться — вращаютъ совѣтское колесо. Суть вращенія — отписка. И правильно — съ ихъ точки зрѣнія: по существу разрѣшить дѣло и двинуть его быстро — помощь заклѣтому врагу.

А рабочіе, дѣйствительно, нетерпѣливы и своевольны. Да какъ же имъ и быть иными? Свобода для тѣхъ, кто не имѣлъ ея, родится раньше всего и полнѣе всего, какъ ощущеніе власти матеріальной.

Вчерашніе господа сердятся на вчерашнихъ рабовъ, когда тѣ не слушаются, «хотя бы послушаніе было нужно для пользы дѣла». Но дѣло не такъ скоро станетъ кровнымъ дѣломъ, воплощеніемъ желаній вчерашнихъ рабовъ. Поэтому случайное желаніе, случайный волевой актъ или опытъ отдѣльнаго рабочаго пока выше всего дѣла въ цѣломъ. Изъ этихъ желаній, актовъ и опытовъ вырастаетъ либо наглый бездѣльникъ — расточитель, либо растетъ сильный рабочій, сильный классъ, сильное человѣчество, которое съ легкостью ограничить себя для своего и всеобщаго дѣла, когда мускулы тѣла и души позовутъ къ работѣ.

Въ своеволіи и дерзости, какъ бы тяжело отъ нихъ ни приходилось, лучший залогъ, что новое, идущее въ міръ, дѣйствительно, ново; что не захочетъ человѣкъ снова подпасть подъ молотъ экономической закономѣрности; что свою волю онъ полюбитъ упорной любовью и ради нея подыметъ тяготы, идущія со всѣхъ сторонъ.

Еслибы революція уже теперь пропиталась уваженіемъ къ порядку, — тѣмъ, кто любитъ не матеріальный моментъ смѣны хозяина въ дому, а преображеніе единаго человѣчества, она представилась бы исторической неудачей. Жертвы были, жертвы будутъ — и втунѣ? И снова раскинется отъ Вислы до Татарскаго пролива несправедливая Россія, пусть процвѣтающая, пусть богатѣющая, но тѣмъ болѣе отвратительная съ мертвымъ своимъ грузомъ жадности и эгоизма. И вырождающаяся. Ибо — такъ есть — страсть къ накопленію теряетъ свою созидательную силу. Она перестаетъ вдохновлять людей широкаго почина. Процессъ концентраціи производства усиливается съ механической неумолимостью, но дѣлается и по психологіи своей и по сущности безличнымъ. Служитель этой концентраціи перестаетъ быть носителемъ даже односторонней эгоистической свободы, духа предпріимчивости, духа торговаго и производительнаго могущества...

Что бы намъ ни было суждено — одного нельзя понять: какъ интеллигенція, особенно же связанная съ наиболѣе демократическою стихіей, съ техникой, не опьянилась одною только возможностью иныхъ взаимоотношеній въ мірѣ? Быть можетъ запоздалый націонализмъ интеллигенціи — только расплата по старымъ счетамъ, балансъ, который сводить неумолимый счетоводъ — міровой законъ неуничтожаемости энергіи.

А все-таки: почему интеллигенцію не заражаетъ размахъ міровой катастрофы, ее присяжную любительницу міровыхъ масштабовъ? Или дома теплѣе? И міровое не такъ ужъ прекрасно, когда ради него приходится перестраивать маленькій свой бытъ? Міровой котелъ долженъ раскалиться и закипѣть для того, чтобы всѣ стали лицомъ къ лицу со свободою. Свобода же личности, закрѣпленная въ буржуазномъ быту, возвеличенная наукой и искусствомъ, стала силою консервативною и занята даже теперь однимъ лишь самосохраненіемъ. Она загородила путь своеволю народному потому, что она глубоко по сущности своей корыстна. Ей есть что терять, и она боится потерь, боится холода и труда, какъ купецъ, какъ кокотка или маленькій избалованный домашній звѣрь. И если она пассивно терпитъ голодъ, нищету и трудъ — это не оправданіе ей. Начать, начать класть новые срубы — вездѣ, гдѣ освобождается земля, безъ надежды на признаніе, безъ благодарности, часто — безъ плана. И, главное, принять въ другихъ и въ себѣ своеволие, со всѣми вытекающими изъ него опасностями.

Быстро обрастаетъ бюрократическимъ мясомъ совѣтскій скелетъ. Своихъ мало. Большіе враги не придутъ, да и нѣтъ мужества договориться съ ними. Плетутся безразличные или ползутъ на худомъ брюхѣ хорьки. Ненадежные. Полупредатели.

Партійные верхи замкнуты, они умѣютъ иной разъ указывать, но рѣдко умѣютъ дѣлать. Около нихъ нарастаютъ другіе верхи — пониже. Сановники дѣла. Очень рѣдко дѣловые. Но слаженные и заведенные такъ, что безъ нихъ не обойтись. Партійные верхи скромны: вѣдь только врагамъ мерещится будто власть сладка. Въ прошломъ — тюрьмы, въ настоящемъ — опыты, государственная учеба, т. е. ошибки, хвалиться нечѣмъ. Не то сановники дѣла. Они достойны страницъ исторіи уже сегодня, на шестомъ мѣсяцѣ революціи.

Впервые идею исторіи генераловъ встрѣчаемъ мы въ «Мертвыхъ душахъ». Геніальный проныра Чичиковъ родилъ ее экспромтомъ и второпяхъ и, по прирожденному лукавству не досказавъ, что, какъ ни занимательна исторія генераловъ въ лицахъ — исторія генеральства, стихія генеральства — есть и такая, вполне самостоятельная — еще занимательнѣе.

Генералы и сановники — два передовыхъ колеса великой отечественной колесницы. Чичиковъ, несомнѣнный славянофилъ и патріотъ, правильно оцѣнилъ значеніе сановника въ русской исторіи. Гоголь подхватилъ идею Чичикова и орелигіозилъ ее въ «Перепискѣ съ друзьями». Щедринъ искажилъ ея романтической павосью. Чеховъ далъ намъ генерала-упадочника. Но не надо думать, что корни генеральства не глубоки. Формы его бранны: но сущность безсмертна.

Только наивные люди могутъ утверждать, что огонь революціи пожралъ прекраснѣйшія формы сановничества. Революція сняла у сановника гербы съ кареты, скормила согражданамъ породистыхъ лошадей, управление государствомъ предоставила временно курьерамъ, а имѣніями — хозяйственнымъ мужичкамъ. Однако, по мнѣнію оптимистовъ, — а оптимизмъ сейчасъ въ силѣ — сановникъ въ состояніи длить свое священное бытіе и безъ герба, и безъ многоколоннаго зала и безъ челяди. Правда, генераль проигралъ въ личной импозантности вслѣдствіе этихъ потерь. Но стихія гене-

ральства выиграла количественно. Качества приложатся при благоприятныхъ обстоятельствахъ — поскольку они не съѣдены и не превращены въ звонкую монету.

Старорежимнаго сановника было легко увидѣть, оцѣнить, даже осязать. Сановникъ новаго времени не столь ярокъ; онъ поддается осязанію, но очень трудно — оцѣнкѣ. Онъ — бѣглая тѣнь устанавливающагося быта. Его надо искать не на свѣту, а во тьмѣ, за стѣною творящихъ исторію массъ. Но преемственность его облика по отношенію къ старому генералу уже явна для насъ. Правда, современному генеральству чужда поэзія трясущихся колѣнъ, голой главы многодума, золотой челюсти и трости съ золотымъ набалдашникомъ; правда, современный генераль менѣе изященъ въ подхалимствѣ и не такъ красно, какъ прежній говорить — но много и сходствъ, и сходствъ разительныхъ, которыми могъ бы въ упоръ заняться современный Дарвинъ съ еще большимъ, чѣмъ Щедринъ, правомъ.

Когда я вхожу въ комиссаріатъ (имя рекъ) и меня встрѣчаютъ крикомъ: «не знаю, не знаю, не знаю» — хотя я и не успѣлъ спросить еще о томъ, чего мнѣ здѣсь надобно — я уже чувствую, что предо мною крупинки тучнаго суперфосфата, на которомъ прозябаютъ новые генералы.

Когда руководитель обширнѣйшаго въ республикѣ вѣдомства проявляетъ живой вкусъ къ широчайшимъ творческимъ схемамъ, не зная ни мѣры, ни такта, ни метода, ни матеріала — я понимаю, что предо мною родоначальникъ генеральской династіи, и что бѣлые камергерскіе штаны стали мечтательно задумываться въ лавкѣ старьевщика, а курульное кресло со стономъ преждевременной гибели догораетъ въ печкѣ ночного сторожа.

А талантъ быстро и радикально перекрашиваться въ защитные цвѣта! Красный превосходно ложится на бѣломъ и не просвѣчиваетъ. А упоеніе личною властью, столь умѣстное въ демократичнѣйшей изъ республикъ? А пристрастіе къ умопомрачительнѣйшимъ приказамъ? А любовь къ по-

рядку, изъ-за котораго останавливается все въ комиссариатѣ или отдѣлѣ — ибо благоговѣйно ликуеть? А установление идеальнѣйшаго изъ календарей, съ семью пятницами на недѣлѣ, благодаря которымъ въ нашъ матеріалистическій вѣкъ, и гдѣ же? — въ Совѣтской республикѣ — такъ полно торжествуетъ евангельскій принципъ: довлѣтъ дневи злоба его — и злоба каждаго дня безъ остатка отмечается злобою слѣдующаго?..

Новый сановникъ изъ соображеній экономіи отказался отъ традиціонной граціи. Не тотъ, что прежде, у него зритель, не тотъ рискъ, не тѣ блага, и ритмъ сановнической жизни въ земномъ раю нарушенъ безпокойной революціей. Никто не станетъ окомъ мэтра слѣдить за клоунадой его превращеній, никто не пожметъ сочувственно руку. Новый сановникъ огрубѣлъ, рубить съ плеча, работаетъ локтемъ, глоткою, горбомъ и подхалимствомъ. Онъ бываетъ беззаастѣнчивъ, какъ уличный грабитель, жаденъ, какъ приказный въ случаѣ, и не даетъ себѣ труда быть умнымъ.

Новый сановникъ въ такой же степени не вѣритъ въ прочность и необходимость режима, которому онъ служить, въ какой старый вѣрилъ. У стараго не было перспективъ, было же — вѣчно-длящееся мгновенье настоящаго, которое слѣдовало ловить, ловить. У новаго тоже нѣтъ перспективъ, но нѣтъ и настоящаго въ его прелести; чѣмъ болѣе онъ тупъ и своекорыстенъ, тѣмъ больше пропастей и срывовъ чудится ему вокругъ. Вотъ-вотъ все рухнетъ и сорвется. При подобной готовности къ крушеніямъ душа новаго сановника интенсивно подлѣтъ, аппетиты же разгораятся по-волчьи. Кто корыстнѣе, старый сановникъ или новый — про то знаютъ развѣ только въ аду, гдѣ корысть цѣнятся наравнѣ съ предательствомъ. Но и тамъ новаго сановника отсадятъ подалше, не въ ряды звѣздной палаты, а въ кругъ первобытныхъ обжоръ, прижимистыхъ поповъ и склонныхъ къ кле-

ветъ журналистовъ. Кругъ, который даже на языкѣ подземныхъ жителей зовется кругомъ недостигнутой человѣчности.

Почти не поддается передачѣ одна уличная встрѣча, а рассказать о ней надо.

Налетчики ограбили магазинъ на Арбатѣ. Пока они собирали добычу, кто-то изъ приказчиковъ метнулъ гирей въ зеркальное окно; окно дало трещину. Приказчика ранили. Но уже неистово свистѣли милиціонеры. Домъ былъ окруженъ. Нѣсколькихъ налетчиковъ убили, другихъ арестовали.

Это происшествіе отдаленно прошло мимо меня. Строго говоря, я все видѣлъ и слышалъ, но нѣкто разсѣянный во мнѣ по расчету отвлекъ вниманіе сначала къ книжной витринѣ, потомъ къ стайкѣ голубей на углу Денежнаго переулка. Къ тому же солнце слѣпило глаза, и раздражающе дребезжали по арбатскимъ камнямъ пролетки.

Двѣ минуты спустя я шелъ по переулку. Вновь загремѣли пролетки — двѣ, одна за другой. На днѣ лежали по двое на каждой — убитые бандиты. Ноги свѣшивались, головы были откинута, изъ ноздрей одного изъ нихъ капала кровь. Милиціонеръ сидѣлъ, умѣстивъ ноги и прикладъ ружья на груди верхняго изъ убитыхъ.

За пролетками двое вели шофера того автомобиля, на которомъ собрались на утекъ налетчики. Онъ былъ блѣденъ, дрожалъ крупной дрожью и молилъ. Молилъ — пустыми, вздорными, почти смѣшными во вздорности своей словами. Не было никакой надежды. Не стоило выбирать слова. Онъ зналъ это всѣмъ нутромъ своимъ. Но молить надо было — въ мольбахъ разрывались нити жизни — она выходила изъ него въ этихъ тщетныхъ мольбахъ.

А милиціонеры? Тѣ, что тряслись на пролеткахъ съ тѣлами, были унылы и устало равнодушны. Тѣ, что вели, дро-

жали, какъ и онъ, крупною дрожью — хотя и не тою дрожью, что его сотрясала. Заяцъ былъ онъ, а они — охотники.

Меня затошнило душевною и физическою тошнотою. И уйти бы на край свѣта, и — смотрѣть, смотрѣть, ибо не смѣешь ты, не смѣете всѣ вы не знать этого. Это — иная, не наша жизнь. Тѣ, что грабятъ, и тѣ, что охраняютъ отъ грабежа. Вонъ оно что. Вонъ оно какое. — И въ лихорадкѣ, полубольной, побрелъ я дальше — за уголь, еще за уголь, еще.

А вечеромъ, когда полустерлись черты невѣдомаго, но столь реальнаго — реальнѣе другихъ, ибо въ немъ борьба, охота и смерть — тошнотворнаго міра, я думалъ, гипнотизируя себя:

— Все случайно, все бываетъ, надо быть готовымъ. Если бы довелось и тебѣ, какъ тому шоферу, итти по тѣмъ нагрѣтымъ апрѣльскимъ солнцемъ камнямъ, — не бойся, не ропщи, не говори объ ошибкѣ, не моли. Такъ надо. Это — революція.

Въ тотъ вечеръ мнѣ казалось, что я готовъ ко всему и спокоенъ. Но чередою пришелъ разсвѣтъ, начался новый день, и я понялъ, что мнимая готовность была отъ усталости, что снова кто-то расчетливый во мнѣ ввелъ меня въ заблужденіе, чтобы сберечь силы, что страшное — всегда страшно, и нѣтъ для него санкціи, и что жизнь дороже всего на свѣтѣ.

Б. съ семьей и С. уѣзжаютъ на Украину. И дальше, конечно, — на Западъ. Я говорю Б.:

— Хорошо, уѣдете, но здѣсь-то, дома, лучше отъ этого не станеть?

— За то мы уцѣлѣемъ. Если бы васъ новая власть не кормила, а гнала въ палки — вы бы тоже иначе разсуждали. Человѣкъ человѣку волкъ. Этому меня научила ваша революція.

— Научила? А когда цѣла была фабрика, розсыпи, дача въ Кіевѣ — не знали?

— Не зналъ, честное слово. Такой порядокъ былъ... естественный. Теперь — знаю.

— И соотвѣтственно — ?

— Соотвѣтственно.

Крупный типографъ К. Порученія отъ правительства. Румянъ, бодръ. Карманы набиты шеколадомъ.

— Держаться надо, держаться. Чтобы ихъ пересидѣть. Кто здоровъ останется — дѣлъ-то какихъ надѣлаетъ! От- того родного отца не пожалѣю за жратву и на лѣкарство.

У Л. Я. Карпова. Рядъ крупныхъ дѣятелей Совѣта Народнаго Хозяйства. Ш., К., Г. То, что дѣлается въ народномъ хозяйствѣ — внѣ ихъ плана. Рѣчь о необходимости рѣзкихъ ударовъ въ началѣ и о практической осторожности на ходу. Х о з я й с т в е н н о с т ь , — которая ежедневно сталкивается съ безхозяйственностью политическихъ акцій, и отступаетъ.

Рѣзкая критика происходящаго. «Готтентотская мораль». Тонъ, который я давно уловилъ. Среди своихъ — просторъ сомнѣніямъ и неувѣренности. Лицомъ къ лицу съ чужими — маска побѣдительности. Военная психологія — опасность, маскировка — недостатокъ въ вѣрныхъ людяхъ — численная незначительность правящихъ группъ — двуличность на все готовой чиновничьей массы, цементируемой лишь незначительнымъ процентомъ представителей рабочаго класса — создаютъ стиль новой русской государственности. Широкое всенародное дѣло, и тутъ же повадка заговорщиковъ. Роль личныхъ связей въ революціи — старые, выросшіе въ подпольѣ, вдоль и поперекъ знающіе другъ друга товарищи.

Старые пріятели — К., Р., новые Б., М. По комиссаріатамъ. Устрашающее количество холоповъ. Вина на правя-

щихъ группахъ. Насколько верхи ихъ — д у м а ю т ъ и п р о б у ю т ъ и, поэтому, цѣнять независимое слово, настолько среднее ядро ихъ, сановники и полусановники посредничающіе между холопами и творческими верхами, органически не выносятъ независимости. Съ ихъ точки зрѣнія, лучше принанять холопа и продажную бездарность, чѣмъ впустить въ домъ независимаго союзника.

Ростъ и засилье чиновничества — симптомъ органическаго порока въ организаціи.

Въ распадающемся государствѣ дѣйствующія силы каждой волостной республики могутъ непосредственно вліять на жизнь. При преждевременномъ — подъ напоромъ обстоятельствъ — собираніи государства, когда нѣтъ еще ни одной застывшей формы, когда максимализмъ идей враждебно сталкивается съ практическими заданіями — является потребность въ слѣпыхъ исполнителяхъ. Эта потребность — брешь въ революціи. Въ нее бросаются полки безразличныхъ или враждебныхъ наймитовъ, притягиваютъ себѣ подобныхъ и консолидируются въ злокачественную опухоль. Партіиные верхи принимаютъ эту опухоль — за аппаратъ. Бюрократическимъ верхамъ — она удобна, ибо бездѣлье безопаснѣе дѣла.

Борьба на Украинѣ — съ нѣмцами. Крестьяне возстаютъ. Расправы — примѣненіе удушливыхъ газовъ. Водвореніе и охрана помѣщиковъ. Экзекуціи. Извѣстный полтавскій либераль С. призвалъ нѣмецкій отрядъ для расправы и взысканія контрибуціи съ крестьянъ. Первое нѣмцы выполнили, выполнить второе отказались.

Въ дни — 18 марта—28 мая 1871 года часто произносилось слово п р а в о. К. Мендесъ писалъ: «я надѣюсь по

прежнему, что эта революція провозгласить дѣйствительно полезную и высокую идею». Ф. Піа, въ газетѣ «Коммуна»: «Власть, ничѣмъ не обязанная ни обаянію великихъ именъ, ни авторитету слова, ни престижу вождей, ни искусству партій, но обязанная всѣми своими достиженіями праву». Если бы слово это не было такъ безнадежно дискредитировано во время войны, имъ злоупотребляли бы и у насъ. На самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ о силѣ. Въ методахъ своихъ социализмъ неизбѣжно является наслѣдникомъ деспотіи. Какъ формулировалъ это Ницше — *so viel Staat wie möglich*, что вызоветъ со временемъ реакцію подъ лозунгомъ — *so wenig Staat wie möglich*.

Близко, подъ лупою, разглядѣть серьезнѣйшія событія личной жизни: они отвратительны. Рожденіе, ростъ, болѣзни, пробужденіе полового влеченія, первыя проявленія страсти, борьба за существованіе, паденія, старость, смерть — во всемъ ихъ реализмѣ, въ плотскихъ деталяхъ, въ подноготной моральной и физической сложности — иного эпитета не подыскать. Не большее ли право на отвратительность деталей въ отправленияхъ своихъ имѣетъ государство, особенно же новое, срывающее съ себя трупныя пелены?

Май. — Москва.

Л. Шестовъ прочелъ въ «Знамени Труда» статью — мою же, безъ подписи — о томъ, что въ переходное время свобода печати невозможна.

— Что за нововременцы стали у васъ писать? — спросилъ онъ меня — и я слышалъ негодованіе въ его голосъ.

Возражать не хотѣлось. Развѣ можно сомнѣваться въ правѣ на свободу слова и печати? И развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что всякая группа, политическая или социальная, отмѣнить свободу печати, если она опасна дѣлу, которое она считаетъ всенароднымъ дѣломъ? Тутъ не спросить, нравится или не нравится. Расчетъ, сила.

Проглядѣлъ явленіе русскаго анархизма. Идеалисты-теоретики, тупая паства и бандиты. Когда-нибудь это явленіе станетъ огромнымъ. Чѣмъ совершеннѣе государственная организація, тѣмъ неуклоннѣе будетъ накапливаться горючій матеріалъ на этомъ ю ж н о м ъ п о л о с ѣ общественности.

Ночью, въ типографіи, надъ версткою номера «Знамени Труда».

Метранпажъ говоритъ:

— Хотя бы разными шрифтами набирать — декреты, которые напоказъ, и декреты, которые для исполненія.

Наборщикъ И. И. смѣется:

— Да развѣ не всѣ для исполненія?

— Куда всѣ! На это и наверху не рассчитываютъ. Декреты — на подобіе вѣнчанія жениха и невѣсты въ церкви. Платье бѣлое, цвѣты, а ли л л у й я и да при л ѣ п я т с я. Кажется на всю жизнь радости станетъ. А тамъ глядишь, тѣсто мѣситъ надобно, работа, пьянство, колотушки, нищета, дѣтей рожать, да кого-нибудь Богъ къ себѣ заберетъ. Сне-сти-то все можно, — только бы любовь была.

Не были озлоблены ни въ мартѣ ни въ октябрѣ рабочіе. Сознаніе единства цѣли и справедливости.

Крестьянство — длительно добродушно, вспышками жестоко. Страхъ обмана, чувство полуслѣпоты, множественность цѣлей, неотвлеченность правъ и справедливости, стихійный мятежъ противъ ига, противъ собственной нищеты и — разгулявшаяся жадность мѣщанина. Народничество прекрасно порывомъ — преобразовать эту жадность въ нѣчто высшее.

Жестока была солдатчина, уходившая отъ кнута и смерти. И не менѣ жестока, и вдобавокъ презрительна, была и есть — интеллигенція, бросившая кнутъ и тоже, въ своемъ родѣ, уходившая отъ смерти.

Пріѣхалъ крестьянинъ изъ имѣнія Х. Курской губерніи. Крестьяне зовутъ семью Х. на лѣто. Домъ разобранъ на бревна. Садъ запущенъ. Часть земли не вспахана.

У О. — Д. домъ — музей. Когда-то прадѣдъ и дѣдъ привезли изъ Италіи цѣлымъ обозомъ — картины, скульптуру,

много драгоцѣнной рѣзьбы по дереву. Картины частью увезены въ губернскій музей, частью погибли. Дерево пошло на хозяйство. Гдѣ закрываетъ щель въ хлѣву, гдѣ служить заслономъ у печки. Мнѣ вспомнилась Греція — чудесная Элевзина. Глиняныя стѣны хлѣбовъ держатся на коряхъ храма Деметры. И поставлены коры лицами внутрь, въ глину, спинами наружу: поверхность спины ровнѣе и приличнѣе.

Въ имѣніи С. сгорѣлъ домъ, съ архивомъ и картинной галереей, издавшими Пушкина. Надгробные памятники въ паркѣ опрокинуты и разбиты. Я видѣлъ С., семидесяти трехлѣтнюю старуху, какъ разъ въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о сожженіи дома. Она крѣпилась и все повторяла:

— Что домъ, когда вся Россія въ пожарѣ.

На Украинѣ земли имѣній польскихъ магнатовъ лежатъ необработанными. Не подъ силу. И война мѣшаетъ. Количество хлѣба въ странѣ падаетъ.

У Г. разоренъ образцовый фруктовый садъ. Крестьяне не могли его подѣлить и перессорились. Часть деревьевъ порублена, другіе зачервились, скоро одичаютъ. Скотъ ходитъ по саду, ломая вѣтви и утапывая землю вокругъ корней.

Въ имѣніяхъ гр. П. въ Волынской губерніи, у Г. въ Псковской губерніи, вблизи знаменитой С. въ Кіевской губерніи порѣзанъ племенной скотъ, загнаны лошади, сожжены оранжереи, дичаютъ огороды и фруктовые сады.

Хорошо? Нѣтъ, худо. Но откуда же крестьянину знать цѣну предметамъ — онъ никогда не владѣлъ ими, а въ имѣніяхъ на его голодный глазъ, ихъ было слишкомъ много. Кулакъ, богатѣй, шинкаръ — уже научился беречь; бѣднякъ же не умѣетъ. Какъ варваръ, растаскиваетъ онъ чужія сокровища, не потому, что они ему нужны, а потому, что они — предметы. Испорченный фильтръ, фисгармонія, изразцы отъ разобранной узорной

печки, статуэтка, часы, глобусъ — покоятся въ столь же, какъ и раньше бѣдныхъ избахъ, ожидая фантастическаго какого-нибудь примѣненія. Частью гибнуть. Не жаль? Нѣтъ, очень жаль. Но то, что предметы гибнуть, не означаетъ, что слѣдуетъ возвратиться къ временамъ господъ, имѣній, черкесской стражи и гнущихъ спины крестьянъ, для которыхъ существовать особый судъ и особая паспортная система. Дѣло сдѣлано. Послѣдствія же надо нести.

Вечеръ и полъ ночи — у С. Н. Булгакова. Онъ вноситъ въ религіозность дурные навыки двойного профессорства: профессора политической экономіи и профессора протестантской теологіи. Ограниченіе мистическаго переживанія — дурной цѣлесообразностью.

Возможно, что социальная борьба призвана замѣнить войну между народами — этотъ вѣчный, по Ницше, источникъ обновленія культуры. Война выродилась — ибо механизирована снизу доверху. Социальная борьба переняла у войны ея добродѣтели — «jene rauhe Energie des Feldlagers, jenen tiefen unpersönlichen Hass, jene Mörder-Kaltblütigkeit mit gutem Gewissen, jene gemeinsame organisierende Glut in der Vernichtung des Feindes, jene stolze Gleichgültigkeit gegen grosse Verluste, gegen das eigene Dasein und das der Befreundeten, jenes dumpfe erdbebenhafte Erschüttern der Seele...

Основною добродѣтелью войны стало — сознаніе братства трудящихся. Основною добродѣтелью мира — непримиримость.

«Сумма частныхъ проявленій лѣни даетъ такъ называемое общественное мнѣніе». Никто не хочетъ перестраивать жизнь — одни общественные низы. Лѣнь и страхъ временной необезпеченности. Последняя же все равно неизбѣжна.

Механизированіе въ теоріи. На практикѣ — необычайное усиленіе волевого начала.

Іюнь. Москва.

Въ частномъ домѣ читали стихи — современныхъ поэтовъ о современности. Читали люди неизвѣстные, любители. А пьесы принадлежали большимъ поэтамъ — тѣмъ, кого въ интеллигентномъ обществѣ знаютъ всѣ. Пьесы были, какъ на подборъ: хорошо написанныя, рѣзкія, злыя, и всѣ о послѣ октябрьскомъ строѣ. Особенно выдѣлялись ядовитыя строфы одного поэта, которому казалось, что онъ говоритъ самое послѣднее, самое глубокое слово о происходящемъ.

Онъ сравнивалъ современныхъ дѣятелей съ декабристами. Конечно, декабристы казались ему святыми, нынѣшніе — негодяями. Онъ рассказывалъ о томъ, что интеллигентные, образованные и любящіе свободу люди брошены въ подполье и связаны по рукамъ и ногамъ. Говорилъ объ убійствахъ, о грабежахъ, о «матросскихъ плевкахъ». Самочувствіе оскорбленнаго, выбитаго изъ колеи человѣка было передано вѣрно. Видимая б е з ц ѣ л ь н о с т ь происходящаго была выдвинута на первый планъ.

Когда чтеніе стиховъ было окончено, всѣ на перебой начинали рассказывать разные ужасы, происходящіе въ странѣ и въ городѣ. Ужасы были дѣйствительные, люди, говорившіе о

нихъ не лгуны, возразить на дѣйствительные случаи было нечего. Но чѣмъ гуще накладывались краски — тѣмъ легче становилось ихъ нести. Точно смрадъ страховъ самъ себя убивалъ, точно холодный сквозной вѣтеръ прошелся по комнатѣ. И не только мелкая хроника грабежей и государственныхъ неурядицъ оказалась вдругъ преодолимой, но великое уничтоженіе государства и большая боль поэта.

Что же произошло со слушателями? Вотъ что: за покровомъ дурной и тлѣнной обыденности они почуяли дыханіе вѣчной преобразующей силы. Если существуетъ эта сила, то нѣтъ страшныхъ частныхъ. Или вѣрнѣе ихъ нѣтъ въ той плоскости общественнаго дѣланія, въ какой ихъ разсматривалъ преклоняющійся передъ декабристами поэтъ. Если же частности существуютъ реально, и преобразующей силы за ними нѣтъ, если, стало быть, все происходящее въ общественности надо перевести изъ плоскости соборнаго дѣланія въ плоскость личнаго совершенства — тогда и декабристы не святые, а лишь преступники помельче, и христіанскіе праведники, къ которымъ тяготѣетъ поэтъ, — проходимцы съ дурною нравственностью, и всѣ историческія движенія — не цѣльны, и слѣплены изъ безсвязныхъ метаній слѣпыхъ жертвъ рока. Ибо среди революціонеровъ, мучениковъ и новаторовъ-еретиковъ всегда бывали и мелкіе люди, и грѣшники, и челоуѣколюбцы; ибо всегда историческія движенія шли въ разрѣзъ съ частными желаніями и вкусами; всегда требовали жертвъ и казались непонятными — современникамъ и дурными — слоямъ, обреченнымъ на гибель. Не слѣдуетъ пытаться произвести измѣреніе несоизмѣримыхъ величинъ.

Вспомнился Верхарнъ, его «Зори», его «Возстаніе» и «Толпа». Вотъ поэтъ — связанный съ культурою болѣе кровными узами, чѣмъ язвительные и во многомъ, съ европейской точки зрѣнія, еще «дикіе» русскіе поэты. Верхарнъ не ищетъ въ дѣлахъ возставшей толпы ни цѣлесообразности, ни плана, ни ясно очерченныхъ граней. «Толпа разъярен-

ная черни бездомной — какъ море», но отъ валовъ этого моря —

Я горю, мое сердце встревожено

Словно расширено, словно размножено.

Поэты русскіе, тѣ, что такъ прилежны въ хуленіи, и вы горите? Ваши сердца расширены? Вспомните, Пушкинъ и Тютчевъ говорили о расширенномъ сердцѣ, какъ о сердцѣ вдохновенномъ.

Верхарнъ говоритъ о безумьѣ, о мщеніи; о томъ, что падаетъ всякій расчетъ; о томъ, что только чувствуется что-то и нѣтъ осознанной цѣли и мысли глубокой.

Поэты русскіе, вы становитесь расчетливы, боитесь убытковъ? Не сказалъ ли одинъ изъ васъ: «звуковъ хотимъ, но созвучій боимся, празднымъ желаніемъ предѣловъ томимся» (З. Гиппиусъ). Не жаловался ли другой: «мы плѣненные звѣри, голосимъ, какъ умѣемъ, глухо заперты двери, мы открыты ихъ не смѣемъ» (Ө. Сологубъ). Не призывалъ ли третій: «гдѣ вы, грядущіе гунны, что тучей повисли надъ міромъ, слышу вашъ топотъ чугунный по еще не открытымъ Памирамъ» (В. Брюсовъ). «Чтобъ разбудить раба, его я раню больно, хоть самъ душой нѣжнѣй рѣчного тростника» — напѣвалъ десять лѣтъ тому назадъ Бальмонтъ. Кто же теперь — рабъ? Кто раненъ и въ чьей рукѣ ножъ? И что вы можете противопоставить верхарновскому — «чувется властная мощь у мгновенья и къ созиданію и къ разрушенію?»

Легко говорить о мощи созиданія и разрушенія; поднять ихъ — кости трещать.

Вѣдь надо дать себѣ отчетъ: революціонная фразеологія, попытки отбросить въ сторону тягости и преступленія разрушительныхъ эпохъ такъ же понижаютъ культуру, какъ

легкомысленное или корыстно-злое отношение къ этимъ эпохамъ.

Вожди и агитаторы имѣютъ право молчать о тѣняхъ и усиливать свѣты въ своихъ рѣчахъ и предсказаніяхъ: воля ихъ направлена къ побѣдѣ и недоговаривать всю правду подчасъ приходится ради экономіи силъ. Но самосознаніе эпохи должно нести печать трагическаго. И тотъ, кто говоритъ — все хорошо — говоритъ иногда затѣмъ, чтобы легче было нести тяжелую ношу. Все хорошо обязательно — въ области мучительнаго и проблематическаго. Побѣда же революціи — одна изъ величайшихъ проблемъ исторіи. Революціи всегда побѣждаютъ — но не въ той мѣрѣ, въ какой ждутъ зачинатели ихъ; революціонныя побѣды реализуются въ живыхъ, пышно разрастающихся формахъ — но не въ тѣхъ, о какихъ мечтаютъ зачинатели. Революціонныя эпохи трагичны, хотя и по разному, и для побѣдителей и для побѣжденныхъ. Кладбища культуры все-таки кладбища, а не залы комедійнаго театра. Задачи же новаго созиданія такъ велики, что каждый мѣсяцъ жизни созидателей гонитъ ихъ назадъ и назадъ отъ позицій авангарда.

То, что очень немногіе знаютъ: скромность вождей революціи. Слова: опытъ; быть можетъ, если мы не погибнемъ; руководители будущей революціи исправятъ наши ошибки.

Декреты — вѣхи. Вѣхи должны быть высоки и примѣтны. Въ нихъ — поискъ чистыхъ формъ, а не самоуверенность.

Упорство борьбы на фронтахъ увеличилось. Былъ у меня В. А. К. — поговорить о конспиративной квартирѣ на слу-

чай катастрофы. Послѣ октября никакія конспиративныя квартиры не помогутъ, всѣ мы — мѣченныя.

— Ваши связи въ буржуазномъ мірѣ — спрашиваетъ К.

— Порваны, конечно.

— Можетъ-быть, литераторы? Или какое-нибудь имѣніе подѣ Москвой? Въ рабочіе, напримѣръ, наняться?

Я недоумѣнно гляжу на него. Мы оба начинаемъ смѣяться.

— Плохо? — спрашиваетъ онъ меня, сузивъ по кошачьи глазки.

— Да чего лучше. Такъ выстригли жизнь, что и скрыться негдѣ. Ни кустика.

— Да, на плѣшь похоже стало, — соглашается К., прощаясь. — Ничего, поживаемъ — отрастетъ. А мы-то еще поживемъ, — убѣжденно говоритъ онъ. Онъ не хмурь, но очень серіозенъ.

Пріѣхалъ изъ Петербурга К. А. Эрбергъ. Стихи его. Новый трудъ — объ эстетикѣ. Исхудалъ еще больше; благородны тонкія очертанія лица и слабый, слегка вялый голосъ. Онъ тоже изъ тѣхъ, что выбрали себѣ право на безвластіе. Въ стихахъ его — воля къ свободѣ, воля къ сопротивленію законамъ природы, воля къ страданію при отрицаніи этого же страданія. Юношеская нѣжность — въ схемахъ Эрберга, въ шутовскомъ эстетствѣ. Онъ прикрываетъ мыслительною сухостью. Сгорающій Блокъ и нѣжный Эрбергъ уловили музыкальное начало революціи. И никогда не передадутъ въ словахъ того, что слышатъ, когда —

Настанетъ ночь и звучными волнами

Стихія бьетъ о берегъ свой.

То гласъ ея: онъ нудитъ насъ и проситъ,

Ужъ въ пристани волшебный ожилъ челнъ,

Приливъ растеть и быстро насъ уносить
Въ неизмѣримость темныхъ волнъ.
Небесный сводъ, горящій славой звѣздной,
Таинственно глядитъ изъ глубины,
И мы плывемъ, пылающе бездной
Со всѣхъ сторонъ окружены...

Я знаю, что Тютчевъ писалъ не о революціи. Онъ умѣлъ видѣть космическое лишь въ природномъ. Русская литература слѣдовала за нимъ, несмотря на возраженія «Войны и Мира» и карамазовщины. Но вотъ случилось «возстаніе рабовъ». Оно осуществило больше, чѣмъ смѣли мечтать Л. Толстой и Достоевскій. Оказалось, что не только природное, не только личное въ глубинахъ своихъ, но и общественно-человѣческое — космично и четырехмѣрно. Въ эти мѣсяцы природа какъ бы отодвинулась отъ насъ. Разъ вдыхалъ я сладкій запахъ распускающихся тополей у бѣлой церкви на Левшинскомъ, разъ радовался хору стройныхъ сосенъ въ Серебряномъ бору подъ Москвой-рѣкой, разъ заглядѣлся на стрижей изъ окна и — ушелъ въ озабоченность человѣческимъ. Оно детальнѣе, концентрированнѣе, мучительнѣе и — оно не успокаивается. Оттого-то и Блокъ и Эрбергъ строятъ свое творчество на контрастахъ. Оттого-то они усиленіемъ контрастовъ разрушаютъ литературу.

Шестовъ говорилъ:

— Нельзя все валить на стихію. Нельзя желать ея. Тяжелая болѣзнь можетъ принести человѣку благо, но никто не желаетъ болѣзни...

Приблизительно въ тѣ же дни рабочій-анархистъ говорилъ:

— Мы — здоровье міра, они — болѣзнь его. Зачѣмъ же міру болѣзнь! Отъ нихъ — неравенство, зависть, система униженія девяти десятыхъ человѣчества. Говорятъ, — нашъ терроръ преступенъ. Но — ихъ терроръ? Ихъ терроръ — медленный, замаскированный, вѣковой. Жертвы его неисчислимы. Онъ проникаетъ до мозга костей, сжимаетъ умъ нашъ, коверкаетъ совѣсть, убиваетъ полъ, дѣлаетъ насъ жадными. И онъ никогда не прекратится, пока власть у нихъ въ рукахъ. Нашъ терроръ — страшный, но быстрый. Онъ не система, онъ — случайность. У нихъ есть исходъ — къ намъ. У насъ — когда они у власти — нѣтъ никакого исхода.

Положеніе, видимо, серіозное. Декретъ о комитетахъ бѣдноты — который не можетъ не разбиться о круговую поруку мелкихъ собственниковъ. Отряды рабочихъ въ деревню — для сбора излишковъ. Подготовки возстаній въ центрѣ Россіи и на сѣверо-востокѣ. Пріемы власти неизбѣжно грубѣютъ отъ этихъ взрывовъ. Хмеля революціи все меньше, строгости — такъ много, что, кажется, старѣешь отъ недѣли къ недѣлѣ.

Были С. Д. М. и Т. говорить объ устройствѣ квартиры, о пересадкѣ ихъ въ другую, имъ незнакомую среду, — о приготовленіяхъ на случай какой-нибудь катастрофы. Впервые послѣ нѣмецкой угрозы Петрограду опасенія, что все можетъ рухнуть. Но реакція на опасенія не прежняя, не петербургская. Приходятъ бодрія и совсѣмъ новыя мысли:

— Что все можетъ погибнуть? Власть? Для того и существуетъ революціонная власть, чтобы погибнуть и возрождаться. Люди? Но они шли на это. Землю отберутъ у крестьянъ? Пусть попробуютъ. Вся Русь встанетъ, и не новая, а старая, упорная, крестьянская, неорганизованная. Рабочее законодательство? Соціализированная промышленность? Все это опыты. Можно и съ начала начать, можно

и передѣлать. За то — какія перспективы открываетъ реставрація! Сколько масокъ и масочекъ упадетъ... Сколько погибнетъ ультра-революціонныхъ репутацій... Сколько негодяевъ откроется и въ нѣдрахъ и на выставкахъ...

У М. О. Гершензона. Историкъ — и тонкій — который хочетъ стать философомъ, лирикомъ. Лирическое начало вошло въ эпосъ. А. Бѣлый, С. Есенинъ, Н. Клюевъ даютъ полулирику, полуэпосъ.

Гершензонъ видитъ неизбежность происходящаго. Но формы онъ хотѣлъ бы декретировать другія. О ц ѣ л о м ѣ почти не говоритъ. Много сердится за частности.

Шестовъ проходитъ мимо исторіи. Гершензонъ деспотически судитъ ее. Шестовъ — такой не-идиллическій въ философіи — здѣсь склоненъ къ идилліи. Онъ и раньше проходилъ мимо несчастій быта только потому, что кровь не брызгала ему въ глаза, какъ она брызнула сейчасъ. Шестовъ видѣлъ личное, но не видѣлъ массоваго. У Гершензона есть пониманіе массоваго но не въ настоящемъ, а въ прошломъ, когда оно обовѣется вокругъ отдѣльныхъ личностей и обогатитъ ихъ застывшими обломками исторической лавы. Но Гершензонъ твердо знаетъ, что судьба «жертвъ искупительныхъ просить», и, можетъ быть, потому такъ упорно молчитъ о ц ѣ л о м ѣ.

Гершензонъ въ современности — непокладливый ворчунъ, но не противникъ. Шестовъ — противникъ. Но не потому, что онъ взошелъ на библейскія высоты. Ч у в с т в о р о к а посѣтило только писателей, впавшихъ въ огневую купель октября. Послѣ нея возможно недѣланіе, экстатическія пѣсни Есенина и Бѣлаго, полныя горечи міровыхъ и личныхъ катастрофъ постиженія Блока, гимны народу Клюева, смиреніе, отшельничество, отказъ отъ литературы — возможно все, что угодно, но только не утвержденіе правды въ

полуидиллическихъ, полуприкровенныхъ грѣхахъ прошлаго и не раздражительное супротивничество.

— Я не выношу насилія, — говоритъ Шестовъ. Я вижу какъ онъ думаетъ, мучается и не спитъ по ночамъ. Но во мнѣ нѣтъ сочувствія, и я холодно спрашиваю:

— Какъ же выносили вы его раньше? Отчего вы не кричали такъ, какъ теперь кричите? Отчего вы молчали во время войны?

Онъ считаетъ, что и раньше не выносилъ насилія. Болѣлъ безправіемъ еврейства, и, страстно любя Россію, скитался по ней, какъ изгой. Война состарила его. Но для меня все это — не то; у него нѣтъ отвращенія къ предательской современной культурѣ въ ея цѣломъ, онъ не знаетъ того, что любяя преступленія лучше сохраненія ея подлога позолоченнаго быта.

Онъ говоритъ о правахъ, о с в о и х ъ правахъ. А по мнѣ сейчасъ о правахъ надо молчать, правъ нѣтъ, и все равно, какія у него могутъ быть и есть права. Я з н а ю , что такое революція. Раньше всего, забвеніе всякихъ правъ — п р а в о забвенія правъ. Ибо восходятъ новыя права — которыя не только закрѣпить, но и назвать не легко. И я считаю, что мы должны быть готовы ко всему. Если бы меня оскорбили и прогнали отъ того станка, за которымъ я стою — я долженъ спокойно переждать, встряхнуться и стать за другой станокъ, не ожидая ни похвалы ни отличія.

Іюль. Москва.

«Отчаяніе» Андрея Бѣлаго написано въ 1908 году; «Родина» въ 1917 году; «Христось Воскресе» въ 1918 году. Интонаціи различны, но тема одна: сожженіе коснаго, распыленіе коснаго.

Когда для Андрея Бѣлаго наступаетъ успокоеніе, онъ, вѣроятно, перестаетъ быть — согласно съ вихревой гипотезой о сущности матеріи. Двигается, слѣдовательно — существуетъ. И не просто движется. Взлетаетъ, разрывается, распыляется. Если измѣрять пространства по Мережковскому, онъ пылитъ и въ безднѣ нижней и въ безднѣ верхней.

Въ «Отчаяніи»:

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,
Исчезни въ пространство, исчезни
Россія, Россія моя.

Чъ «Родинѣ»:

Не плачьте: склоните колѣни
Туда, въ ураганы огней,

Въ грома серафическихъ пѣній,
Въ потоки космическихъ дней.

Что бы ни было дано Андрею Бѣлому, міръ, идея, Россія, самъ онъ, Андрей Бѣлый, — онъ не пріемлетъ статистики даннаго. То, что уже есть, не нужно, не вкусно, Андрей Бѣлый ходитъ въ кругу, какъ хлыстъ, и заставляетъ кружить все, что знаетъ, все, что любитъ — міръ, идеи, Россію. Пуще круженіе, растетъ инерція, огневое ядро явленія занимаетъ фософорически-бурно — и разлетается прахомъ, что бы гдѣ-то въ пространствахъ слиться со свѣтоносною сферою высшаго порядка.

Я знаю: огромная атмосфера
Сіяніемъ
Опускается
На каждого изъ насъ, —
Перегорающимъ страданіемъ
Вѣка
Омолнится голова
Каждого человѣка...

У Блока — «Двѣнадцать», «міровой пожаръ», «вѣтеръ на всемъ Божьемъ свѣтѣ» — частности складываются въ стремящееся въ вихряхъ цѣлое, которое можетъ быть преображено, но не распылено. Поэтому и мифъ о воскресеніи Блокъ беретъ не въ оторванности своей, какъ воскресеніе единственнаго, замкнутаго въ себѣ явленія богочеловѣка, а какъ одно изъ звеньевъ воскресенія космоса, какъ огромнаго напряженія зажигающей символическій актъ внутри этого космоса. Бѣлый быстро минуетъ «перегорающее страданіе вѣка» и фиксируетъ омолненную «голову к а ж д а г о ч е л о в ѣ к а». Пылинка отталкивается отъ пылинки, соборнымъ былъ только первый шагъ — преодоленіе даннаго. Дальше головокружительный индивидуализмъ, летящій, летящій отъ звѣзды къ звѣздѣ, отъ схемы къ схемѣ.

Когда я вижу Бѣлаго — я вѣрю только его волѣ къ сожженію и распыленію коснаго. Въ этомъ его очарованіе. Это — даетъ ему стиль. Оттого у него неловко разставленные локти, наклонъ тѣла впередъ, улетающіе отъ черепа волосы, фосфорическій блескъ въ глазахъ. Отсюда — вся манера читать, ладъ стихотвореній, оккультность романовъ. Но схемы Бѣлаго — безразличны. Онъ залетаетъ на звѣзду, какъ путникъ въ гостиницу, — на ночлегъ, пообѣдать, записать, что надумалось. Штейнеръ соблазнилъ его — эклектизмомъ. Вкуса у Андрея Бѣлаго, меньше чѣмъ таланта. Онъ слишкомъ легко нарекаетъ свои гостиницы — Іерусалимами и медлитъ съ ними разстаться. Летѣтъ — такъ летѣтъ, пятами вверху. Этого — А. Бѣлый стѣсняется, и портитъ собственный стиль.

На дняхъ, у Шестова, Бѣлый говорилъ о совѣтахъ, какъ о началѣ радостной соборности. Ивановъ-Разумникъ — о максимализмѣ, о самосожженіи революціи — Бѣлый поддерживалъ. Я — о строительствѣ, о долгѣ, — онъ былъ моимъ союзникомъ. Въ чужихъ и своихъ мысляхъ онъ видитъ не отображенія происходящаго въ маломъ и въ большомъ мірѣ, а пристани отъ которыхъ легче всего отплыть, трамплины для разбѣга и прыжка, поводы проявить еще разъ свою безудержную протейность. Я всегда вѣрю уходящему А. Бѣлому, но не вѣрю ни тому, который приходитъ къ данной формѣ, ни тому, который въ ней временно пребываетъ. О Блокѣ говорятъ, что онъ сгорѣлъ. Эрбергъ истончился до крайности. Ивановъ-Разумникъ на моихъ глазахъ уходитъ отъ позитивнаго народничества къ самосожиганію, къ революціонной «марійности», къ духовному максимализму. Клюевъ и Есенинъ втягиваются, какъ въ водоворотъ, на самое дно революціи, благодаря своему миѳотворчеству.

Три огненныхъ дуба на пупѣ земномъ,
Отъ нихъ мы три желудя — солнца возьмемъ:
Лазоревымъ — облачный хворостъ спалимъ,

Павлинымъ — грядущаго даль озаримъ,
А красное солнце — миллионами рукъ
Подыmemъ надъ міромъ печали и мукъ.
Пылающій китъ взбороздитъ океанъ,
Звонарь преисподній ударитъ въ Монбланъ,
То — колоколъ нашъ — непомѣрный языкъ,
Изъ рѣкъ бичеву свиль Архангеловъ ликъ.
На каменный зыкъ отзовутся міры,
И демоны выйдутъ изъ адской норы,
Въ потиръ отольются металловъ пласты,
Чтобъ солнца вкусили народы — Христы.
Мы — рать солнценосцевъ, на пупѣ земномъ
Воздвигнемъ стобашенный, пламенный домъ,
Китай и Европа, и Сѣверъ, и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ,
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать
Имъ Богъ — Воспреемникъ, Россія — же мать.

Клюевъ остановится раньше, Есенинъ дальше учителя уйдетъ въ хаосъ, нестроенія, преступленіе. Но основной тонъ заданъ для всѣхъ — кромѣ индивидуалистическаго А. Бѣлаго — и заданъ не по сознательному выбору, а по совпадению: принять роковое, какъ бы оно не жгло, какъ бы ни ломало — какъ радость. Ибо придумать можно и болѣе чистыя и болѣе стройныя радости чѣмъ тѣ, которыми мы нынѣ живемъ. Желать можно и другихъ высотъ. Надѣяться на совершенствованіе дѣйствительности никому не заказано. Но въ дѣйствительности дано намъ было только одно — то, что есть. Отъ него некуда уйти.

Четвертаго и пятаго іюля работа въ редакціи «Знамени Труда» шла, какъ всегда. Можетъ быть, меньше, чѣмъ обыч-

но, было на лицо членовъ редакціи. Это было понятно: начинался очередной Съѣздъ совѣтовъ.

Пятаго іюля, сговорившись съ выпускавшей номеръ С. П. Мстиславской о встрѣчѣ въ ночной редакціи, я шель домой по Денежному мимо дома Берга, гдѣ помѣщается германское посольство. У крыльца стоялъ необычный для этого дома простой открытый автомобиль, украшенный двумя зелеными вѣтками. Не отошелъ я и двухъ минутъ отъ дома Берга, какъ позади раздался глухой волнующій ударъ. Медленно пошелъ я обратно къ посольству — это мѣсто вообще было чѣмъ-то непріятно. И домъ, и рѣшетка, и стража.

Быстро проѣхалъ автомобиль съ вѣтками. Переулокъ былъ по прежнему пустыненъ. И вдругъ изъ воротъ выбѣжали двое — возбужденно говорящій въ пространство нѣмецъ и красногвардеецъ съ ружьемъ. Увидавъ меня, они двинулись ко мнѣ. Я быстро пошелъ имъ навстрѣчу, они же — прочь отъ меня.

— Убить Мирбахъ, — подумалъ я. Но къмъ. Еще часа полтора въ городѣ было спокойно. Я заѣхалъ въ редакцію — часъ былъ поздній, пустота. На обратномъ пути увидѣлъ уже на углу Арбата и Денежнаго посты. Промчался черный блестящій автомобиль по Денежному — за нимъ громыхали грузовики, переполненные солдатами. Прилежающіе къ Денежному переулки были забиты тупою, испуганною толпою. Говорили объ одномъ: убить Мирбахъ. Ни радости, ни комментариевъ. Я не ошибусь, если скажу, что городской толпѣ нѣмцы внушали страхъ, здѣсь никто не хотѣлъ новой войны съ ними.

Ночью не спалось. На зарѣ тихонько заговорили московскіе колокола — вполголоса, важно, медленно, протяжно гудѣла старая мѣдь; розовѣлъ востокъ; стрижи чертили круги надъ куполами бѣлой церкви на Левшинской въ раскрытое окно тянуло свѣжестью и запахомъ тополей; городъ

былъ безмолвенъ; черезъ три дома лежалъ убитый Мирбахъ; дремалъ красный флагъ надъ Кремлемъ — забуду видѣнное, забуду слышанное, забуду мысли свои, но этого ранняго совѣта столѣтнихъ колоколовъ московскихъ — не забуду. Днемъ я ушелъ въ Серебряный Боръ: тяжело томила неясность городскихъ событій. Прошла недѣля, двѣ. И до сихъ поръ я не знаю, что случилось въ тѣ дни въ городѣ. Былъ убитъ гр. Мирбахъ — это точно. Но остальное. Въ возстаніе я не вѣрю. Ибо Александровичъ, умирая сказалъ: «Да здравствуетъ власть совѣтовъ». Изъ устъ въ уста передавались его слова. Имъ радовались не только революціонеры, но и обыватели: люди любятъ, чтобы и въ смерти сохранялся стиль эпохи. Въ сохраненіи стиля хоть нѣчто разрывающее.

Въ позапрошломъ году на Кавказѣ я много писалъ. Приготовилъ переводъ Рабле. Закончилъ книжку о Львѣ Толстомъ и справочный указатель темъ у Толстого. Подготовилъ къ печати книгу очерковъ о Монтэнѣ, Ницше, Достоевскомъ и Шестовѣ — о разрушителяхъ по совѣсти и по вѣрѣ. Отъѣздъ на сѣверъ былъ внезапенъ, ѣхать пришлось налегкѣ, рукописи остались въ Криницѣ. Я просилъ прислать ихъ, или привезти.

Мѣсяцъ тому назадъ я узналъ, что рукописи привезетъ Л. Прошли недѣли — Л. не было. Сегодня извѣстіе — возвратился въ Криницу, въ Ростовѣ былъ обстрѣленъ его поѣздъ погибли вещи и мой чемоданъ съ бумагами. Почти шесть лѣтъ труда. Кромѣ законченнаго, іенскіе и берлинскіе наброски о Лютерѣ, отдѣльныя главы о Гейне, рукописный словарь къ Рабле, и груды замѣтокъ, которыми писатель дорожитъ иногда больше, чѣмъ законченными книгами.

Я прочелъ письмо и ждалъ — ничего не шевельнулось въ груди, сердце билось ровно. Наша жизнь такъ полна и тревожна, что въ ней нѣтъ мѣста сожалѣніямъ.

Августъ. — Москва.

Библіотекаръ изъ Нижняго. Восхищенъ обиліемъ революціонной литературы. Коллекціонеръ. По его мысли, революціи отражаются только на литературѣ. Основы жизни не мѣняются.

Маяковскій нашелъ слово. Только тотъ, кто «все го себя вытрясъ» —

Достоинъ

Новыхъ дней принять причастіе.

На рынкахъ. Крестьяне, матросы и потемнѣвшія отъ обиды лица баръ. Продають бѣлье, бронзу, шелка, часы. Униженіе — и голодь воочію. Вещи просачиваются въ деревню. Крестьяне начинаютъ за ними охотиться. Новая страсть. Культура?

Тошнить отъ воблы. Голодь. Вмѣсто масла — подсолнечное, какао, рыбій жиръ, пережаренная съ лукомъ капуста.

Профессоръ Г. прячетъ банку какао отъ брата больного язвою желудка. У Р. родители весело голодаютъ чтобы не смущать дѣтей. Полувзрослая дѣти участвуютъ въ трудѣ, но не участвуютъ въ голодѣ.

Вчера были гости. Ъда показалась вкусной, — особое оживленіе насытившихся, обогрѣвшихъ людей. А когда сообразили: — лошадиная нога на коноплянномъ маслѣ и пирожки изъ картофельной шелухи, сладковатой морковки и свеклы.

Въ «Метрополѣ». У Л. Я. Карпова. Въ государственномъ издательствѣ — съ В. Брюсовымъ, В. В. Вересаевымъ и И. Грабаремъ. Въ московскомъ отдѣлѣ народнаго просвѣщенія. Лихорадочная съ перебоями работа. Театръ, просвѣщеніе, агитаціонные пункты, новыя школы — шалый ростъ, сочетаніе широты и фанатизма. Тоже — въ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ. Усиливающееся вліяніе государства, которое позволяетъ строить планы, но затрудняетъ осуществленіе. Война, заговоры, голодъ, потеря Волги, неустойчивость на Западѣ, недостатокъ ресурсовъ, изоляція правящей группы — трудно придумать болѣе тяжелыя условія. Для временъ грядущихъ — сказка о роли личности въ исторіи, рассказанная устами историческихъ матеріалистовъ.

Противники говорятъ, что классовая борьба презрѣнна: братоубійство. Но — понявшіе это пусть первыми положатъ оружіе.

Паскаль, французъ, приватъ-доцентъ Ліонскаго университета. Познакомился съ нимъ у Аскольдовыхъ. Говорить по русски, превосходно знаетъ русскую литературу, наивно-печаленъ, какъ это бываетъ у хорошихъ французовъ.

Быль членомъ французской военной миссіи. Теперь — большевикъ, хотя и правовѣрный католикъ. У Паскаля страсть къ централизаціи, создаваемой на почвѣ духовныхъ отличій. Во главѣ — орденъ, каста, церковь. Паскаль находитъ эти черты въ новой россійской государственности. «Католическое начало» въ совѣтской власти.

Приѣхалъ съ Урала мальчикъ — ни за чѣмъ. Такихъ много слоняется теперь на Руси великой. Съ юга на сѣверъ везеть, минуя всѣ заставы, листовой табакъ. Съ сѣвера на югъ — кожу для подметокъ и сахаръ.

Разсказываетъ о звѣрствахъ бѣлыхъ. Голубоглазый, не разучился улыбаться.

— Все хорошо, только бы не война, — «все хорошо» сказано по старчески. — И чего имъ? Поставить за плугъ — поймутъ. Отецъ мой, дьячекъ, ушелъ съ бѣлыми, меня оставилъ домъ стеречь. Поголодалъ я, пошелъ къ сосѣдямъ на работу. Потомъ думаю: зачѣмъ мнѣ домъ, безъ отца-то? Быль въ Казани. Внизъ по Волгѣ на пароходѣ бѣгаль — едва ледъ прошелъ, большая Волга, эхъ, большая. До Нижняго дошелъ пѣшкомъ. Обносился. Спасибо, дали въ Нижнемъ пару сапогъ, штаны и портянки. Послужу въ Москвѣ, море теплое еще посмотрѣть хочу, а то — назадъ. Лучше Пермской губерніи нѣту...

Докторъ Н. беззапѣнчиво говорилъ:

— Мобилизуютъ, уйду на передовыя позиціи и передамъся — не хочу быть въ красныхъ.

Быль убитъ на фронтѣ бѣлыми. Говорятъ, жестоко отъ нихъ отбивался. Что произошло съ нимъ? Или, просто, не повѣрили?

Учителя медленно становятся на работу. На дняхъ сидѣлъ въ кабинетѣ завѣдующаго отдѣломъ единой школы В. М. Познера. Приходитъ учительница — тяжелая, съ черными бровями — гусеницами, вальяжная, съ лѣнивыми, умными, черными глазами и лѣнивымъ баскомъ. Въ глазахъ усмѣшка — надъ собственнымъ положеніемъ.

— Что вамъ?

— Мнѣ бы мѣсто.

— Служили?

— Въ Н-ской гимназіи.

-- А теперь?

— Пауза.

— Теперь — съ растяжкой — саботажница.

— Что же, передумали?

— Да-а, передумала. И ѣсть нечего.

Адвокатъ В. Могъ бы стать народнымъ судьей. На чемъ свѣтъ стоитъ бранить народные суды — а самъ спекулируетъ харьковскими леденцами, халвою и сахаромъ.

Благородную формулу служенія, занесенную Э. Реклю въ дневникъ въ дни парижской Коммуны, никто нынѣ въ Россіи не повторилъ и не создалъ за-ново.

Реклю не былъ ни среди дѣйствующихъ, ни среди ихъ довѣренныхъ. Онъ называлъ себя «термометромъ, повѣшеннымъ въ углу». Этотъ термометръ 4-го мая отмѣчаетъ: «Я далекъ отъ восхищенія Коммуной. Я часто даже браню ее, хотя не подозреваю, должно быть, о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми ей приходится бороться. Иногда я упрекаю ее за то, что она заходитъ слишкомъ далеко, иногда за то, что она бездѣтельна... но я чувствую, что если погибнетъ Коммуна, то и мы погибнемъ съ нею. Я лишь наполовину удовлетворенъ нашими вождями и направленіемъ кампаніи, но — побѣда ли, или поражение суждены нашей арміи — я хочу быть въ ея рядахъ. И такъ какъ я не военный, и въ этомъ отношеніи бесполезенъ — я отдамъ

то, что у меня есть, всю энергію, всѣ заботы, всю отвѣтственность»...

Начинаю работу въ отдѣлѣ реформы школы въ Комиссаріатѣ Просвѣщенія. Огромный залъ въ зданіи Лицея. У оконъ столики. Столъ реформы словесности, эстетическаго воспитанія, естественныхъ наукъ, гигиѣны, первоначальнаго обученія. Въ углу сдвинуто нѣсколько столовъ — тихо жужжатъ старые и молодые отвлеченнаго вида люди—комиссія физиковъ вырабатываетъ новые методы преподаванія. Азбучная комиссія дѣлится на двое: враги и защитники азбуки. Спорятъ гнѣвливо — видно давно. Отъ стола къ столу переходитъ формула — т р у д о в ы е п р о ц е с с ы — нарастаетъ на школѣ огромный горбъ этихъ процессовъ, къ горбу пригоняются хилыя ноги, руки и голова. Здоровая практика умѣреннаго Запада тонетъ въ сектантскихъ преувеличеніяхъ.

Суеты мало. Но нѣтъ и единства. Время отъ времени Лепешинскій, завѣдующій отдѣломъ, сзываетъ къ себѣ весь синклитъ реформаторовъ. Сходятся, садятся кругомъ. Неторопливая бесѣда. Это — лучшіе часы работы. Бываютъ вздорныя рѣчи — но бываетъ и вдохновеніе. Въ бесѣдѣ преувеличенія совсѣмъ не то, что за выработкою программъ: благодаря преувеличеніямъ, рѣзко высѣкаются очертанія, творится сказка о школѣ. Эта сказка можетъ стать закономъ. Въ этомъ — прелесть нашей работы, въ этомъ же и опасность. Вѣдь осуществленіе человѣческихъ замысловъ подчинено особымъ законамъ, которыми владѣютъ лишь немногіе избранные.

Дѣти въ революціи. Имъ легче жестокость и легче лишенія. Элементъ игры въ революціи — когда она пытается творить.

Помните исходъ французовъ изъ Москвы въ «Войнѣ и мирѣ» Л. Толстого. Среди плѣнныхъ — Пьеръ Безуховъ. Итти далеко, опасностей много — а надо дѣлать свое жизненное дѣло. И онъ не глядитъ по сторонамъ. Не видить московскаго пожарища. Онъ замкнулся въ себѣ, какъ замкнулась бы, если бы была живая стрѣла въ моментъ спуска тетивы.

Тетива спущена — нельзя оглядываться.

Въ твоей жизни, Христось, есть минуты, которыя меня глубоко смущаютъ.

Я люблю Тебя, когда Ты говоришь: такъ надлежитъ намъ исполнить всякую правду. Какъ нѣжнѣйшая въ мірѣ музыка, какъ Твоя улыбка — заповѣди блаженства, заповѣданныя нищимъ духомъ и никѣмъ не разгаданныя донинѣ. Ты свободно радовался на пиру у мытарей. Исцѣленіями и преломленіемъ хлѣбовъ научилъ насъ Ты, что на землѣ не должно быть калѣкъ, голодныхъ, умирающихъ, нищихъ. На крестѣ — Господи, зачѣмъ Ты меня покинулъ! — Ты упалъ въ средоточіе земныхъ печалей, какъ проснувшаяся въ ночи птица падаетъ въ пастушій костеръ и сгораетъ. Но какъ могъ Ты сказать: да минуетъ Меня чаша сія? Вѣдь этимъ словомъ Ты погубилъ свое дѣло! Молитва человѣческая исполнилась корысти, церковь стала обманщицей, объясняющей щету молитвъ, обещающей, примиряющей, туманящей сознаніе.

Или будутъ еще разъ ясли, и звѣзда на небѣ, и волхвы, и еще разъ выйдетъ въ міръ мудрый отрокъ? И уже отрокъ, а не мужъ, легко взойдетъ на скорбный камень въ саду Гефсиманскомъ и скажетъ:

— Чаша Моя, — чаша моя, сладко мнѣ терпкое вино твоей скорби.

Человѣкъ бѣденъ, молитва его корыстна. Возьми то, дай это. Человѣкъ забылъ о томъ, что значитъ п о л н о т а м и -

н у т ы и протягиваетъ, вмѣсто созерцанія этой полноты, нищенскія свои ладони за подаяніемъ. Религія будущаго встанетъ послѣ многихъ лѣтъ скорби — когда люди разучатся просить, и узнаютъ, что нѣтъ ничего выше полноты созерцанія каждаго преходящаго мгновенія.

Въ посмертныхъ бумагахъ Ницше (1880—1881 г.) есть десять заповѣдей одной изъ многочисленныхъ его «Religions Nouvelles». Эти заповѣди внушены отвращеніемъ къ корысти христіанства. Геніальное чутье Ницше къ п р о б у ж д а ю щ е м у с я ч е л о в ѣ к у сдѣлало ихъ примѣнимыми къ современности.

Основныхъ заповѣдей — три. Остальныя не такъ больно, какъ первыя, ранятъ совѣсть. Между тѣмъ, современный чело в ѣ к ѣ на изломѣ культуры обязанъ итти туда, гдѣ больно, дѣлать то, что больно, и обязанъ беречь свои раны такъ, что бы не осталось живого мѣста.

Ницше совѣтуетъ беречь религію лишь для исключительныхъ моментовъ.

Загляните въ московскія церкви. Онѣ пусты. Или вдругъ наполняются истомленною, нервною толпою, и снова пусты. Да и какъ быть иначе? Мольбы о хлѣбѣ, о покоѣ, о возвращеніи земной силы и почета остаются безъ послѣдствій. Только мольбы этого рода — утѣшительны, согрѣвательны и не требуютъ напряженія. Молиться о дарованіи смысла, значить думать. И какъ думать! Этого никто не хочетъ. Лучше подъ бичемъ плестись въ упряжкѣ презрѣнною клячею, чѣмъ думать. И пока такъ безнадежны покой, хлѣбъ, почетъ и сила — не стоитъ и молиться. Въ церковь приводятъ только большія несчастья когда уже нельзя не думать. Но эти думающіе люди уже не вѣрующіе.

Ни Бога, ни потусторонняго міра, ни награды, ни кары — говоритъ Ницше. Что же остается? П о и с к ѣ и х о л о д ѣ. Одни гибнутъ отъ холода, другіе крѣпнутъ. Всенародное воздержаніе отъ корыстныхъ молитвъ и утѣшительныхъ словъ.

Видѣніе голаго факта; готовность обречь свой умъ на созерцаніе голаго факта; готовность поклониться этому голому факту, какъ божеству. И втайнѣ — напряженно-безмолвное собраніе совѣмъ иныхъ силъ, совѣмъ иного замысла.

Въ оптимистической душѣ человѣка много женственного, суевѣрнаго, промирительнаго. Современность либо вытравляетъ эти черты, либо усиливаетъ ихъ до степени маніи. Сжигается все, что поддается сожженію. Можетъ быть, это убиваетъ душу? Никогда. Ибо житейскій пессимизмъ, безвыходность, черный трудъ, близость гибели — какъ могучій котель, въ которомъ заперты человѣческая мысль и совѣсть. Въ мирной жизни мысль и совѣсть рѣдко испытываютъ давленіе. Накоплялись пары, открывался тотъ или другой клапанъ, — пары вырывались наружу, то въ видѣ слова, то въ видѣ дѣла, то въ видѣ художественнаго творчества. А теперь? Клапанъ захлопнулся. Нѣтъ выхода парамъ. Слово, дѣло, молитва, творчество размалываются и перестаютъ существовать тамъ внутри. Тамъ существуетъ только одно — постиженіе. И только. Ступай-же, постигай, нагой человѣкъ, въ раскаленномъ котлѣ, подъ давленіемъ десяти — ста — тысячи атмосферъ. Не догадался ли ты о томъ, что впервые въ твоей жизни настала жестокая минута — вмѣстѣ со всѣмъ народомъ учиться быть человѣкомъ?

Раненъ Ленинъ. Говорятъ смертельно.

Встрѣтился на улицѣ съ М. О. Гершензономъ. О покушеніи.

— Въ городѣ, у всѣхъ, даже у враговъ, сознаніе — что поднята рука на вождя.

И, прощаясь, повторилъ:

— Другіе — не то. Но съ нимъ всегда связано — вождь.

Сентябрь. Москва.

Подробности о пыткахъ и о смерти Бориса Донского, убившаго 30-го іюля Эйхгорна. Жуть, смятеніе, слабость передъ явленіями этого рода. Слѣпитъ, какъ огромный, быстро вертящійся блестящій кругъ въ тѣхъ металлическихъ, машинныхъ кошмарахъ, которые посѣщаютъ сонъ современнаго человѣка.

Ядро и масса любой партіи такъ же далеки отъ своего героя, какъ и мы, обособленные, не бросающіе вызова судьбѣ въ дѣлахъ и любящіе длить свое бытіе. У героя партіи — не особая мораль, не расчетъ — но вѣроятно, каждый разъ особая, своеобразная, обреченность. Товарищи по партіи удивляются своему герою — точно онъ созданъ изъ другого, чѣмъ они, матеріала. Это удивленіе было особенно сильно послѣ Каляева.

Есть въ террористическомъ актѣ анархическое начало: личность противопоставляетъ свои силы силамъ государства и побѣждаетъ. Есть желаніе унижить. Чѣмъ пышнѣе обставляетъ себя носитель власти и чѣмъ больше бережется, тѣмъ соблазнительнѣе уничтожить его. Пролетарское государство однимъ упрощеніемъ быта сведетъ терроръ къ преступленію... Есть воля къ испытанію себя, къ саморазъятію:

какой я, глиняный или золотой — и, вотъ, весь хочу про-
калиться на огнѣ, гибельномъ до послѣдняго волоска. Есть
великая нѣжность къ братьямъ и жертвоприношеніе за нихъ
— оно отзвучало когда-то въ прелестныхъ предсмертныхъ
письмахъ, казенной царскимъ правительствомъ Рагозин-
никовой. И есть темная воля къ самоуничтоженію — ин-
стинктъ гибели — пушкинское упоеніе гибелью — въ кото-
ромъ самоутвержденія больше, чѣмъ въ жестокости Карама-
зовыхъ или чѣмъ въ остроумной страстности Донъ-Жуана.
Но все это — не то. Та огненная точка — въ мозгу ли, въ
сердцѣ ли, въ совѣсти ли — отъ которой то начинается
— неуловима. И тотъ, кто до конца не погибъ, не увидѣлъ
и конечнаго значенія этой точки. А кто погибъ — не раз-
скажетъ.

У меня страхъ передъ терроромъ — какъ страхъ передъ
жестокостью вообще. Здѣсь все — концы и концы.
Середины нѣтъ. Нѣтъ даже началъ. И когда все кон-
чено — эта безпощадная ясность и простота матеріальнаго
явленія: бездыханность, трупъ, молчаніе. Все кончено,
все кончено — мефистофелевской усмѣшки:

Vorbei! Ein dummes Wort.

Vorbei und reines Nichts — vollkommnes Einerlei!

Da ist's vorbei. Was ist daran zu lesen?

Es ist so gut, als wär' es nicht gewesen,

Und treibt sich doch im Kreis, als wenn es wäre.

Ich liebte mir dafür das Ewig-Leere.

Письмо изъ деревни — докторъ А. на сыпномъ и воз-
вратномъ тифѣ. Къ нему ни газеты, ни письма не доходятъ.
Кругомъ — грязь, вши, умирающіе. «Вообще живемъ по
прежнему. Ѣдимъ сносно, но духовной пищи — никакой.
Читалъ ли ты когда-нибудь «Островъ доктора Маррея» —
кажется Уэльса. Этотъ докторъ — хирургъ производитъ
операции надъ дикими животными и обращалъ ихъ въ людей.
Они населяли островъ, жили со смутнымъ воспоминаніемъ

ужаса, который пришлось перенести въ операціонной, и изо всѣхъ силъ старались не нарушать законовъ, которые даровалъ имъ О н ъ , живущій въ домѣ и господствующій въ операціонной. Но вечеромъ они твердили эти законы, и каждое четверостишіе заканчивалось словами: развѣ мы не люди? «Нельзя ѣсть сырого мяса, нельзя ходить на четверенькахъ, нельзя кусаться и лягаться, — развѣ мы не люди?» Такъ твердили они, сидя вокругъ костра и раскачиваясь изъ стороны въ сторону. Такъ твердимъ теперь мы и разница только въ томъ, что мы сидимъ не передъ костромъ, а передъ коптилкою. И все-таки я не хотѣлъ бы быть теперь нигдѣ, кромѣ Россіи».

Рабочій — объ интеллигенціи.

— Крику-то сколько, крику! Небось, отъ народа столько крику не было. А народъ тоже страдалъ...

Дальше — непечатное.

Литература русская создала извѣстный шармъ около словъ ск и т а л е ц ъ , с к и т а н і я . Особливо, если прибавить: духовныя. Не то — безъ шарма — питерское названіе для бродягъ: Спиридоны — солнцевороты. Скитаются — но поэзіи въ нихъ мало.

... Былъ кнутъ — молчали. Пришелъ 1905 годъ попросили: довольно. Началась война: пріяли. Стали патріотами. И въ то же время — пацифистами: говорили о послѣдней войнѣ. И социалистами. И обновителями міра. Мартъ: обрадовались и пріяли. Надо было кончить войну: звали воевать. Война кончилась: проклинали. Самоопредѣленіе народовъ: пріяли. Народы стали самоопредѣляться: проклинали. Народную волю: пріяли. Пришелъ октябрь:

прокляли и заговорили о великой Россіи. И ушли къ тѣмъ, кто торговаль ею по частямъ и полностью.

Что это: духовныя скитанія или Спиридоны?

Западъ строилъ, строилъ и достроился: душно стало отъ равномѣрнаго труда и стѣнъ. Достоевскій заговорилъ — о кладбищѣ. Умерли эти именно зданія и эти именно созидающія руки, но не стихія созиданія.

Люди, даже обладающіе вкусомъ, легко говорятъ о разрушеніи культуры, но гибель отдѣльныхъ вещей для нихъ — трагедія. Вещи, подобно живымъ существамъ, имѣютъ лицо, и оно не повторяемо. Въ разлукѣ съ неповторяемымъ не утѣшается память о томъ, что міръ перемѣнилъ много личинъ за одно лишь время существованія писанной исторіи.

Вокругъ сыпной тифъ. Страха нѣтъ.

Тяга на востокъ. Персія, Индія, Китай. Я былъ — полъ года тому назадъ — знакомъ съ человѣкомъ, начавшимъ работу пропаганды на Востокѣ. Это — скромный журналистъ, влюбленный въ Индію, почти маніакъ. Онъ издалъ небольшую книжку объ Индіи. На голубой ея обложкѣ были нарисованы въ рядъ наивные бѣлые слоны. Онъ собирался въ Персію, и съ радостью говорилъ о томъ, что не рассчитываетъ возвратиться живымъ.

Я не увѣренъ въ томъ, что онъ знакомъ съ географіей и исторіей странъ Востока. Онъ не заботился ни о внѣшности своей, ни объ языкѣ, ни о связяхъ. Онъ не ладилъ съ руководителями соотвѣтствующаго вѣдомства — его изгоняли,

но черезъ недѣлю онъ возвращался къ своему столу и долбилъ, и долбилъ. Со стороны образъ этотъ могъ казаться смѣшнымъ. Р. и М. избѣгали даже встрѣчаться съ піонеромъ соціальной и религіозной революціи на Востокѣ, до такой степени надоѣлъ онъ имъ своей Индіей. Когда революція разразится, и вновь чудеснымъ садомъ зацвѣтутъ древнія культуры — его не будетъ уже въ живыхъ, имя же его сохранится лишь въ канцелярскихъ архивахъ да на обложкѣ голубой ослоненной книги. И не ему будетъ поставленъ памятникъ въ столицѣ Восточно-Азіатскихъ Штатовъ.

Работа моя разрастается. Вмѣстѣ со мною служатъ — издатель С., знатокъ и любитель фарфора М. В., педагогичка А., педагогъ Г., поэтъ М., режиссеръ Д. Однако, радостей отъ ихъ службы не много.

С. и В. сидятъ въ издательской секціи. Оба интеллигентны и знаютъ работу. Иногда я получаю на наблюденіе за ними. Оба — не торопятся. Если бы такъ, какъ у насъ, велась работа въ ихъ частныхъ предпріятіяхъ, они бы согнали виновныхъ съ мѣстъ. Я ихъ согнать не могу, ибо лучшихъ нѣтъ. Миротлюбивые враги, пытающіеся приспособиться.

А. властолюбива, и потому дѣлаетъ только то, за что можно взыскать съ другихъ. Задавъ работу сотрудникамъ, усаживается за столъ и мечтаетъ.

— О чемъ? — спросилъ я ее однажды.

— О томъ времени, когда васъ всѣхъ не будетъ на свѣтѣ, — очень спокойно отвѣтила она.

Г. не столько педагогъ, сколько чиновникъ. Его влекутъ двѣ цѣли: исполнить волю начальства и прибрать секцію къ рукамъ. Онъ покорливо въ теченіе мѣсяцевъ приспособляется, чтобы затѣмъ перейти въ наступленіе. Г. — превосходный исполнитель, но интересъ къ существу работы онъ похоронилъ подъ осколками стараго строя.

М. — талантливый поэтъ и — предатель по натурѣ. Въ работѣ онъ не участвуетъ, только въ засѣданіяхъ. Онъ сладокъ, когда ему худо, небреженъ, когда добьется желаннаго, и холодно-тихъ, полумертво-тихъ, когда въ маленькой некрасивой головѣ его слагаются новыя стихотворенія. Если бы онъ сдѣлалъ еще больше гаденькихъ дѣлъ, чѣмъ дѣлаеть здѣсь — все равно на него нельзя сердиться. Не оттого, что онъ — большой поэтъ. Онъ — тонкій, неувѣренный и не большой. Но — поэтъ. И я думаю, наединѣ съ собою онъ либо спитъ животнымъ сномъ и видитъ во снѣ женщинъ, либо томится презрѣніемъ къ себѣ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ возможность осужденія отпадаетъ.

Такими-то руками строится новое государство російское. И все же строится — иногда подъ бичемъ, иногда въ охотку — хотя, принося кирпичъ, эти интеллигентные лемуры тутъ же подъ шумокъ пытаются вырыть ему могилку —

Wer hat das Haus so schlecht gebaut
Mit Schaufeln und mit Spaten?..
Wer hat den Saal so schlecht versorgt?
Wo blieben Tisch und Stühle?...

Дѣти торгуютъ на улицахъ сахаромъ и папиросами, ростъ преступности, но и ростъ самостоятельности. Ухватки матераго удачливаго купца, цинизмъ, великолѣпное знаніе темныхъ сторонъ жизни. Страсти, — картежная игра и очень рано женщины.

Четырнадцатилѣтній купецъ острить:

— Бабы нынче подешевѣли.

— Хвастаетъ — дразнить сосѣдъ, не больше его годами
— ловокъ, и на бабахъ зарабатываетъ.

Говорятъ, подростки развратничаютъ.

Старикъ курьеръ рассказываетъ о племянникахъ.

— Малыши, и въ штанахъ-то еще ничего нѣтъ, — туда же, дѣвченокъ портятъ.

На Срѣтенкѣ былъ трактиръ — джюіе крючники, ломовые и извозчики да порченные приказчики наслаждались здѣсь любовью одиннадцати и двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ. Такой же трактиръ — одинъ изъ многихъ — былъ въ Петербургѣ на Клинскомъ проспектѣ. Дѣвочекъ брали люди, пришедшіе отъ земли, по весьма земнымъ расчетамъ: дешевле, занятнѣе. Нѣкоторые же, наскучивъ бабами своими, находили въ незрѣлыхъ прелесть. Теперь эти трактиры — или панель около нихъ — опустѣли. Дѣвчонки перекочевали къ подросткамъ-торговцамъ почти одного съ ними возраста. Они богаче деньгами, тароватѣе, веселѣе, психологически, да и фізіологически ближе.

Подростки изъ интеллигентскихъ семей частью придавлены нищетой и недоѣданіемъ и развиваются медленнѣе нормального, частью же вовлечены въ ускоренный темпъ жизни, внезапно и жутко созрѣваютъ, теряютъ устойчивость и начинаютъ жить, волнуя сверстниковъ и сверстницъ похотью, безпочвенностью и цинизмомъ.

Но какъ всегда въ жизни, за тяжелымъ и удушливымъ туманомъ нестроенія тянетъ свѣжимъ вѣтромъ странъ дальнихъ и чудесныхъ. Гибнуть дѣти. На убійство похоже ихъ расстлѣніе. Многіе останутся порченными. Падаетъ — семья — которая давно перестала быть патріархальной и даже не прикрываетъ уже рубищемъ свои пороки. Но многіе, очень многіе — закалятся. Передвигается до вѣрїе — отъ бытового, плотскаго, упорядоченнаго — къ силѣ и выносливому упорству духа. И эти многіе внесутъ въ общественность неподдающійся учету сдвигъ. То, что въ прежнемъ быту казалось само по себѣ страшнымъ, независимомъ отъ того, что оно принесло человѣку — стыдъ, или боль, или радость, или расцвѣтъ, или такъ называемое паденіе, теряетъ свое значеніе и надъ нимъ встаетъ, покрывая его, воля, молодость, веселье внутренней нетронутости. И еще: любовь — остается любовью, глубина пола — глубиною. Только для лучшихъ, можетъ быть, и только

при удачѣ — сохраняется этотъ законъ, но среди тяготы осложненной жизни, среди смертей, эпидемій, переселеній, войнъ, нищеты — эта ранняя любовь другъ къ другу, или только торопливыя сближенія, вырастаютъ губительные, тонкіе, яркіе, странные цвѣты любви и опустошенности, какіе не снились ни одному изъ художниковъ, кромѣ развѣ Байрона, Лермонтова и Розанова. Достоевскій приближался къ этой темѣ. Онъ указалъ на связь ея съ трудностями внѣшней жизни — съ нищетою и униженіемъ. Но въ немъ болѣзненнаго въ корнѣ, больше чѣмъ болѣзненнаго по послѣдствіямъ.

На улицѣ, на лекціяхъ, въ театрѣ, во время посѣщенія школъ можно подмѣтить взгляды, незнакомые намъ, людямъ мирнаго времени. Въ нихъ мало радостнаго. Много пытливаго. И вѣщая какая-то, пустая, прозрачноглазая обреченность. Острота и ненависть преждевременнаго чувства — упадокъ его, безочарованіе, и отвращеніе къ полу вообще. Тихая сестринская, братская другъ къ другу нѣжность и тоска: отторгло; странно, что было что-то и будетъ, но какіе потерянные всѣ на землѣ! Крѣпко-на-крѣпко сцѣпленные руки двухъ преждевременно нашедшихъ себя, чующихъ огромность своей встрѣчи и неумѣющихъ закрѣпить ее — и рана въ сердцѣ навсегда, если одинъ изъ двухъ отойдетъ. Изошренная, безпощадная наблюдательность юности, аналитическій ея даръ, самоѣдство — и потому вѣчная неудовлетворенность, мучительство, скитанья отъ души къ душѣ, отъ любовницы къ любовницѣ, при юношеской прямолинейности, при склонности къ отчаянію — черты сложнѣйшаго изъ Донъ-Жуановъ, Донъ-Жуана ранней юности, и тутъ же черты оголтѣлаго, охлажденного, разрушающаго другихъ савраса — въ сложныхъ пропорціяхъ, иногда же въ чистѣйшихъ кристаллизаціяхъ. Даръ игры — ибо дѣти еще. Даръ смѣха. Даръ слезъ. И надъ всѣмъ мучительный призракъ общаго культурнаго перелома. Оттого — одиночество, брошенность. Иная, не вчерашняя, не отцовъ нашихъ забота.

И мы иные. И любовь иная. И никто не может помочь; свой путь, свой рокъ. Милая, чистая, хрупкая, сильная, окрыленная юность.

Г., умная дѣвушка, много порабатавшая съ порочными дѣтьми въ судахъ для малолѣтнихъ, говоритъ:

— Есть факты. Массовый человѣкъ убитъ. Это было. И не смѣть. И не только въ социалистическомъ раю, въ старой нашей жизни, научившемуся убивать человѣку — не жить. Жить будутъ слѣдующіе. Такой же фактъ — растлѣніе дѣтства. И дѣтямъ этимъ не жить...

Г. говоритъ:

— Какіе пустые глаза у этихъ дѣтей — никогда раньше такихъ не бывало. Если бы у нихъ не пустѣли такъ глаза, можетъ быть, они и перешли бы черезъ все это ...

— Передъ вами — ребенокъ. Но развѣ это — ребенокъ! Что я передъ нимъ — я никогда не буду знать такъ много, какъ онъ знаетъ ...

— Объ этомъ нельзя говорить. Объ этомъ нельзя писать. Подумайте, если бы это были ваши родные братья и сестры — пытались ли бы вы объяснить, что можетъ изъ нихъ выйти?

— Мальчики — тѣ еще вынесутъ, быть можетъ. Но — дѣвочки. Онѣ всѣ становятся проститутками. Обыкновенными маленькими проститутками. И воровуютъ. Какъ расточительна революція.

— Дѣйствительность у нихъ совсѣмъ другая, чѣмъ у насъ. Страшно замкнутая. Должно быть, — какъ у шайки воровъ: украсть, скрыться, напиться, продать ... Ихъ дѣйствительность хуже настоящей. Это — искусственная темнота ...

—Для тѣхъ подростковъ, которыхъ я видѣла, уже стерлись грани между дномъ и интеллигентскимъ кругомъ. Сестринство . . . Братство . . . И этого нѣтъ. Для нихъ не стало ничего того, что мы такъ цѣнимъ: нѣтъ ни матери, ни сестры. Одна борьба за жизнь — волчья — и полюбовницы. На это нельзя смотрѣть. Отъ этого надо бѣжать.

Многіе жалуются на утомленіе.

Л. Я. К. пьетъ отъ утомленія. Б. запирается дома и спитъ безпробудно днями. Объ Н. говорятъ, что онъ умеръ отъ утомленія. Въ Петербургѣ, будто бы, часты случаи — ляжетъ старикъ или старуха въ постель, полежитъ два-три дня и безболѣзненно умираетъ.

Я по себѣ знаю объ этомъ утомленіи. Все никнетъ, нѣтъ мыслей, нѣтъ воли. Лишь тихая тлѣетъ нѣжность къ людямъ и хочется жаться къ нимъ. Или — раздражительность, отъ которой нѣтъ спасенія, кромѣ одиночества.

Когда приходятъ такія минуты — иногда дни — я думаю:

— Революція слишкомъ расточительна? Все назадъ? И снова прежнее — арміи, министерства, заводы, хозяева, кабала? Намъ, интеллигентамъ, можетъ быть, и есть куда уйти, но рабочимъ — некуда. Не расточительнѣе ли отступить, когда извѣстно, что черезъ десять-двадцать лѣтъ придется тою же стезею карабкаться на ту же гору, и, быть можетъ, съ большими, чѣмъ сегодня, потерями? То — худо. Это — преступно. Тутъ — ошибки. Но дѣло н а ч а т о. И пусть насъ не станеть. Еще утомительнѣе, чѣмъ нести нашъ крестъ, подумать о томъ, что напрасны усилія и напрасны жертвы. Нельзя терять присутствіе духа, надо держаться . . .

Инстинктивное недовѣріе рабочаго къ интеллигенту: интеллигенту есть куда уйти. Свободныя профессіи, руково-

дительство техникой, умѣренно-соціалистическія или радикальныя группы. Нельзя отъ рабочаго требовать вкуса къ эволюціи. Рабочій не скажетъ, что революція расточительна. И не будетъ подсчитывать потерь. Онъ глядитъ впередъ.

Октябрь — Ноябрь. Москва.

Записей почти нѣтъ. Силы уходятъ на работу. Литературѣ не остается мѣста въ жизни — она существуетъ лишь постолько, поскольку длятъ свое существованіе писатели.

Въ отдѣлѣ реформы школы — издательство и литературная секція. При гигантской централизаціи трудно перейти отъ замысловъ къ исполненію. Это — главная наша бѣда. Сколько начато — и не плохо начато. И — повисло въ воздухѣ. Часъ выковыванія государства.

Въ государственномъ издательствѣ — засѣданія, редактированье выпусковъ писателей-народниковъ, соціальныхъ романовъ и драмъ. В. Я. Брюсовъ пересматриваетъ Пушкина. Печатають двѣсти тысячъ экземпляровъ. Популярныя книжки, сборники — по сто тысячъ. Это — капля въ морѣ.

У государственнаго издательства мало силъ. Писатели, кромѣ В. Вересаева, В. Брюсова и меня, не идутъ. Да и вправду, трудно здѣсь. Писатель свободолубивъ. Воли же здѣсь нѣтъ. Тѣсно. Иду домой съ засѣданій и думаю: хоть бы стало силъ вынести, нельзя уходить. А надо бы.

Не правильно отношеніе государственнаго издательства къ частнымъ издателямъ. И можно издавать, и нельзя. Никто не смотритъ въ корень: все равно какъ — нужны

книги, море книгъ. Революція — это дѣло и книга. Преслѣдованія «Колоса». Мои прошлыя бесѣды съ Витязевымъ и съ Постниковымъ. Теперь — съ Лебедевымъ - Полянскимъ. Лавровъ, Герценъ, Михайловскій — не направленіе, они — жизнь наша, они — наша революція. Революція же не с ж и м а е м а: нельзя забывать, что Герценъ въ ней — въ такой же мѣрѣ, въ какой и резолюціи вчерашняго съѣзда совѣтовъ.

Бесѣда съ Г. Г. Шпетомъ. У него планъ исторіи русской философской мысли, въ монографіяхъ. Гуссерліанецъ Шпетъ, написавшій статью противъ мудрости, тонетъ въ романтизмъ русской философіи. Я вижу, какъ легко идетъ на этотъ планъ «Колосъ», и какъ невысказано преодоленіе косности государственнаго издательства.

Бесѣда съ И. Д. Сытинымъ объ изданіи учебниковъ. Старый умный барсукъ говоритъ:

— Я первый к о м м у н а р ь — если народъ учить надо.

Устраиваю собраніе издателей въ отдѣлѣ реформы. У насъ нѣтъ на это права, все дѣло можетъ закончиться постыдно для насъ — но надо пробовать. Мнѣ грезится мощный синдикатъ издателей съ участіемъ государства — взамѣнъ неповоротливаго казеннаго аппарата. Пришли Сытинъ, кто-то отъ Думновыхъ, Дживилеговъ, Сабашниковъ, Эфронъ, Кнебель. Молчать — и жмутся. Высчитываютъ прибыли. Требуютъ гарантій. И никто не понимаетъ того, что, начать работу во что бы то ни стало — лучшая гарантія. Время уходитъ, потеряны осенній сезонъ, бумага на рынкѣ таетъ, типографіи изнашиваются. Только Сытинъ, къ досадѣ сосѣдей, лукаво поетъ, глядя изподлобья на секретаря, протоколирующаго рѣчи:

— Мнѣ прибылей не надо. Мнѣ бы только работать...

Торгуются издатели — будетъ торговаться и государство. И, конечно, запретить. Будутъ пробы, проекты, неудачи и чуждающіеся государства писатели. Сто книгъ, свободно и быстро изданныхъ государственнымъ издательствомъ или

синдикатомъ, примирили бы писателей со многимъ. Но — руки связаны.

Существованіе стало легче, чѣмъ осенью. Установилось равновѣсіе — хватаетъ хлѣба, есть картофель, зелень, немного конины, рыбій жиръ. Домъ протапливается, запаса дровъ хватитъ до января.

Требованія наши къ быту все скромнѣе. Нѣтъ зелени — есть чечевица. Тошнитъ отъ рыбьяго жира — побольше луку. А подсолнечное масло, даже вкусно пахнетъ. Не надо усилій надъ собою — намъ легче голодать и холодать: н а ш е д ѣ л о нынче — печаль, будетъ и радость. Но какою безмыслицею представляются эти ограниченія — врагамъ и равнодушнымъ. Праздность, или служба поневолѣ — и голодъ. Праздность, распродажа прежнихъ богатствъ, страхъ и голодъ, оттого и радуются бѣдамъ — чѣмъ хуже, тѣмъ лучше...

Вчера О. Д. Форшъ-Терекъ — живетъ она на одной площадкѣ съ нами — съ торжествомъ привезла лошадиную голову. Будутъ варить, хватить дня на три, на четыре: супъ, жиры, мозгъ. Терекъ — дальше, чѣмъ мы, у нея дѣти, но пока легко и шутиливо несетъ она тягости дня. И кипить: христовы и христіане, призванные и непризванные. И все одна выходитъ у нея правда: тотъ, кто мнитъ себя призваннымъ, не призванъ; тотъ, кто отрекается отъ призванности, — призванъ.

Все ничего. Но страшны вереницы саней, въ которыхъ развозятъ по больницамъ больныхъ сыпнякомъ. Красныя лица. Тѣла едва прикрыты одѣяломъ или попоной. Вещи стали дороги — ихъ берегутъ и иной разъ больного прикрываютъ лохмотьями — все равно, жаръ, вторично не заболѣтъ.

Это не совсѣмъ такъ, конечно, не до конца т о. Въ веселой легкости Е. П., въ беззаботности Л. Я. К., въ покорности судьбѣ И. — Р., въ общей нашей готовности нести крестъ

и отвѣтить за него, въ этой облегченности духа и плоти, есть нѣчто отъ завѣта Достоевскаго: «Други мои, просите у Бога веселья. Будьте веселы, какъ дѣти, какъ птички небесныя. И да не смущаетъ васъ грѣхъ людей въ вашемъ дѣланіи, не бойтесь, что затретъ онъ дѣло ваше и не дастъ ему совершиться... Бѣгите, дѣти, сего унынія! Одно тутъ спасенье себѣ: возьми себя и сдѣлай себя же отвѣтчикомъ за весь грѣхъ людской. Другъ, да вѣдь это и вправду такъ, ибо чуть сдѣлаешь себя за все и за всѣхъ отвѣтственнымъ искренно, то тотчасъ же увидишь, что оно такъ и есть на дѣлѣ и что ты-то и есть за всѣхъ и за вся виноватъ».

Не совсѣмъ такъ. Не совсѣмъ то. Но именно изъ такихъ родниковъ истекаетъ эта веселость при вѣчно обостренномъ сознаніи происходящаго. Оттуда же эта твердость, въ выборѣ при взволнованной и отдающей себѣ отчетъ совѣсти. Оттуда же свобода отъ обнаженности и отъ безнадежности при неумолкающей душевной боли, боли и боли.

Конечно, ходимъ на службу, говоримъ, ѣдимъ, спимъ, сердимся. Но вотъ-какъ бы легче и гибче сталъ костякъ. Какъ бы просвѣтило плоть полдненнымъ свѣтомъ, какъ просвѣчиваетъ брызжущее соками лѣтними наливное яблоко. Какъ бы подрѣзала ночью рука — и не злая — семь корней изъ всѣхъ двѣнадцати, связывающихъ древо жизни съ темною землею...

Это было въ минувшемъ апрѣлѣ. И.-Р., Е. П. и я прощались на углу Театральной площади. И.-Р. шелъ въ «Метрополь», мы — на симфоническій концертъ въ театръ Незлобина. И вдругъ — пули. Градомъ. Была одна изъ схватокъ ликвидируемыхъ анархистовъ съ милиціей. Защелкали по камнямъ — какъ капли металлическаго ливня. Бѣжать? Спрятаться за уголъ? Нѣтъ. На секунду все сущее — мы, Москва, булыжники, углы домовъ, революція — выдвинулось изъ матернихъ гнѣздъ своихъ на одну линію выше, чтобы съ несомнѣнною несомнѣнностью показать намъ,

что оно — сущее. Мигъ — было, есть, будетъ. То, что люди зовутъ чувствомъ вѣчности. И такая легкость отъ мысли — въ этой вѣчности утонуть. Даже, если ея нѣтъ.

Потомъ была музыка. О ней я разсказать не умѣю. Но этотъ часъ — отъ холоднаго утра подъ пулями до конца концерта — былъ высшимъ часомъ всей моей жизни. Я это знаю. Именно въ этотъ часъ чья-то рука пересѣкла семь изъ двѣнадцати корней древа моей жизни, и одиннадцать изъ двѣнадцати корней жизни Е. П. Это случилось за краткій отрѣзокъ времени, пока милиція бессмысленно сражалась съ анархистами, пока въ «Метрополѣ» шло совѣщаніе главъ республики, и пока отдѣлившійся отъ насъ И.-Р. лежалъ посреди сквера Театральной площади, ожидая конца перестрѣлки.

Декабрь. — Москва.

Программы умѣренныхъ группъ, можетъ быть, когда-нибудь, на склонѣ революціи, и пригодятся, но духъ, диктовавшій эти программы — никогда.

Пока все были — шутки, правда, подчасъ кровавыя. И бунтъ декабристовъ, и 1905 годъ, и мартъ 1917 г. Вѣтеръ рябилъ поверхность. Октябрь упалъ, какъ раскаленный болидъ и прошелъ по вертикали отъ поверхности до дна. И все не можетъ остыть.

Вдругъ на недѣлю опостылѣла будничная работа. Всю жизнь вѣдь жилъ бродягой на вольной волѣ.

Равноденственныя метели. За ними — солнечные яркіе дни. Иду въ Серебряный Боръ — вѣдь солнце на весну поворотило. На березахъ тоненькія почки. Не тѣ, что бывали раньше. — человѣческое закрыло полгоризонта.

Въ религіозныхъ кружкахъ говорятъ о возможности соединенія католической и православной церкви. Лишенное поддержки государства, православіе становится уступчивымъ.

Видимо, ждуть рѣзкаго ухудшенія условій существованія. У Э. сносятъ въ домъ мѣшечки конопляннаго сѣмени. Г. и Ш. скупаютъ крупу, сушатъ сухари, гдѣ-то добыли и прячутъ сало. Какъ правило: на томъ берегу — запасливость, понытки предвидѣть, осторожность; на нашемъ берегу — большая беззаботность.

Какъ часто, обсуждая революціонные годы, будутъ ссылаться на Достоевскаго и упоминать слово предвидѣнїе.

Раньше всего — «Бѣсы» и уравненіе, «шигалевщина».

На дѣлѣ не равенство, не уравненіе, а расчлененіе и двойная диктатура. Во-первыхъ, диктатура класса. Во-вторыхъ, диктатура партіи или ордена. Правильнѣе сказать — ордена. Ибо и правящая партія не едина, а расчленена. Уравненіе касается лишь одного: труда и накопленія имущества. Оно производится грубо — ибо не выработаны формы уравненія. Въ основѣ же его нѣтъ ничего нарушающаго нормальную жизнь индивидуума.

«Нѣтъ у насъ социализма, совсѣмъ нѣтъ» — писалъ Достоевскій въ предсмертномъ дневникѣ. И у насъ его нѣтъ. Но будетъ. Какой — никто не знаетъ. И никто не говорить, что знаетъ. То же, что онъ будетъ, можно знать, ибо онъ будетъ данъ не силами природы, а волею человѣка. И эта воля крѣпнетъ. И не только одна эта воля. Крѣпнеть сознаніе права желать и сознаніе права осуществлять свои желанія. Ростъ этихъ правъ не рус-

ское только, но міровое явленіе. И это было осознано въ Россіи. Россія вошла въ октябрьскую революцію съ философическимъ эпиграфомъ того же Достоевскаго: «Всегда чело-вѣчество въ цѣломъ своемъ стремилось устроиться непремѣнно всемірно. Много было великихъ народовъ съ великой исторіей, но чѣмъ выше были эти народы, тѣмъ были и несчастнѣе, ибо сильнѣе другихъ сознавали потребность всемірности соединенія людей. Великіе завоеватели, Тимуры и Чингисханы, пролетѣли, какъ вихрь, по землѣ, стремясь завоевать вселенную, но и тѣ, хотя и безсознательно, выразили ту же самую великую потребность чело-вѣчества ко всемірному и всеобщему единенію». И врядъ ли въ міровой исторіи было явленіе такъ полно воплотившее идею этого эпиграфа, какъ октябрьская Россія. Ея революцію противопоставляютъ Петру Великому. Но методы Петра Великаго немногимъ отличаются отъ нынѣшнихъ революціонныхъ методовъ. То же стремленіе — нетерпѣливое и деспотическое — немедленно, въ одинъ день перекроить міръ — та же увѣренность, что это будетъ — и то же сомнѣніе, граничащее съ отчаяніемъ, въ томъ, что это случится не въ данный историческій день.

Отчего у Петра Великаго было такъ много силъ? Оттого ли, что онъ реформу задумалъ? Задумалъ перекроить Россію на европейскій образецъ? Нѣтъ, оттого — что въ однодневномъ перекраиваніи Россіи на европейскій образецъ онъ видѣлъ первую ступень къ всемірному соединенію людей. Атеистиченъ онъ былъ по той же причинѣ, да изъ экономіи и по нетерпѣнію — національная религія стала ему поперекъ дороги. И при Петрѣ всѣ въ государствѣ были рабы, и въ «рабствѣ были равны», но не потому, что Петръ, желалъ рабства, а потому, что онъ не могъ ждать. И какъ раскольники предвидѣли конецъ міра передъ обновительнымъ Петровскимъ потрясеніемъ, такъ Достоевскій и Соловьевъ предвидѣли конецъ міра, передъ по-

трясеніємъ нашихъ дней. «Конецъ міра идетъ, — писалъ Достоевскій въ послѣдніе дни жизни своей — конецъ столѣтія обнаружится такимъ потрясеніємъ, какого еще никогда не бывало»...

Достоевскій ошибался, когда утверждалъ, будто «соціализмъ есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской Башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю». Это утвержденіе — одно изъ принятыхъ въ Россіи преувеличеній проблемы. Соціализмъ не посягаетъ на небо. Онъ — всего на всего скромная рабочая гипотеза наиболѣе цѣлесообразнаго устроенія человѣческаго быта на землѣ. Если бы была возможность сговориться о томъ, какъ построить теплый, удобный, свободный и всѣхъ до единого вмѣщающій домъ для человѣчества — и затѣмъ начать свободно и по своему жить — тогда бы отъ соціализма отлетѣли высокіе эпитеты и остался лишь разумный планъ да наказъ для работниковъ человѣчества. Высокіе же эпитеты были бы перенесены выше — къ предвѣстіямъ новой культуры. Но сговориться нельзя — идетъ борьба. Борьба же требуетъ торжественности. Борьба — это гибель и героизмъ. И оттого лозунги, флаги, литавры, жертвоприношенія. Они не сущностью обусловлены, а трудностью и длительностью достиженія. Такъ короткій переходъ изъ дома въ домъ люди просто зовутъ — переходомъ. А переходъ изъ страны въ страну, съ материка на материкъ зовутъ пышнѣе путешествіемъ или странствіемъ, встрѣчные въ океанѣ корабли салютуютъ другъ другу, на палубѣ толпятся люди, и оркестръ играетъ встрѣчу.

Борьба на насущный хлѣбъ и философія. Расцвѣтъ ея пять — десять лѣтъ спустя.

Вся критика социализма у Ницше построена на ложномъ представленіи Достоевскаго о «шигалевщинѣ».

... Защищаютъ, подъ видомъ религіи — церковь. И не понимаютъ того, что въ иные историческіе моменты отказаться отъ религіи выше, чѣмъ долбить о ней дни и ночи, подобно дятлу.

Отказъ отъ религіи не предательство передъ нею. Ея н е л ь з я предать. Отказъ отъ церкви — съ точки зрѣнія церкви — предательство: она — временная и отъ отказа разсыпается прахомъ.

Въ союзѣ писателей. Никогда не жили мы такъ дружно. Готовность мириться съ особенностями характеровъ, даже не сладкими. Бережливое другъ къ другу отношеніе. Гершензонъ раздражается — всѣ ласково терпятъ, кто-нибудь съостритъ, и хорошо. Осоргинъ бранитъ за соглашательство — никто не споритъ, говорятъ о дѣлахъ. Одни болѣе приспособлены къ жизни, другіе менѣе, это несоотвѣтствіе надо выровнять, оттого и союзъ начался.

Вѣроятно, не всѣ члены правленія другъ другу одинаково пріятны. Но само собою стало такъ, что антипатіи отступили передъ союзнымъ духомъ. Правда и то, что всѣ давно знаютъ другъ друга и — вѣрятъ.

Тѣсная комната въ издательствѣ М. В. Сабашникова на Никитскомъ бульварѣ. Звонокъ испорченъ, входящіе заглядываютъ въ низкое надъ панелью окно и стучатся: такъ въ деревнѣ сосѣди другъ къ другу въ гости стучатся. Да вѣдь и, дѣйствительно, одревенелась Москва — кто санки съ продуктами за собою тащитъ, на дняхъ видѣлъ на Арбатѣ Бальмонта съ мѣшкомъ картофеля на плечахъ, а на

Новинскомъ бульварѣ собаки съ ласковымъ урчаніемъ подѣдаютъ остатки околѣвшей лошади...

Члены правленія дѣлятся на житейски-мудрыхъ, подвижныхъ и исполнительныхъ и безпомощныхъ. Кромѣ того, отдѣльно, суперъ-арбитръ по вопросамъ общественной морали, онъ же и председатель, М. О. Гершензонъ. И для внѣшнихъ сношеній, для поѣздокъ къ властямъ, товарищъ председателя союза, угрюмый, гордый, молчаливый — Ю. К. Балтрушайтисъ.

Приходятъ усталые. Чтобы быть сытымъ, надо очень много и — главное — равномерно работать. Всѣмъ безъ изъятія. Не знаю, что видятъ другіе, но для меня каждый приходъ въ союзъ — тихая долгая боль о томъ, какъ голодъ и холодъ разрушаютъ писателей.

Не всѣхъ жалко. Петербуржцы — Ивановъ-Разумникъ, Блокъ, Эрбертъ — на особомъ положеніи. Они в ы б р а л и свой путь, имъ и горѣть, и сгорѣть. Не жаль Эфроса — онъ бодрый, борется со вкусомъ и злостью. Держится на поверхности Лидинъ — пишетъ рассказы и радуется имъ. Мнѣ и себя не жаль, хотя и чувствую, какъ падаютъ силы — я всегда, тоскуя о литературѣ, находилъ вещи, которыя увлекали меня больше, чѣмъ она, теперь расплата за измѣну. Но тихій К. Зайцевъ — особенно отчетливо выбирающій сейчасъ слова и шаги, чтобы не ошибиться ни житейски, ни морально. Но И. А. Новиковъ, — съ его привычкой къ благолѣпію, къ простору полуразрушенныхъ павильоновъ, декоративныхъ террасъ и разбитыхъ фонтановъ старой кievской выставки, съ годами, проведенными въ провинціальной Тулѣ и еще гдѣ-то, съ потребностью непосредственно освѣтлять происходящее — онъ отяжелѣлъ, слегка осунулся. Въ Гершензонѣ нарастаетъ раздражительность. Физически онъ — сохнетъ, худѣетъ, чернѣетъ, морально онъ — въ кризисѣ: онъ не можетъ — и въ этомъ есть внутренняя правота его — оставаться только историкомъ, онъ пробуетъ философствовать, нетерпѣливо и не-исторично относится къ дѣйствитель-

ности, разбрасывается, теряет накатанную колею. Къ пятидесяти годамъ это не легко. И только дома, въ полупустомъ кабинетѣ съ аскетическою койкою и съ цвѣтными квадратами Малевича на стѣнѣ, становится онъ снова чуть-чуть важнымъ и учительнымъ. Стороною, мимо современности проходитъ Балтрушайтисъ. Онъ не слѣпой, онъ видитъ, но такъ крѣпко сшить его литовскій остовъ и такъ твердъ постановъ его отвлеченной, тяжело-молитвенной поэзіи, что его не смутить. А. Н. Чеботаревская, съ измученными глазами, худѣющая, всегда въ безотчетной тревогѣ, Кассандра, съ недремлющею совѣстью, съ неожиданными поворотами мысли — то заботлива, то гнѣвлива, то вдругъ исчезаетъ куда-то, и ей, женщинѣ, вѣришь больше, чѣмъ всѣмъ, — она за себя болѣетъ не столько сколько за другихъ. Съ нею я люблю говорить о старомъ религіозномъ обществѣ въ Петербургѣ и о Ѳеодорѣ Сологубѣ. Въ ней — изъ нѣдръ идущій пытливый религіозный порывъ. А нѣжнаго, одинокого, сидящаго въ подпольѣ Сологуба она чувствуетъ, какъ никто. И она могла бы его сберечь отъ уколовъ чуждой ему и столь милой жизни... Сутулится на отоманкѣ блѣдный, похожій на больную, съ взлохмаченными перьями птицу Г. И. Чулковъ. Есть что-то непрочное въ немъ: не то онъ тяжело боленъ, не то грозитъ ему какая-то бѣда. Я мысленно пробѣгаю видимый мнѣ кругъ его жизни — вдругъ вспоминаю, что дома у него ребенокъ, и сердце сжимается тревогою за чужого: такъ трудно сохранить теперь дѣтей въ Москвѣ, и нѣтъ въ человѣкѣ болѣе уязвимаго, чѣмъ любовь къ ребенку. Вотъ минувшимъ лѣтомъ у В. В. Вересаева погибъ голодною смертію лишившійся матери приемышъ; какъ потерянный, ходилъ Вересаевъ по комнатѣ засѣданій въ государственномъ издательствѣ, замыкался, сгибался, — и уѣхалъ въ Крымъ... Все острѣе становится насмѣшливый профиль Г. Г. Шпета и крѣпче сжимаются его злыя и въ то же время неподдѣльно — нѣжныя губы. Иногда онъ словно гаснетъ, нѣтъ блеска, тяжелѣетъ умъ, шутки смѣняются бранью. И тогда мысль:

выдержать ли, онъ изъ ломкихъ, не умѣя гнуться, стальной, не оловянный.

Дѣла много: защита квартиръ, библіотекъ, рукописей; хлопоты у Каменева о продовольствіи; кого-то откуда-то надо извлекать, кто-то попалъ не туда, куда слѣдуетъ. Много проектовъ: издательство, литературные вечера, литературный отдѣлъ при Комиссаріатѣ Просвѣщенія — хотя въ осуществимость послѣдняго никто не вѣритъ. Борьба за существованіе, и невозможность печататься угнетаютъ творческую способность. Невольное воздержаніе, — что оно дастъ литературѣ? Писателямъ оно даетъ боль, и только. Но литературѣ? Можетъ быть, оттого, что я отошелъ отъ нея и тихое, молчаливое «умное дѣланіе» люблю больше словъ — я здѣсь чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, заставляю себя смотрѣть поверхъ сегодняшняго и думаю: это — ничего, это — ничего; надо любить неизбежное...

1 9 1 9

Январь—Мартъ. Москва.

Записей нѣтъ. Все ушло на личное и на ежедневный трудъ. Одна жизнь пришла въ міръ, другая — ради нея — ушла изъ міра. И пришедшую надо сохранить. Это — не легко.

Въ домѣ холодно. Я дрожу за ночную работою. Въ сосѣдней комнатѣ едва-едва слышное дыханіе. Тамъ тепло. И увѣренность въ томъ, что тамъ тепло, наполняетъ меня тихимъ и робкимъ удовлетвореніемъ. Я прорѣзалъ узкое отверстіе изъ сосѣдней комнаты въ ванную. Провелъ трубу и умѣстилъ чугунную печь. Когда у меня нуль или градусъ тепла, — тамъ семь и восемь градусовъ. Для рожденныхъ во второй годъ революціи этого достаточно. Дыханіе за дырою чистое, кашля нѣтъ, свѣча жизни горитъ ровно. П о к а. П о к а — слово, отъ котораго можно сойти съ ума или окаменѣть.

Топить нечѣмъ. Я жгу лыжи, стулья, столы и старыя газеты профессора Б. А. Кистяковского, въ квартирѣ котораго случайно живу. Библіотеку его охраняю. Рукописи тоже. Ну, а вещи. Мнѣ нужно, чтобы тамъ было тепло. Пытаюсь обмѣнять на дрова профессорскій верстакъ. Если не удастся — придется расколоть на щепы. Что

же, когда-нибудь дамъ ему отвѣтъ: профессоръ любитъ вещи. На дняхъ онъ прислалъ Г. Г. Ш. письмо, въ которомъ проситъ сберечь все, до послѣдней ветошки. Есть и философское обоснованіе этой заботливости. Революція прошла мимо него. П о к а. Кто знаетъ, что случится завтра съ нимъ, и съ нами.

Апрѣль — Май. Москва.

Потеплѣло. Московскіе зелено-хрустальныя апрѣльскіе вечера. А за день солнце ощутимо согрѣваетъ комнаты.

Работа, работа. Она беретъ весь день и часть ночи. Но стала она — вездѣ — совсѣмъ иною, чѣмъ годъ назадъ. Стало больше житейскихъ заботъ, меньше крови въ жилахъ. Отлетѣла внутренняя возможность — придумывать и начинать. Нужны осуществленія. Они нужны — а ждать ихъ скоро нельзя, ибо придумано такъ много, что одинъ ростокъ мѣшаетъ другому, и наиболѣе стойкіе среди нихъ могутъ прорасти лишь черезъ десять-пятнадцать лѣтъ.

Мозгъ усталъ, и ищетъ закрѣпленныхъ мастерами образовъ, чтобы на нихъ опереться. Все читаю «Фауста». И какъ мой давній пріятель дьячекъ изъ села Большая Лепетиха прикладывалъ къ каждому по складамъ вычитанному изъ книги слову «с о о т в ѣ т с т в у ю щ і е» ему событія «изъ жизни» — такъ я пользуюсь «Фаустомъ», чтобы думать и думать о происходящемъ.

Быль Фаустъ старъ, сталъ молодъ. И на что бросилъ мудрецъ и алхимикъ возрожденныя силы? На Гретхенъ, на преступленія, на игру. Когда много силъ — нѣтъ имъ мѣры. Но вся трагедія Фауста и спасеніе его — пролетѣвъ надъ десятилѣтіями приключеній, мудрствованій и ошибокъ, сомкнулась на Гретхенъ. Кто она ему? Не Елена, не волшебница, не вѣнчанная жена. Вѣчная женственность, которою онъ восхитился и, восхитившись, ведомой рукой судьбы, разбилъ беспощадно, беспощадно. Гретхенъ въ тюрьмѣ. Гретхенъ на лобномъ мѣстѣ. И зарытый гдѣ-то въ полѣ трупикъ беззаконнаго ребенка. И полетъ на черныхъ коняхъ двухъ погубителей — любящаго и презрѣннаго. И этотъ конецъ первой части трагедіи — въ его огромной значительности.

М е ф и с т о ф е л ь : — Она осуждена.

Г о л о с ь : — Спасена.

Я, какъ дьячекъ лепетихинскій, прилагаю событія изъ жизни къ соотвѣтствующимъ словамъ. Это ничего, этого ничего — что стало такъ трудно. Росами и летучими опаловыми туманами носилась весна революціи нашей надъ землею. Свѣтоносящая, хмельная, легкая. А теперь — пришла пора, обращается въ дождь туманъ, падаетъ на землю, съ пылью смѣшивается и уходитъ въ мертвую глубь. Пророканіе зерна болѣзнь. Влага жжетъ его медленнымъ огнемъ разложенія. Въ его мѣняющихся формахъ — уродство. Отмирающая шелуха — грязь. И смерть его живой сущности. Да будетъ. Гретхенъ спасла большого разумнаго бурнаго Фауста — ея отвлеченная мысль, ея неприспособленные къ землѣ лозунги. И лозунгами ея, и ничѣмъ инымъ, кончается трагедія:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis...
Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinan.

И еще — «Фаустъ». Домъ Филемона и Бавкиды. Онъ мѣшаетъ Фаусту — ему надо созидать. Некогда. Забота

грызеть сердце. Свершеніе за свершеніемъ — жажда неутолимая. И зажженъ грубыми исполнителями и злобно-веселымъ духомъ-поспѣшникомъ домъ стариковъ, сгорѣли въ его развалинахъ мертвые ихъ тѣла. Это — терроръ. Фаустъ говорить:

Mein Türmer jammert; mich im Innern,
Verdrießt die ungeduldige Tat.
Doch sei Lindenwuchs vernichtet
Zu halbverkohlter Stämme Graun,
Ein Luginsland ist bald errichtet
Um ins Unendliche zu schaun...
... Geboten schnell, zu schnell getan...

По дѣламъ въ Петербургѣ. Городъ — какъ сонъ, чистый, тихій, опустѣвшій. Иду пѣшкомъ, оставивъ вещи на вокзалѣ, какъ въ былые годы. Людей мало, такъ бывало лѣтомъ, въ бѣлыя ночи, около двухъ или трехъ часовъ. Окна магазиновъ заколочены; ворота закрыты; лица утомленные, съ синевою подъ глазами; взгляды ушли въ себя; походка разсѣянная; нѣтъ смѣха; опущены руки, и точно пыль забвенія сѣется съ голубого неба — такъ бывало въ бѣлыя ночи. Но равномерно бѣгутъ полупустые трамваи, и солнце полуденное на панеляхъ, на облупленныхъ домахъ, на ряби пустынной Фонтанки, на гривахъ Клодтовыхъ коней и на блестящемъ куполѣ новой мечети.

Я былъ въ Петербургѣ въ дни натиска Юденича. Изрѣдка слышались пощечные удары и дѣлали городъ и маски людей еще болѣе призрачными. Я заторопился обратно въ Москву, чтобы не быть отрѣзаннымъ.

Иванова-Разумника убѣждаю уѣхать. Если Юденичъ войдетъ въ Петербургъ, Иванову-Разумнику не сдобровать. Онъ молчитъ, и я знаю уже, что уговоры тщетны. Цѣлую его исхудавшее, постарѣвшее лицо. Слова шуточные — и мои, и его. Но — Богъ вѣсть суждено ли увидѣться.

За часъ до отхода поѣзда у Эрберга. Онъ еще тоньше сталъ, еще гибче — фигура юноши, съ немолодымъ, нѣжно-

насмѣшливымъ лицомъ. Но въ худобѣ, въ морщинахъ, въ спокойно и красиво сложенныхъ рукахъ та же хрупкая, чистая, не-явная сила, что и въ стихотвореніяхъ его. Сегодня онъ чѣмъ-то взволнованъ.

— Что съ вами? — спрашиваю его.

Онъ молча киваетъ головою въ сторону сына. Сережа счастливъ сегодня — и я не знаю, почему? Но вижу: счастливъ.

— Мобилизуютъ восемнадцатилѣтнихъ, — спокойно говоритъ Эрбергъ, — на защиту Петрограда. Сережѣ — восемнадцать лѣтъ.

Я внимательнѣе гляжу на обоихъ. Сережа — его я долженъ запомнить. Это — наше, это — новое, это — счастье взять ружье и стать на защиту Петербурга. Нашъ — Петя Ростовъ — привычно цитирую я, и мнѣ стыдно въ душѣ передъ Сережею, что я — цитирую. Онъ не Петя Ростовъ, онъ самъ по себѣ. Будущее, не прошлое.

Эрбергъ провожаетъ меня. Но сказать вслухъ — не скажешь ничего. Тревога въ немъ, конечно; онъ взволнованъ и самъ по себѣ и отраженно — Сережей. Хорошо имѣть сына, который такъ берется за ружье. Хорошо быть съ тѣми, за кого можно такъ сражаться. Это — нашъ эпосъ, но не мы, старшіе, можемъ создать его.

— Я радъ, что онъ идетъ, — говоритъ Эрбергъ. — Но, конечно, его могутъ убить.

— Онъ хорошо идетъ, — отвѣчаю я.

Мы расходимся — поѣздъ сейчасъ отойдетъ. На перронѣ увѣряютъ, что это — послѣдній поѣздъ. Къ вечеру Петербургъ будетъ отрѣзанъ.

Іюнь. Москва.

Одна изъ бѣдъ нашихъ, та, что никто, сверху до низу, не можетъ сосредоточиться на своемъ дѣлѣ и довести его до конца. Начатое разваливаемъ скорѣе, чѣмъ стала видна его цѣлесообразность или нецѣлесообразность. Наиболѣе сложное изъ перекрещивающихся вліяній — столкновение бунтарскихъ антигосударственныхъ силъ начала революціи съ подсобнымъ и временнымъ національно-государственнымъ строительствомъ.

Ни голодъ, ни холодъ не мѣшаютъ мнѣ работать и вѣрить. Но гипертрофія «кастоваго» начала и связанное съ нимъ недовѣріе къ стоящимъ внѣ мѣшаетъ такъ, что нужна вся любовь къ революціи, чтобы не бросить весла. Я не хочу недовѣрія къ себѣ за то, что я не перекрашиваюсь въ защитные цвѣта. Неумѣніе считается съ независимостью. Неумѣнье беречь людей.

Случайность привела меня къ осколкамъ разбитыхъ революціей аристократическихъ семей. Старое русское барство, которое презирало дворъ и не умѣло кланяться Столыпину. В. П. В., дочь извѣстнаго консерватора гр. Г. Семья С., Ш. и др.

Женщины, особенно старья, въ ихъ средѣ очень хороши. Умны, смѣлы, обладаютъ зоркостью и чутьемъ къ правдѣ. Убийственны ихъ характеристики нашихъ дѣлъ, но не менѣе убийственны и отзывы о прошломъ. Превосходные администраторы. Съ презрѣніемъ нескрываемымъ относятся къ неспособнымъ своимъ мужьямъ, братьямъ и сыновьямъ. Конечно, хотѣли бы вновь обладать прежнею независимостью — но безкорыстны, умѣютъ любить дѣло.

Мужчины же мелки. Нѣтъ чувства дѣйствительности. Фальшивы, эгоистичны, узки, избалованы — и дорожатъ правомъ быть избалованными. Мысли распределены по полочкамъ, полочки охраняются тщательно, въ неумѣніи думать, въ вѣрности традиціи видятъ признаки своего аристократизма. Вѣковые гербы — но психологія и гнущіяся спины проходимцевъ въ случаѣ.

Сравниваю явленія холопства въ нашей новой демократіи съ готовностью къ холопству среди этихъ титулованныхъ. Не тѣ формы, но то же обоготвореніе власти. Власть — послѣдній судъ, замѣна справедливости, источникъ благъ и преимуществъ.

Вчера утромъ, когда шелъ въ Книжный Центръ — внезапно почувствовалъ, что замля уходитъ изъ-подъ ногъ. Прислонился къ столбу — минута ли, четверть ли часа протекли, не знаю. Я понялъ, что живу изъ послѣднихъ силъ. Надо спастись: либо отдыхъ, либо калѣчество.

Уѣзжаю на шесть недѣль на хуторъ, на Украину. Не-
легко оторваться отъ Москвы. Ѣхать жутко. Но — надо.
Съ того дня, какъ вышелъ изъ упряжки — апатія и сонъ.
Сижу въ углу. Кто-то за меня рѣшаетъ. Кто-то меня по-
везетъ. Ну, въ упряжкѣ я бы еще походилъ...

.

Въ пути. Начало іюля. Ст. Казатинъ.

Чѣмъ дальше въ глубь Украины, тѣмъ хуже. Къ тому же мы продвигаемся не въ глубь, а къ западной окраинѣ, наиболѣе темной и наиболѣе пострадавшей отъ войны. Да и сейчасъ здѣсь война — самый худшій ея видъ, гражданская война съ переменнымъ успѣхомъ.

Въ Великороссіи и другъ и врагъ видѣли, не могли не видѣть, одно: огромнымъ напряженіемъ воли глыба народная поднята вверхъ, на доселѣ недостигнутую высоту. Упадетъ — будетъ хаосъ. Разрѣшится это напряженіе по законамъ архитектурнымъ — будетъ новое зданіе. За частностями проглядывалъ цѣльный стальной стержень. На Украинѣ стержня нѣтъ, есть стремленіе множества не покрытыхъ единою волею желаній. Украина — въ хуторахъ, менѣе компактна, ее нельзя метнуть, какъ дискъ. Неуклонность Москвы ей чужда. Она либеральна. Торговцы, чиновники, помѣщики, спекулянты, офицеры, крестьяне — все это сочинѣе, чѣмъ на Сѣверѣ, упорнѣе, самоувѣреннѣе, и все это нескладно, сердито, эгоистично рветъ ткань въ свою сторону, перекраиваетъ совѣтскій фасонъ на свой ладъ, отмалчивается, поддѣлывается.

На вокзалѣ вповалку бѣженцы, красноармейцы, перебѣжчики — отъ красныхъ къ бѣлымъ и отъ бѣлыхъ къ краснымъ. Тревожно оглядывается по сторонамъ изможденный юнецъ — бѣжалъ изъ Черниговской тюрьмы, пробирается стороною въ Москву — тамъ безопаснѣе. Красивая сѣдая женщина — ѣдетъ на югъ разыскивать пропавшихъ безъ вѣсти сыновей. Подозрительнаго вида человѣкъ, въ гусарской курткѣ, съ кривыми ногами, безъ усталости говоритъ о значеніи краснаго фронта — и что-то фальшивое есть въ его голосѣ; послушавъ, люди отходятъ, а гусаръ волнуется все больше и больше.

Поездъ поданъ — просторно. Въ насъ узнаютъ москвичей, вагонъ примолкаетъ, вражда.

Хуторъ.

Докатились. Поистинѣ — пропасть, хотя и лишенная тишины. Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ банда громить Теофиполь. Много убитыхъ. Евреи прячутся въ поляхъ. Мѣстечко горить. По направленію къ Антонинамъ — артиллерійская пальба: отступаютъ петлюровцы, готовя гдѣ-то въ сторонѣ прорывъ. Хуторяне шестой годъ подъ рядъ слышать пушечную пальбу и ждутъ смѣны хозяевъ.

Крестьяне прежніе — друзья, лукавцы, безпринципники и немножко дѣти. И въ то же время не прежніе — появились гражданскіе интересы (приспособить къ своимъ нуждамъ политическую дѣйствительность), опытъ (не въ лозунгахъ дѣло, а въ томъ, кто что дастъ) и есть небывалая тяга къ лучшей жизни. Подвижности тоже стало больше, грамотности, кругозоръ шире. Кто побывалъ въ плѣну, кто чудомъ какимъ-то возвратился изъ Франціи и сѣетъ самую непримиримую ненависть къ ея порядкамъ. Была нѣмецкая оккупация — съ ея прямолинейною строгостью, фасадомъ законности, беспощаднымъ, подъ шумокъ, грабежомъ и внезапнымъ уходомъ, навѣки погубившимъ репутацію нѣмецкой непобѣдимости въ глазахъ хуторскихъ бабъ и ребятъ. Потомъ — гетманщина, карательные отряды, грубость — уроки

классовой борьбы. Потомъ — національные лозунги, раздумье надъ связью съ метрополіей, комитеты, комбѣды, воззванія, гражданская война, учеты и переписки полей, фруктовыхъ деревьевъ, скота, ульевъ — равновѣсіе деревенскаго быта нарушено, а выборъ не сдѣланъ, и врядъ ли когда-нибудь будетъ въ дѣйствительности сдѣланъ. Но пассивная сила упора велика, очень велика. И глубоко вросли въ землю корни старыхъ мечтаній: земля и свобода. Крестьяне и вѣрятъ и не вѣрятъ до сихъ поръ въ то, что оно пришло. Кто знаетъ, что будетъ завтра?

— Панъ, гетманъ, комиссаръ, польскій жандармъ? Надо лавировать. Но одно для нихъ несомнѣнно: оно — не миевъ, почти далось въ руки въ 905 году, дается сегодня, значитъ, когда-нибудь да будетъ. Оттого такъ смѣшиваются робость и напоръ, оглядка и крестьянская революціонность. Оттого сельскіе комитеты и комбѣды, хотя ихъ понемногу и захватываютъ въ свои руки кулаки, тянутся въ общемъ къ чисто-крестьянскому самоуправленію.

Августъ. Хуторъ.

Нашъ домъ разбитъ проходившею черезъ село бандою. Крестьяне дали намъ избу посреди села — поближе къ людямъ — туда собраны остатки вещей. Мы ждемъ.

По утрамъ и вечерамъ надъ полями тянутся глухіе отзвуки далекой канонады. Десятки мѣстныхъ фронтовъ вскакиваютъ, какъ пузыри на водѣ. Иногда они смыкаются вокругъ насъ кольцомъ. Непокойно. Лучше бы на сѣверъ, домой, за работу. Но здѣсь, отъ праздности и лучшаго питанія, вскрылись нажитые недуги, истощеніе, упадокъ воли. Чуть ли не каждый вечеръ происходитъ въ пустомъ амбарѣ — нашъ клубъ — бесѣда. Я лежу съ книгой на охапкѣ сна, громогу читать и, закрывъ глаза, вслушиваюсь въ далекій грохоть. А. — въ разбитой качалкѣ. М. обложился книгами и читаетъ запоемъ.

— Не время ли уѣзжать обратно?

А. — врачъ — хочетъ выгадать для насъ хоть двѣ недѣли лишняго отдыха.

— Погодите до середины августа.

М. — молчить. У него расширено сердце, страшно нали-
ты кровью жилы на лбу, онъ знаетъ — еще одна голодная зима, и конецъ.

— А если отрѣжутъ?

— Не отрѣжутъ, — легко и увѣренно говоритъ А.

Возражать нѣтъ силъ. Бесѣда обрывается до слѣдующаго вечера.

Сообщеніе съ сѣверомъ и съ Кіевомъ прервано. Петлюровцамъ удался ихъ прорывъ. Что будетъ? Положеніе вокругъ таково, что чудятся не недѣли, а мѣсяцы деревенскаго заточенія. Въ зыбкомъ междуфронтѣхъ невозможна ни личная, ни политическая, ни культурная работа. Мы уже привыкли къ далекому грохотанью пушекъ. Но близкое такатанье пулемета волнуетъ. И еще больше волнуетъ — одинаково и насъ и крестьянъ — смѣна враждующихъ частей.

Тѣхъ безчинствъ, что были весною, судя по рассказамъ теперь нѣтъ. Одинъ изъ красныхъ полковъ разгромилъ Теофиполь и округу — виновныхъ переловили подоспѣвшія регулярныя части и тѣхъ, на комъ были найдены крупныя суммы денегъ или золотыя вещи, разстрѣляли. Петлюровцы, рассчитывая на успѣхъ, прекратили въ нашемъ районѣ еврейскіе погромы — да и не могли не прекратить: чуть появится отрядъ, евреи бросаютъ дома и скрываются въ рожь. И красныя и петлюровскія части проходятъ чинно, долго не стоятъ на мѣстѣ и не сводятъ политическихъ счетовъ съ населеніемъ. Но и для крестьянъ и для солдатъ есть что-то непереносно-фальшивое именно въ этомъ фазисѣ петлюровско-большевистской войны.

Когда начальство уснетъ, делегаты враждующихъ сторонъ сходятся гдѣ-нибудь на углу или за выселками и говорятъ, говорятъ... На завтра ползутъ слухи о соглашеніи между солдатами. Начальство бьетъ тревогу, отряды разводятъ, между фронтами образуется пустота. Безвредно стучать въ спины уходящимъ съ обѣихъ сторонъ пулеметы. Рѣдко-рѣдко столкнутся со страннымъ остервенѣніемъ конные разъѣзды.

Бои коротки и не кровопролитны. За то жестоки расправы, когда врагъ попадется въ плѣнъ. Безпомощность ожесточаетъ.

И красные и петлюровцы упрекають крестьянъ въ нерѣшительности.

— Да кто вы такіе? — чуть не плача, кричалъ мальчикъ — сѣчевикъ въ нарядныхъ алыхъ шароварахъ. — И намъ въ спину палите, и краснымъ. За кого вы, такіе-растакие?

Волинскіе лисы-патрикѣевичи жмутся и кряхтятъ. Какъ бы чего не вышло. Республика ничего, не плохо. Возвратится царь — опять войны начнутся. И пановъ не надо. Земли надо. Свободы надо. Но «коммуны» не надо. Порядка надо. Но начальства не надо. Поляковъ совсѣмъ не надо — они угрожаютъ панщиною и отбирають церкви. Украинцы — сами по себѣ народъ, и языкъ, конечно, и религія. Однако и галичане тоже сами по себѣ, съ Богомъ пусть домой уходятъ, свои поля берегутъ. Воевать же за «самостійную» не надо, и, пожалуй, самой «самостійной» не надо, если москалей уберутъ и дадутъ жить по своему.

— Какъ не надо! — реветъ галичанинъ. — Что это вы насъ живьемъ ляхамъ продать хотите?

— Не надо? — грозитъ полтавецъ. — «Коммуны» захотѣли?

А волинскій хуторянинъ кряхтитъ и жметъ. — Я васъ всѣхъ пересижу, — практично думаетъ онъ и отнѣкивается.

Иду на хуторъ В. въ шести верстахъ отъ насъ. А къ вечеру между нами и В. пролегъ фронтъ. Ни впередъ ни назадъ.

Старосту петлюровцы обвинили въ шпіонажѣ. Увели съ собою, напугали и нещадно выдрали шомполами. У него же спина еще не зажила отъ такой же порки, учиненной красными.

Возлѣ нашей хаты петлюровцы пристрѣлили прохожаго. Говорили, шпіонъ.

Павло-воръ. Былъ за панибрата съ красными, теперь съ петлюровцами. Выдаетъ односельчанъ, у кого оружіе, у кого деньги. По ка не трогаютъ ни вооруженныхъ, ни состоятельныхъ.

Лозунги, само собой разумѣющіеся въ центрахъ, здѣсь теряютъ всякое значеніе. Что волостные республики! Каждый хуторъ — республика. И каждый — за право собственности. Здѣсь — просто.

Приходитъ Денисъ, говорить:

— Хоть бы большевики пришли скорѣе на-крѣпко. Будетъ вся земля одна. А то ходятъ — ходятъ, силъ моихъ нѣтъ больше.

Приходитъ Тимофей:

— Поляка видѣлъ у петлюровцевъ. Красивый, какъ картинка. Говоритъ, скоро придутъ поляки, будетъ порядокъ.

Владимиръ — архаическій мужикъ:

— Пришелъ ко мнѣ петлюровецъ, взялъ табаку полъ фунта, далъ сорокъ карбованцевъ. А ему цѣна — двадцать. Хорошіе люди петлюровцы, дай имъ Богъ здоровья...

...Чтобы не было ни крестьянъ, ни рабочихъ, чтобы были — р а б о т н и к и. Они не хотятъ быть работниками. Они — х о з я е в а. Окликають, здороваясь, почетнымъ — х о з я - н н ъ.

Сентябрь. Хуторъ.

Прекратилась борьба, нѣтъ близкихъ фронтовъ. Нами править Директорія — вѣрнѣе, украинскія уѣздныя земства. О Директоріи крестьяне острятъ: подъ вагономъ — территория, въ вагонѣ — Директорія, но, пренебрегая валютными тонкостями, собираютъ петлюровскія деньги и дополняютъ ими завѣтную кубышку.

Съ юго-востока близится Деникинъ. Съ запада — поляки. Верстъ семьдесятъ-девяносто до аванпостовъ красной арміи. Отъ Проскурова и Хмельника идутъ слухи о мѣстныхъ бандахъ. Крестьяне настороженны и недовѣрчивы. Наше положеніе — незавидное. Если придутъ деникинцы, намъ грозитъ гибель. Для поляковъ мы — русскіе, москвичи, съ определенной репутацией. Петлюровцы на насъ косятся — держимся прочными связями съ крестьянствомъ.

Уйти бы хоть пѣшкомъ отсюда — да опоясаны мы, какъ и вся Россія, поясомъ сыпного и возвратнаго тифа. Всякій почти, пришедшій со стороны Кіева или Коростеня, заболѣваетъ. «Деникинскій тифъ» знаменитъ своей жестокостью — выживаютъ рѣдкіе. Сколько людей падаетъ въ пути, на вокзалахъ, на пунктахъ, въ домахъ случайныхъ благодѣтелей.

И у насъ тифъ растеть съ каждою недѣлею, растеть и народный страхъ передъ нимъ, но растеть и опытъ. Довѣріе къ знахарямъ пока не падаетъ, но все чаще зовутъ нашего доктора и принимаютъ лѣкарства, сколько бы они не стоили. Крестьяне увѣровали въ впрыскиванья камфоры и кофеина. Просятъ о нихъ, обижаются, если не дѣлаютъ. Учатся изолировать больныхъ. Начинаютъ слѣдить за чистотой. Но въ вошь не вѣрятъ. Развѣ безъ вши можно? — говорятъ одни. Другіе же, кишащіе насѣкомыми: — Да гдѣ же она, вошь? Я ее никогда и не видѣлъ...

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не замѣчаютъ. Какъ воздухъ.

Вымираютъ старики и сорока — сорока-пятилѣтніе крѣпкіе люди. Вотъ онъ — моръ въ деревнѣ. Страшно ли? И да, и нѣтъ, вѣрнѣе — тяжело. Чувство непоправимости. Иногда ужасъ: гибнемъ, всѣ гибнемъ. Вообще дѣйствительная опасность не то, что воображаемая. Общественная, длительная — не то, что личная и кратковременная. Воображеніе притупляется. Открываются новые родники силъ. Смерть не такъ страшна, приходитъ покорность. Все равно, не уйдешь, все равно принесешь вшей отъ сосѣдей, самъ не принесешь — привезутъ докторъ или сестра милосердія отъ больныхъ.

Обезхозяенныя семьи быстро приспособляются къ новому положенію. Подростки преждевременно зрѣютъ. Хозяйства падаютъ. Значительнѣе, чѣмъ раньше, роль женщины въ семьѣ и въ работѣ. Связи между людьми, дары памяти, горя и сочувствія — бѣднѣе и бѣднѣе. Кромѣ отдѣльных чудесныхъ вспышекъ. Общій уровень ниже — героевъ больше, и они выше.

Случайно дошли до насъ газеты. Въ городахъ голодъ. Заводы стоятъ. И тамъ гибнетъ народъ отъ тифа, холеры и оспы. Моръ, отъ котораго, какъ старики говорятъ, — когда-

то вольнѣе становилось жить на землѣ, переставали люди тѣсниться.

Кто радуется смерти, кто станетъ звать ее? Никто. Но странная и жуткая томить мысль. Вымирають старики и сорока, сорокапятилѣтніе люди, — вымирають традиціи старой, деревенской Россіи. Сыпной тифъ на службѣ у революціи? Расчищаетъ дорогу тѣмъ, кто не отравленъ войною, кто былъ ребенкомъ въ царскіе времена и не привыкъ гнуть спину, кому поневолѣ пришлось въ шестнадцать-восемнадцать лѣтъ стать хозяиномъ въ домѣ и гражданиномъ.

Вымирають еще и слабые.

Въ Сибири, на югѣ, на западѣ ушло много тѣхъ, что подняли руку на народъ, но и тѣхъ, что съ народомъ, — какъ сравнить и взвѣсить потери? Глухо таетъ чиновничья, приказная, лѣнивая, беспомощная, неповоротливая, балованная Русь. «Толстозадая», сказалъ Блокъ. Умираетъ; цѣпляется за жизнь; перестаетъ рождать. А рядомъ... Хищникъ; самородокъ-рабочій, крестьянинъ или солдатъ; поэтъ; святой; атаманъ, садистъ, убійца; человѣкъ безъ страха; разнузданный негодяй; преодолевающий себя отщепенецъ; человѣкъ изъ стали; простецъ, по-простецки полагающій жизнь за други своя; дѣлецъ, которому вездѣ тѣсно и всего мало; фантастъ; воръ и каторжникъ, въ которомъ огня, воли и душевныхъ сложностей станетъ на десять мирныхъ реформаторовъ; теоретикъ съ волею полководца — и всѣ безъ сѣдинъ, безъ оглядки на прошлое, безъ горба, безъ знанія о тщетѣ дѣлъ человѣческихъ — всѣ находятъ почву, тепло, гной, влагу, и буйно, полно и требовательно тянутся вверхъ, какъ хмель, и новая надъ Россіей раскидывается сѣнь, иное дерево, иной листъ и цвѣтъ...

И еще: сколько чужихъ народовъ топтали Россію! Не только топтали. Былъ отдыхъ у чужого очага, раздумье, тоска, нѣжность къ чужой женщинѣ, закипаніе страстей — въ мечтахъ о родномъ. И сколько дѣтей дали они Россіи, эти венгры, турки, латыши, чехи, нѣмцы, французы, итальянцы,

китайцы? Кто учтетъ? Ихъ вѣдь — не тысячи, не десятки даже тысячь: что это?

И еще. Разрушены богатства. Снята кора покоя съ тысячи тысячь сытыхъ душъ. Сброшены цѣпи и опять надѣты — другія цѣпи — своеволеніе и хлысть, высокія слова, высокія дѣла и низости, въ такомъ огнѣ, въ такой тревогѣ — кто ихъ учтетъ?

Съ корою за одно подчасъ снимають шкуру, — что же, и сыпной тифъ не нарочно, и не людьми придуманъ, и эти десятки тысячь дѣтей отъ иноземныхъ отцовъ — тоже...

Октябрь. Хуторъ.

Крестьянинъ цѣнитъ силу и удачливость. Широта крестьянской морали прикрыта лицемѣріемъ. Она блюдетъ формы, не заботясь о сущности. Нигдѣ не живутъ люди такъ корыстно, какъ въ деревнѣ...

Сосѣдніе врачи берутъ съ крестьянъ за поѣздку къ больному отъ трехсотъ до пятисотъ царскихъ рублей. Знахари — и того дороже. Знахаря надо привезти на крытой ковромъ телѣгѣ, напоить водкой, угостить изысканнымъ обѣдомъ — уѣзжая же отъ больного, котораго погубятъ знахарскіе рецепты, онъ увозитъ съ собою два-три пуда ржи въ зернѣ, полъ пуда пшеницы, сало, сметану, домашнюю птицу. Нашъ докторъ не спрашиваетъ вовсе денегъ за визитъ, либо спрашиваетъ десять-двадцать рублей. Эта умѣренность роняетъ его въ глазахъ крестьянъ. Они больше вѣрятъ дорогому. И только удачливость лѣченія подымаетъ шансы не желающаго быть корыстнымъ врача.

Знахари лѣчатъ сыпнякъ — талымъ снѣгомъ. Обкладываютъ больного снѣгомъ и кладутъ у жарко натопленной

печи. Снѣгъ таетъ, мокрое тряпье часами лежитъ на больномъ.

Противъ оспы — керосинъ и коровій пометъ.

Земельный вопросъ петлюровское земство рѣшаетъ быстро и практично. Немедленная разверстка, помѣщикамъ — по пятнадцати десятинъ на семью, крестьянамъ — прирѣзки. Общее правило при всѣхъ разверсткахъ: землю захватываютъ богатые крестьяне. У нихъ лошади, навозъ, плуги, рабочія руки.

Мы открываемъ школу въ старомъ домѣ. Родительское собраніе. Вопросъ, на какомъ языкѣ преподавать? Рѣшаютъ — и на русскомъ, и на украинскомъ. Требуютъ преподаванія нѣмецкаго языка. Пятнадцатилѣтніе подростки — за преподаваніе физики, механики и началъ электро-техники. На уроки объ электричествѣ собирается почти вся школа. Изъ семи старшихъ учениковъ пятеро мечтаютъ поѣхать въ Кіевъ, въ техникумъ.

Развѣдка отъ красной арміи. Крестьяне не вѣрятъ въ прочность петлюровщины. Почему? Нѣтъ отвѣта, краткое: — Скоро окончится.

Въ школѣ ежедневно выбываетъ по двое — по трое больныхъ сыпнякомъ. Заболѣлъ учитель, одинъ изъ трехъ. Учимъ, стоя — чтобы не садиться за грязныя парты.

Въ сумерки, почти крадучись, пришелъ Денисъ.

— Если не уничтожили совѣтскіе документы, уничтожьте поскорѣе, или заройте въ землю; петлюровцы собрались уходить. Придутъ поляки.

Земля — вмѣсто банка. Хранить деньги, часы, серебро, мандаты. Для зерна въ одномъ изъ угловъ хаты — двойная стѣна. Заботливо выращенный табакъ размѣщенъ въ наиболѣе пыльныхъ углахъ чердака. Запасная одежда и рукописи сданы на храненіе крестьянамъ. И не мы одни такъ по звѣриному живемъ. Медъ крестьяне зарываютъ въ землю. Откормленныхъ кабановъ прячутъ въ тайники подъ амбарами. Оружіе отчасти хранится подъ церковнымъ поломъ. Полушубки и праздничная одежда — въ домѣ священника.

Ноябрь. Хуторъ.

Нашъ уѣздъ занятъ польскими войсками. Для насъ это произошло безболѣзненно — село наше не по тракту. Въ уѣздномъ городѣ были, говорятъ, разстрѣлы, и тюрьма переполнена арестованными. Три мѣсяца тому назадъ, внезапно, никого не предупредивъ, исчезли уѣздныя совѣтскія власти. Теперь не стало петлюровскихъ. Крестьяне украинской оріентаціи сидятъ по хатамъ, даже на сходы не показываются. За то подняли голову мѣстные крестьяне-католики. И своеобразно: грозятся сегодня тѣмъ же, чѣмъ ихъ паны грозились двѣсти лѣтъ тому назадъ:

— Прогонимъ попа. Запечатаемъ церковь. Закроемъ русскія школы. Панскую землю разберутъ католики, православнымъ земли — ни одной морги.

Опять изъ Проскурова идутъ слухи о приближеніи деникинской арміи и о соглашеніи Деникина съ поляками. Слухамъ этимъ столько недѣль, что мы перестали вѣрить въ Деникина. Нашъ освѣдомитель, украинскій земець Пантелеймонъ, скрылся отъ поляковъ. Одно ясно — у Деникина удачи. И можетъ-быть, пока мы сидимъ въ невѣдѣніи на самомъ днѣ волынской трясины — для республики насталь послѣдній часъ.

Крестьяне снова зачастили къ намъ — совѣтоваться. Если они колебались въ выборѣ между большевиками и петлюровцами, то теперь мѣста колебаніямъ нѣтъ. Деникинъ ли, поляки ли — все равно. Паны вернутся въ имѣнія, надо ждать расправы, и конецъ свободѣ. А въ деревнѣ словомъ свобода стали обозначать новую общественную эру:

— Когда свобода пришла . . .

— Это случилось — еще свободы не было . . .

Денисъ пришелъ рано утромъ съ обычнымъ крестьянскимъ вступленіемъ:

— Говорятъ, возлѣ Николаева (село) соль подешевѣла.

— Деникинцы навезли?

— Да, деникинцы. Поѣздами возятъ.

Молчаніе.

— Говорятъ, бьютъ. Особенно тѣхъ изъ крестьянъ, что побѣднѣе. И комитетчиковъ.

— Уходить придется?

— Торопиться нечего. Ужо, подожду.

— А за солью поѣдете? Вотъ бы и для насъ . . .

— Надо будетъ . . . Еще говорятъ, въ Тарнополѣ мануфактура и нитки совсѣмъ за безцѣнокъ.

— Поляки навезли?

— Да, поляки, — Денисъ оживляется. Магазины полны. Чего не попросишь, все есть. Надо бы съѣздить. Въ Бродахъ поляки обѣщаютъ лошадиную ярмарку устроить.

Опять молчаніе. Затѣмъ не мѣняя интонацій, очень дѣловито Денисъ говоритъ:

— Говорятъ, и поляки бьютъ.

— Тоже тѣхъ, что побѣднѣе?

— Нѣтъ, они — и богатыхъ и бѣдныхъ. Особенно комитетчиковъ. Просто, звѣри. Шкуру спускаютъ.

— Уходить придется . . .

И т. д.

Такова симпатія бесѣдъ, навѣянныхъ близостью поляковъ и деникинцевъ. Соль, мануфактура, битье и отчаянный страхъ передъ польской и деникинской мобилизаціей — не даетъ спать крестьянамъ, до поздней ночи виденъ мнѣ со школьной горки свѣтъ въ трехъ или четырехъ избахъ, гдѣ охотнѣе всего собираются на посидѣлки. При совѣтской власти и при директоріи была гражданская жизнь. Сходы, раздѣлы земли, учеты, комитеты, переписи, съѣзды, газеты, воззванія — все это измотало и осточертѣло, но когда поляки отняли эту жизнь, вспомнилось довоенное рабство и робкій начался протестъ. Но въ долговѣчность «польской влады» никто не вѣритъ. Мнѣ и не снилось такое презрѣніе народа къ народу, какое поднялось надъ деревней при видѣ первыхъ польскихъ жандармовъ съ желтыми кантами и лампасами — «канарки», зовутъ ихъ поляки же. Собаки, ляхи, паны — ихъ не называли иначе по хатамъ, но передъ ними гнулись льстиво и по рабы, ибо польская нагайка рѣзвѣе и беспощаднѣе казацкой и служить не столько государственной необходимости, сколько развлеченію.

Другое дѣло — Деникинъ. Это — призракъ старой Россіи и, если онъ воплотится, то надолго. О дѣлахъ деникинской арміи доходили до насъ отъ очевидцевъ страшные рассказы. Это — даже не классовая армія, а лава дворянъ-мстителей, дворянъ-вѣшателей и дворянъ-садистовъ. Забиться бы поглубже въ солому и переждать, авось пронесетъ. Да вотъ, пока соль дешева, соли прикупить бы. Битый не битый, а безъ соли не пообѣдать. Но — только бы не мобилизація. По совѣсти не можетъ и страшится крестьянинъ приложить руку къ арміи старой Россіи. Даже священники мѣстные — кромѣ одного — съ отвращеніемъ говорили о его приходѣ. Хлопцы собирались въ бѣга и мечтали объ атаманахъ и бандахъ.

Собрать банду, врѣзаться между бѣлыми и красными, разграбить обозъ, пострѣлять въ спину отступающимъ, рывкнуть «долой коммуны» или «долой Петлюру, с...с...» — это

можно, не грѣхъ, а порою бываетъ и польза. Въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ широко возродилось старое казацкое кондотьерство. Темная Черниговщина отдала бандамъ самые каторжные свои элементы. Черниговцы рѣзали помѣщиковъ, прикидываясь красными, уничтожали сельскихъ учителей и евреевъ, служа Петлюрѣ, и легко отрывались отъ всякихъ болѣе серьезныхъ образованій, чтобы отбить обозы красныхъ, увести лучшихъ лошадей съ села и обобрать зажиточныхъ крестьянъ. — Но проклять тотъ, кто пойдетъ подъ знамена генеральской Россіи. Никто не вѣритъ ея лозунгамъ. Учредительное собраніе? Что оно такое?.. Обмануть. Земля народу? Обмануть. Порядокъ? Обмануть. Эти лозунги даже не обсуждаются деревней, какъ въ царскія времена не обсуждались манифесты. «Классовая точка зрѣнія», во всякомъ случаѣ «классовая подозрительность» — глубоко мужицкая мысль. Прежде чѣмъ воспринять лозунгъ, онъ окинетъ окомъ штаны, сапоги, руки и лицо глашатая — и не ошибется. Вильсонъ или Пилсудскій, самоопредѣленіе или освобожденіе, все равно, онъ вздохнетъ, какъ бывало, въ церкви при чтеніи манифеста и поторопится урвать отъ лозунга какую-нибудь «маленькую пользу». У Деникина — соль, у Пилсудскаго — газъ (керосинъ) и мануфактуру, у Вильсона — обувь, присланную для разоренныхъ евреевъ, и одежку для дѣтей. О лозунгѣ же стоитъ толковать, если онъ отъ своихъ, отъ себя, тутъ вотъ изъ нѣдръ родныхъ вышелъ, и не гантированной рукою поданъ. За время войны и революціи крестьянинъ понялъ, что политика — это хозяйство, и съ нехозяйственнымъ носителемъ лозунговъ онъ станетъ говорить лишь въ минуту досуга, какъ съ прохожимъ прохвостомъ...

Оттого крестьянинъ при всей жаждѣ порядка билъ добровольцевъ, ибо х о з я й с т в е н н о добровольческая армія была не порядкомъ, а возвратомъ къ безпорядку. Оттого на Украинѣ онъ готовъ былъ годами стоять подъ ружьемъ противъ сельской «коммуны» и противъ пана гетмана,

не будучи въ то же время ярымъ сепаратистомъ. Оттого, вопреки послѣднимъ интеллигентскимъ схемамъ, онъ готовъ и сейчасъ говорить объ извѣстныхъ формахъ социализаціи земли, ибо социализація гарантируетъ на годы и десятилѣтія непродажность и недѣлимость его мельчающаго хозяйства. Оттого и по сейчасъ, послѣ всѣхъ встрясокъ и испытаній, крестьянинъ, копящій деньгу, скоть и вещи, какъ жадный мѣщанинъ, — не по мѣщански широкъ въ своемъ чутьѣ къ земельно-общественному строительству. И я знаю, что близокъ день, когда разбѣжавшіеся, истасканные, растерявшіе свой идейный багажъ вчерашніе учителя крестьянства именно здѣсь, въ деревнѣ, будутъ уже не учить, а учиться —стойкости коллектива, медленно копящаго свой опытъ и медленно, какъ и подобаетъ большому кораблю, отваливающаго отъ старыхъ пристаней... И нужно сказать правду: «разочарованія» социалистической интеллигенціи оттого такъ остры, что она шла въ деревню поучать, а не учиться, что она органически не умѣла учиться, и фланировала по трясинамъ деревенскихъ улицъ большею частью именно въ качествѣ бродячаго прохвоста, носителя возвышенныхъ лозунговъ. Персонажъ — подходящий для бесѣды на бревнѣ или на лужку передъ шкальной...

Сосѣди рассказываютъ о какомъ-то «тайномъ съѣздѣ» въ Староконстантиновѣ. Я ищу участниковъ съѣзда, но они неуловимы. Собесѣдники же этихъ участниковъ, которыхъ что-то слишкомъ много, и которые что-то слишкомъ рѣчисты, не внушаютъ довѣрія. И какъ всегда въ деревнѣ, духъ событія схваченъ вѣрно, а ликъ его деревня творить, непосредственно и радостно.

Приходятъ Денисъ, Иванъ, комитетчикъ и скорѣе мастеровой, чѣмъ крестьянинъ, Василь, бывший атаманъ, и кое-кто изъ красныхъ.

— Былъ съѣздъ?
— Былъ.
— Кѣмъ созванъ?
— Директоріей.
— Кто ѣздилъ?
— Да неизвѣстно. Говорятъ, тотъ да этотъ. А того, кто былъ, и не понимаешь.
— Но навѣрное былъ?
— Былъ, былъ, какъ можно.
— А говорилось?
— О самостоятельной Украинѣ.
— Границы? Время? Условія?
— Нѣтъ, ничего объ этомъ, только — что самостоятельная когда-нибудь да будетъ. Со временемъ. А пока Петлюра спрашивалъ...

— Самъ Петлюра былъ на съѣздѣ?
— Нѣтъ, не Петлюра... Изъ директоріи кто-то. Петлюра велѣлъ спросить согласны ли громадяне на мобилизацію.
— Противъ кого же мобилизація?
— Въ этомъ-то все дѣло. Про мобилизацію говорили вообще, что она нужна. А противъ кого — голосовали. Голосовали про всѣхъ. Противъ поляковъ — всѣ до одного подняли руки, всѣ пойдутъ. Противъ Деникина — половина. Боятся. Шутить не станеть. Слышали мы, какъ онъ станицы на Кубани жегъ. Противъ большевиковъ — не пойдеть. Есть охотники, пусть идутъ. А обществомъ не пойдеть...

Было ли въ Староконстантиновѣ такого рода голосованіе — вопросъ сомнительный. Но духъ волынской деревни схваченъ вѣрно. Крестьянство преклоняется передъ силою и презираетъ неустойчивость, одинаково — личную и государственную. И пытается создать равнодѣйствующую между наиболѣе надежной изъ борющихся силъ, своимъ хозяйственнымъ консерватизмомъ и своими запросами — земли, самоуправленія и какихъ-то темныхъ, новыхъ, хозяйственныхъ нормъ, которыя такъ нужны, которыми манятъ возвышенные лозун-

ги, но которыхъ все нѣтъ да нѣтъ въ этой мучительной обыденности.

Поляки, галлеровцы, стоятъ въ сосѣднемъ селѣ, въ полтора верстахъ отъ насъ. Въ десяти верстахъ — еще отрядъ. Въ двадцати — крупныя части пѣхоты и кавалеріи. По дорогамъ гарцуютъ разъѣзды. Помѣщики и ихъ управляющіе потянулись въ полуразрушенныя усадьбы. Показались евреи-торговцы, давно не виданныя коляски — вообще ландшафтъ сталъ прежній, «дореволюціонный».

Вмѣсто старшины у насъ — войтъ, въ уѣздѣ — панъ староста, въ губерніи — панъ воевода. Земство распушено, служащіе уволены, языкъ канцелярій — польскій. Почты закрыты. Суды бездѣйствуютъ. Говорятъ о закрытіи школъ. Администрація вербуется «изъ пановъ, панковъ и пидпанковъ», какъ острятъ крестьяне — изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, изъ шляхты, изъ служащихъ въ огромныхъ имѣніяхъ кн. Сангушка. Распоряженія новой власти? Ничего положительнаго. Пока только разрушеніе. Тифъ разливается — велѣтъ ставить вѣшки передъ зараженными хатами. Ни врачей, ни денегъ, ни медикаментовъ. Началась оспа. Растетъ возвратный. Подъ Ковелемъ и по направленію къ Луцку — гдѣ поля сплошь изрыты окопами, а населеніе сплошь ушло во время войны на востокъ — голодъ, но помощи нѣтъ. За то велѣно поставить столбы съ надписями на перекресткахъ дорогъ. Украсить номерами и названіями улицъ хаты. За то растутъ реквизиціи хлѣба и скота. Гдѣ-же «освобождаемая» Украина? — Уѣздный староста, начальникъ района, проѣзжіи офицеръ, курьеръ въ армію, реквизииторъ, чиновникъ весело улыбаются и машутъ рукою:

— Объ Украинѣ только говорится.

И подмигиваютъ, точно вы ихъ вѣрнѣйшій союзникъ, точно вамъ ужасно по душѣ эта милая политическая шутка.

— Но союзъ, Кіевъ, границы?

Шутка зашла слишкомъ далеко. Улыбки и подмигиванія уже нѣтъ. Передъ вами — подобранное лицо римлянина, идущаго за Рейнъ покорять варваровъ:

— Границы 72-го года. А объ остальномъ поговоримъ въ Кіевѣ или Одессѣ.

Сколько этихъ римлянъ прошло мимо насъ, и сколько рѣчей о культурѣ польскаго Рима слышали стѣны нашей школы. И каждый разъ хотѣлось легонько тронуть рукою доспѣхи воиновъ — не изъ картона ли они? Не гримъ ли эти брови и румянецъ? Въ какой школѣ изучень пафосъ, этотъ холодный, бездушный, нечестный пафосъ, пережитокъ магнатской Польши, съ ея арміями лакеевъ и прихлѣбательѣй, столь чуждый тихому польскому крестьянину, но полонившій польскую литературу, печать, политику? Одно было не театрально у этихъ римлянъ славянства: ихъ шомполы и нагайки, которыми они помахивали передъ фізіономіями «хлоповъ». И много рубчатыхъ записей оставили они послѣ себя на спинахъ этихъ хлоповъ.

Декабрь. Хуторъ.

Галлеровцы пробуютъ разоружить деревню. Отданъ приказъ снести оружіе въ трехдневный срокъ.

Оружія въ деревнѣ, конечно, много. Запрятано оно такъ, что чужому не найти. Подъ соломою, подъ навозомъ, въ соломенныхъ кровляхъ, подъ печками, въ подпольяхъ. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ есть пулеметы и ленты къ нимъ. Въ селѣ К. петлюровская армія уходя бросила три здоровыхъ пушки со снарядами. Крестьяне дорожатъ оружіемъ, хотятъ его имѣть и ни за что не разстанутся съ нимъ.

Прелюдія къ конфискаціи оружія — свирѣпая солдатская брань, пальба въ воздухъ въ разныхъ концахъ села и свистъ нагаекъ. У старика Пантелея подбили глазъ. Степанъ позорно бѣжалъ съ десяткомъ синяковъ на мельницу. Семень возмутился щелканьемъ нагаекъ, оттолкнулъ обидчика и крикнулъ:

— Что мы — скотъ, что ли?

— А скотъ, — спокойно подтвердилъ полякъ. Семень былъ арестованъ, приведенъ въ господскій домъ и избитъ до полусмерти. Затѣмъ его кинули въ снѣгъ, дали очнуться, и, не тревожа избитыхъ реберъ, груди и спины, надавали ему пощечинъ до того, что глаза запухли.

— Теперь ступай и помни, что ты было есть, быдломъ и помрешь.

Трусливые снесли десятка полтора винтовокъ. Съ десятокъ ихъ нашлось по доносамъ разсорившихся сосѣдей. И только. Солдаты озлоблены тщетою поисковъ. Въ отместку крестьянамъ офицеры отдали приказъ отбирать «казенныя вещи». Это сигналъ къ грабежу — правда, поверхностному. Ибо грабятъ только худшіе элементы солдатчины.

Какъ извѣстно, сельской Россіи не во что одѣться. Единственное, что у нея есть, для будень и праздника, — это солдатское, принесенное съ фронта бѣлье и солдатская одежда. Женщины сшили себѣ платья изъ солдатскихъ мѣшковъ. И это отбираютъ. На выборъ, что получше. У учителя берутъ дѣтскіе штаны и офицерскій поясъ. У меня — театральнй бинокль и шерстяныя вещи. Мы споримъ. Намъ грозятъ прикладами. Изъ села доносится чей-то звонкій вопль. Кого-то пугаютъ выстрѣлами въ воздухъ. У Ксенофонта отобрали брошенную ему красными, взамѣнъ взятой подѣ обозъ, лошадь. Но отдаютъ за выкупъ — едва ли не въ третій разъ приходится ему откупаться. Слова «двадцать пять» — предполагается: ударовъ шомполомъ — висятъ въ воздухѣ.

Вечеромъ встрѣчаемся съ сосѣдями и пріятелями. Общее чувство безправія и брошенности.

— По дѣломъ вамъ: не поддержали Петлюру, — говорятъ одни.

— Что, Петлюра, — возражаютъ другіе. — Петлюра то насъ и продалъ. Нужно было за большевиками итти.

— А коммуна?

— Что коммуна! Песъ съ нею. На то мы и крестьяне, чтобы землю по своему дѣлить. Или паны тебѣ землю дадутъ? Большевикамъ все равно, такъ ли, этакъ ли землю

устраивать — они городскіе. Сегодня говорятъ коммуна, а завтра перестанутъ. И то — какая тамъ коммуна! Такъ — болтовня одна. Бернадекъ изъ Одессы пріѣхалъ — нигдѣ никакой коммуны не видалъ. Докторка въ Москвѣ была — говоритъ и тамъ про коммуны не слышно. Одно есть: пановъ выгнали, инженеры съ заводовъ ушли, — это правда.

— Подождемъ, вотъ Деникинъ прійдетъ, еще хуже будетъ, — поощрительно соображаетъ третій.

Молчать.

Пріѣхалъ къ себѣ въ усадьбу сосѣдъ-помѣщикъ, отставной генералъ П. Пошептался съ начальникомъ отряда, оставилъ какіе-то списки и уѣхалъ. На слѣдующій день былъ отданъ приказъ по селу сносить въ общественный амбаръ разобранныя во время свободъ помѣщицки вещи. Несутъ книги, посуду, бѣлье, мѣшки съ зерномъ. Получаютъ расписки отъ начальника отряда и уплачиваютъ штрафъ, кто зерномъ, кто полушубками, кто деньгами.

Мебелью солдаты топили печи въ помѣщицьемъ домѣ. Хлѣбъ продали скупщикамъ. Книги частью раздали крестьянамъ же, частью сожгли. А черезъ мѣсяцъ тотъ же помѣщикъ взыскивалъ съ крестьянъ двойные штрафы за уже возвращенныя вещи.

Черезъ село проходятъ карательные отряды. Во главѣ нѣкоторыхъ — мѣстные поляки — помѣщики. И тѣ же каратели скупаютъ хлѣбъ для польской арміи, и сбываютъ свой, взыскивая его съ крестьянъ. По всей округѣ расправы съ членами земельных и сельскихъ комитетовъ. Въ селѣ М. — пятьдесятъ ударовъ. Въ Вол. — двадцать пять. Въ другихъ мѣстахъ безъ счету, пока не назоветъ имена не-

благонадежныхъ. Хорошо, что хоть не убиваютъ. Есть свѣдѣнія о казняхъ въ районѣ Шепетовки и Проскурова.

Передъ рождественскими праздниками офицеры галлеровскаго отряда собрались на охоту. Старостѣ отданъ приказъ: прислать для охоты полдюжины мальчиковъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ.

— У насъ собакъ («хартовъ») нѣтъ съ собою, — сказалъ офицеръ — пусть побѣгають холопскія дѣти.

Глубокое впечатленіе у крестьянъ: тяжеле побоевъ и реквизицій.

Соблазняютъ дѣвушекъ — пробуютъ купить вещами, отобранными у сосѣдей. Въ С. — два случая насилія. Изнасилованная молодая женщина плюнула въ лицо обидчику. Онъ подозревалъ товарища, ее положили на скамью, обнажили и исполосовали нагайками.

У сосѣда Саввы солдаты уничтожили сложенные въ тепломъ сараѣ ульи съ пчелами.

Берутъ скотъ, хлѣбъ, молоко, яйца, масло. Либо совсѣмъ не платятъ, либо платятъ гроши. Бабы и дѣвки ходятъ къ нимъ на поденную работу — мыть бѣлье, варить обѣдъ, прислуживать.

— Погодите, будетъ хуже, — говорятъ крестьянамъ солдаты въ отвѣтъ на жалобы. — Что можетъ быть хуже? — гадаютъ крестьяне. Развѣ панщина? И родится увѣренность, что польская власть принесетъ съ собою возстановленіе крѣпостного права.

Крестьяне рассказываютъ, что въ Антонинахъ, имѣніи гр. Потоцкаго, при встрѣчѣ съ помѣщикомъ приходится становиться на колѣни и цѣловать руку. Съ другой стороны, кн. Сангушка за безцѣнокъ распродаетъ свои лѣса — значитъ, не вѣритъ въ прочность польской власти. И день и ночь тянутся мимо насъ нагруженные стройными соснами сани, и ихъ теплые красноватые тона такъ радуютъ глазъ въ оснѣженной степи.

Галлеровцы ушли. Имъ на смѣну пришелъ отрядъ другой арміи. Мы съ инспекторомъ вели занятія въ школѣ, когда въ домъ ввалилась толпа хмурыхъ обмерзшихъ солдатъ. Ихъ привелъ староста (прислуживается ко всѣмъ, гонитъ водку, доносчикъ; школа у него, какъ бѣльмо на глазу).

— Намъ нужно помѣщеніе.

— Здѣсь школа. Вы можете силою занять ее. Но тогда гдѣ мы станемъ учить дѣтей?

Потолкались, поворчали и ушли. Это — люди отъ сохи, солдаты поневолѣ. Они тоже реквизируютъ, избиваютъ и грабятъ, но и н а ч е. Даже въ этомъ случаѣ — тонъ дѣлаетъ музыку. И крестьяне иначе принимаютъ обиды отъ нихъ.

— Война, распустились люди, — вздыхаютъ они, подсчитывая убытки.

1 9 2 0

Январь. Хуторъ.

Затишье... Конечно, если это можно назвать затишьемъ.

Въ безвѣтренно-морозные дни доносятся изъ далекаго далека глухіе, точно подземные удары орудій. Иногда кажется, будто они приближаются. Тогда мы идемъ въ бѣлую степь на пригорокъ, ширша обмерзшими стеблями перекати-поля, и слушаемъ, слушаемъ. И для насъ и для крестьянъ эти подземные удары — освобожденіе отъ замкнувшаго насъ мертвеннаго и безправнаго затишья...

Сыпной тифъ косить налѣво и направо. У насъ еще тише, но подъ Ковелемъ есть села, гдѣ заколочена половина хатъ: хозяева вымерли. У насъ боленъ третій учитель, больна сестра милосердія. Докторъ и священникъ держатся какимъ то чудомъ. Хорошо хоть, что оспа медленно расползается, и не тяжела.

Наша школа закрыта, какъ и всѣ высшія начальныя училища въ губерніи. Для открытія ихъ нужно столько удосто-вѣреній и обязательствъ со стороны сельскихъ обществъ, что цѣль этихъ формальностей ясна всякому. Низшія школы переданы учителямъ — полякамъ — хотя^о польскаго населенія колеблется между 0 и 8 — полубезграмотнымъ, темнымъ людямъ, бывшимъ сидѣльцамъ винныхъ лавокъ или

безработнымъ шляхтичамъ, и они не учать, а что-то непрерывно демонстрируютъ передъ дѣтьми — что, ихъ скреть и забота.

Съ помощью уѣздныхъ и районныхъ властей помѣщики восстанавливаютъ полностью свои имѣнія — несмотря на то, что здѣсь — «Украина», несмотря на принятый польскимъ сеймомъ либеральный аграрный законъ. Отбираютъ у крестьянъ зерно, скотъ, мертвый инвентарь, мебель. «Закона» у насъ нѣтъ никакого, нѣтъ конституціи, нѣтъ права, нѣтъ суда. Это не администрація, а дружеское самоуправленіе польско-помѣщичьей Волини. Въ г. Изяславль собрался съѣздъ землевладѣльцевъ. Какъ водится, съѣздъ просилъ о казенныхъ субсидіяхъ и, какъ не водится, — о принудительной обработкѣ крестьянами помѣщичьихъ земель. Опытные люди говорятъ, что вообще такая обработка въ Рѣчи Посполитой невозможна, но въ частности слѣдуетъ увеличить свекло-сахарныя плантаціи, и что здѣсь нужно подуматъ...

Передо мною лежитъ объемистая связка съ приказами военныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей почти за полгода. Но тщетно ищу я въ нихъ либо указаній свыше, изъ центра, либо какой-нибудь послѣдовательности, либо заботы о населеніи. Здѣсь есть приказы о починкѣ дорогъ, о номерахъ на хатахъ, о злыхъ собакахъ, которыхъ слѣдуетъ сажать на цѣпь, о винокурахъ, которые дѣлятся прибылью съ администраціей. Есть — о принудительномъ курсѣ марки, которая должна ходить наравнѣ съ рублемъ, хотя цѣна ей не выше сорока копеекъ, о поддержаніи общественнаго спокойствія, о карахъ за пропаганду, о реквизиціяхъ, о смертной казни за дискредитированіе той же марки. И это все. А почты по прежнему нѣтъ и ея не будетъ. По прежнему считаетъ министръ финансовъ Рѣчи Посполитой, что прокормленіе арміи ничего государству не стоитъ, ибо она кормится отъ населенія. По прежнему голодаютъ судьи, почтовые чиновники и желѣзнодорожники. Войты не связаны съ

населеніемъ и боятся его. Начальники районовъ и уѣздные старосты, какъ патріархи, единолично рѣшаютъ дѣла отъ семейныхъ, гражданскихъ до уголовныхъ включительно. Система выкуповъ взаменъ кары примѣняется широко и стройно, ибо помѣщицы панки и паньчи продажны по самой натурѣ своей. Тихимъ вѣяніемъ проходятъ политическіе аресты, заключенія въ концентраціонные лагеря, искорененіе москвофильства и украинофильства и затѣмъ — искорененіе всякой вообще земщины. И на каждомъ шагу крестьянинъ, врачъ, фельдшеръ, учитель, священникъ слышатъ:

— Мы — покорители, вы — покоренные, горе вамъ, — слышатъ, правда, не въ столь поэтической, но за то въ болѣе конкретной формѣ, напоминаніе о Кузькиной матери, которая можетъ быть показана по поводу чего-нибудь и даже вовсе безъ повода.

Затишье — и подземные толчки далекихъ орудій. Спяція въ снѣгахъ степи и розовыя сосны княжескихъ имѣній, влекомыя мохнатыми, исхудавшими лошаденками. Колѣно-преклонные смерды графскихъ имѣній — и непреклонная жажда уже не самостоятельности, но самости въ душахъ этихъ смердовъ. Да, видимо, бываютъ такія затишья, передъ которыми отступаютъ и самые послѣдовательные и героическіе пацифисты. Нашъ убѣжденный пацифистъ, одинъ изъ умнѣйшихъ крестьянъ села, Илько, прослужившій жандармомъ больше шести лѣтъ въ Польшѣ, въ концѣ концовъ отрекся отъ своихъ «идей».

— Нѣтъ, этакъ даже мы себя не вели, помилуйте, — убѣдительно пѣлъ онъ высокимъ теноркомъ, всплескивая руками. — Развѣ мы не по писанному закону, или хотя бы не по правилу управляли? При нашемъ режимѣ чиновнику, обывателю или земледѣльцу жилось куда какъ просторно. Они же насъ приравняли къ скотинѣ...

— Вы бывали, Илько, въ Польшѣ въ дни, когда ее наша власть усмирала?

— Нѣтъ, не приходилось.

— Такъ вотъ то-то же. Теперь же время, когда имъ приходится насъ умирять. Они — побѣдители, мы — побѣжденные. Только и всего.

Тогда Илько разгорался отъ негодованія и его быстрые зеленые глаза темнѣли.

— Мы еще посмотримъ, кто кого...

Но я долженъ прибавить, что въ негодованіи отставного жандарма была лишь примѣсь оскорбленнаго національнаго самолюбія. З а с л у г а польской администраціи въ томъ, что она энергично воспитывала и будила элементарно-человѣческое самолюбіе и то, что марксисты называютъ к л а с с о - в ы м ъ с а м о с о з н а н і е м ъ. Она создавала вокругъ освобожденныхъ такую густую атмосферу отчаянія, въ которой самое жестокое убійство казалось оправданнымъ, въ которой зарождалось и росло погромное настроеніе противъ поляковъ односельчанъ, съ которыми люди прожили бокъ о бокъ десятки лѣтъ, не думая о томъ, что они — поляки.

Февраль. Хуторъ.

Разъ въ двѣ недѣли, а то и чаще, прїѣзжаютъ польскіе офицеры реквизиловать хлѣбъ. У насъ хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, разговоръ короткій. Селу приказъ: снести въ общественный амбаръ столько-то сотенъ пудовъ хлѣба, пригнать столько-то свиней, телокъ и пр. Но каждый разъ — надежда узнать что-нибудь о фронтѣ, Россіи, Европѣ. И разочарованіе: офицеры говорятъ только о себѣ. Одинъ хвалился тѣмъ, что работалъ какъ свой, въ большевистскомъ и петлюровскомъ штабахъ, провоцировалъ еврейскіе погромы, и еще кое-что. Кое-что сказано многозначительно. Другой занятъ исключительно наживой на поставкахъ и фальшивыми расписками. Третій любитъ почетъ. Четвертый ищетъ произвести впечатлѣніе разсказами о расправахъ съ врагами, нѣтъ числа потопленнымъ, зарѣзаннымъ и разстрѣляннымъ его отрядомъ. Пятый ласково допытывается, кто изъ сосѣдей неблагонадеженъ, у кого оружіе...

Вслѣдъ за реквизиторами идутъ обнищавшіе крестьяне, прошак и, изъ-подъ Ковеля, Славуты, Новгородъ-Волынска и Луцка: старики и дѣти, цынготныя женщины и сифилитики, сироты и отцы семейства, легкіе духомъ и удрученные, подростки юноши и дѣвушки, съ лихорадочнымъ румянцемъ

на худыхъ мученически-прекрасныхъ лицахъ, старыя еврейки и еврейчата, уцѣлѣвшіе послѣ безпощадныхъ погромовъ. И надо сказать правду, крестьянинъ не дѣлаетъ разницы. Напротивъ: тѣ самые, кто грабилъ еврейскіе дома въ Теофиополѣ, подаютъ и жалѣютъ — ибо до сихъ поръ никогда евреи не ходили по деревнямъ за милостыню.

Ахъ, какую яркую, ясную и нестерпимую красоту даетъ лицамъ лихорадка, истощеніе и бездомность! Ницета — тонкій рѣзчикъ по живому тѣлу и несравненный стилистъ. Она куетъ простую человѣческую рѣчь, дѣлая ее острой и окрыленной, какъ афоризмъ Ницше, какъ заключительная строка Монтэневскаго эссея. Послѣ, къ сожалѣнію, никѣмъ не подслушанныхъ мыслей замерзающаго на полѣ или истекающаго кровью солдата, кованная рѣчь погибающихъ отъ голода нищихъ — вѣроятно, самый нѣжный цвѣтокъ нашей культуры, съ ея благородной склонностью къ трагическому.

Вотъ гдѣ, въ Полѣсьѣ, Витебщинѣ и Волыни, среди разрытыхъ снарядами полей и заколоченныхъ хатъ, а не въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ могутъ поучиться стилю проповѣдники войны.

Польскія войска ушли впередъ. На фронтѣ не ладно. И это не ладно все тѣснѣе сближаетъ насъ, отрѣзанныхъ, съ Россіей и сглаживаетъ всѣ различія. Бьютъ — нашихъ. Паны отбираютъ свободу. Такъ просто, такъ просто... Объ этомъ говорятъ по хатамъ; молятся въ церкви; плачутся бабы и уже не мечтаютъ о царскихъ цѣнахъ на ситецъ. Нужно что-то другое. Парни говорятъ:

— Придетъ лѣто, подрастетъ рожь, уйдемъ...

Надо ждать ржи, ибо степь — безлѣсная.

На смѣну войскамъ пришла полевая жандармерія. Нежданно нагрянула, нагло и вмѣстѣ опасливо. Кордоны по

двѣнадцать — семнадцать человѣкъ въ шести-восьми верстахъ одинъ отъ другого.

Школа занята. Толстый вахмистръ съ бранью и угрозами отбираетъ у насъ кухонную плиту. Насъ съ инспекторомъ отгѣснили въ заднія комнаты, отобрали — съ привѣтливой улыбкой — мебель, лампы, карандаши, чернила, бритвенный приборъ, чай... На завтра вереницы дивчатъ тянутся съ утра съ молокомъ, яйцами, масломъ, пѣтухами; хозяйки несутъ подушки, одѣяла, перины, домотканные ковры. Ведутъ кабана на веревкѣ, и точатъ широкой ножъ. Что-то уже зарѣзано, ибо кухня завалена мясомъ, противный паръ подымается надъ котлами, сладко и тошно пахнетъ кровью, свѣжимъ саломъ и только что отошедшею жизнью. Домъ наполняется прислугой — дѣвушками по наряду. Нарядъ, саней въ пятнадцать, выѣзжаетъ въ лѣсъ за дровами. Нарядъ бородатыхъ крестьянъ съ пилами и топорами ждетъ этихъ дровъ. Все подтянуто. Все молчитъ, сжавъ зубы. Несутъ водку. Готовится пиръ. Спрашиваютъ о женщинахъ. И, конечно, находятъ ихъ. Угодливые изъ крестьянъ скалятъ зубы навстрѣчу панамъ и удивляются ихъ остроумію, одеждѣ и оружію — и ловкимъ ударомъ по братскимъ фізіономіямъ.

Кордоны эти покрываютъ густой сѣтью Волинь и Подолію. Они творятъ судъ и расправу, вмѣшиваются въ семейныя дѣла, наслѣдственныя тяжбы, личныя ссоры — и всюду берутъ выкупъ.

Они пьютъ, ѣдятъ, развращаютъ деревню, озлобляютъ ее, копятъ деньгу, отсылаютъ на родину награбленныя вещи, ловятъ своихъ же дезертировъ-армейцевъ, которые ихъ ненавидятъ, какъ всегда армія ненавидитъ жандармовъ и бьютъ, бьютъ своего же брата хлопа, бьютъ даромъ и за плату, щедро приносимую помѣщицкими руками. Лишь иногда вы видите въ глазахъ у этихъ мясниковъ пугливые волчьи огоньки. Въ глубинѣ души они не сомнѣваются: за такія дѣла единственная расплата — веревка.

Всѣ вокругъ знаютъ: деникинскій тылъ не лучше польской жандармеріи. Разница лишь въ томъ, что тамъ работаетъ русскій баринъ, а здѣсь преимущественно польскій смердъ. Но вѣдь верхи и тутъ и тамъ одинаково — республиканскіе. Крестьянскія головы упорно обомозговываютъ эту задачу. Лихіе учителя помогутъ — она будетъ разрешена...

Приказано приносить оружіе. Кто приноситъ, того бьютъ. Будутъ бить и того, кто не принесетъ. Поэтому лучше не принести и ждать. Крестьянинъ умѣетъ ждать: широкое у него и крѣпкое сердце.

Бьютъ по особому. Кладутъ на стулъ серединой туловища, такъ что ноги, голова и руки свѣшиваются по обѣ стороны. И стыдно, и больно, а со стороны и смѣшно.

Нашлись доносчики. Обыскъ по доносу для жандарма развлеченіе. Пьютъ водку, оскорбляютъ женщинъ, откладываютъ въ сторону, что поцѣннѣе. Хозяинъ собственноручно относитъ добычу въ школу, спускаетъ штаны и ложится. А потомъ платитъ — триста, четыреста рублей царскими за то, что мало били.

Еще одинъ источникъ дохода: отбираютъ лошадей брошенныхъ крестьянамъ отступавшими арміями взамѣнъ взятыхъ подъ обозъ лучшихъ. «Большевистская лошадь». Выкупъ — пять тысячъ царскими и водка. Этого крестьяне ужъ не могутъ снести, просятъ о заступничествѣ... Еще хуже стало отъ попытокъ усовѣстить грабителя: теперь вахмистръ не хочетъ выкупа, онъ долженъ поступать по закону.

Поляковъ-крестьянъ (вѣрнѣе, католиковъ, ибо часть изъ нихъ считаетъ себя украинцами, кромѣ фанатиковъ и мелкой шляхты) не бьютъ, не берутъ по наряду. Правда, не надолго. Съ одной стороны и у нихъ есть лакомые куски. Съ другой — они начинаютъ понимать, что будущее темно, крестьянская месть беспощадна, и просятъ возстановить равенство. Поздно. Многократныя смѣны власти — сито, ко-

торое отцѣживаетъ вѣрность отъ предательства. Последняго не мало. Но расплаты за него не миновать никому.

Послѣ попытки заступничества, крестьяне, боясь раздражить начальство, остерегаются насъ. Если приходятъ, то по вечерамъ. И на селѣ сходки стали рѣже. Официальная сходка воспрещены. Клубъ — погостъ церковный, кухня священника, окраина поля...

Одинъ изъ красныхъ рассказывалъ, что ночью прошла огородами большевистская развѣдка изъ трехъ человекъ. Шли изъ-за Ковеля, изъ глубокаго тыла арміи. Говорятъ, гніетъ Польша. Народъ не хочетъ воевать. И правда: число дезертировъ растетъ. Крестьяне ихъ прячутъ и кормятъ. Доносы рѣдки. Усталые и голодные тоже ждутъ лѣта, чтобы подросла рожь.

Тогда насъ уйдутъ сотни.

Завели до Днѣпра, земли не даютъ, населеніе насъ избиваетъ — довольно.

— Патріотовъ въ Варшавѣ искать надо, на фронтъ ихъ нѣтъ.

Сильна тяга къ миру, но ни силы, ни воли, ни воодушевленія не видно въ этихъ людяхъ. Картофельныя души — говорятъ крестьяне. Народная Польша спитъ тяжелымъ сномъ политическаго безсилія.

Мартъ. Село Волица.

Недалекое село — но крестьяне рѣзко отличаются отъ нашихъ. Дальше отъ Полѣся, съ его полувѣринымъ населеніемъ и остатками родового быта, ближе къ богатой и свѣтлой Подоліи. Крестьяне здѣсь смѣлѣе и умнѣе. И — примѣта послѣднихъ лѣтъ: чѣмъ они сознательнѣе, тѣмъ больше припасли оружія.

По дорогамъ — патрули. Опрашиваютъ, просматриваютъ документы. Дознаніе непремѣнно на польскомъ языкѣ. Иду въ обходъ, полями, но посерединѣ Волицы — кордонъ и застава. Сегодня особенно придирчивы: въ селѣ было убійство.

Объ убійствѣ двѣ версіи. Одна, официальная, попроще: психически-больной крестьянинъ набросился съ коломъ на жандарма и тотъ защищаясь убилъ его. По неофициальной дѣло гораздо колоритнѣе. Жена больного сблизилась съ однимъ изъ жандармовъ. Она часто жаловалась, что мужъ мѣшаетъ ей жить. Жандармъ ей помогъ — пулей, днемъ, середь улицы. Убитый лежитъ въ грязи, раскинувъ подъ рядомъ ноги. Люди къ нему не подходятъ — боятся, за то съ корыстнымъ любопытствомъ подбѣгаютъ собаки. На селѣ уныніе. Ждутъ слѣдственной комиссіи. Всякая комиссія —

палка о двухъ концахъ. Она можетъ въ поведеніи сумасшедшаго найти признаки бунта, и тогда расправа станетъ массовой, будетъ присланъ карательный отрядъ. Но можетъ и помиловать преступное село, въ которомъ водятся сумасшедшіе мужья и влюбленные въ жандармовъ жены.

Но въ общемъ нравы въ Волицѣ мягче, чѣмъ у насъ. Меньше бьютъ и грабятъ не такъ систематично. Правда, и здѣсь привилась манера подбрасывать оружіе. Когда рѣчь идетъ о крупной наживѣ, мягкость здѣшнихъ владыкъ отлетаетъ. Оружіе подбрасываютъ на дворъ, въ амбаръ или, что гораздо изысканнѣе съ точки зрѣнія слѣдователей, зарываютъ въ полѣ.

Такъ у богатого крестьянина М. пришли искать складъ оружія. Когда ему объяснили причины обыска, онъ помертвѣлъ: былъ увѣренъ, что гдѣ-нибудь оружіе у него да найдется, и зналъ, что сразу платить — не водится, надо пройти весь кругъ пытокъ. Сначала пытаются, чтобы указалъ, гдѣ скрыто оружіе. Потомъ бьютъ — за то, что не указалъ. Потомъ — чтобы указалъ сообщниковъ. Потомъ — чтобы не скупился. М. долго болѣлъ послѣ слѣдствія. Освобожденіе обошлось ему въ нѣсколько тысячъ романовскихъ рублей. Оружіе было зарыто въ его полѣ, въ верстѣ отъ деревни.

Подобный случай былъ и у насъ. Пострадалъ тоже богачъ — очень порядочный крестьянинъ, за котораго порусельскій сходъ. Его стоны не дали намъ спать полночи. Два въ теченіе ночи я уходилъ въ поле, чтобы не слышать, но ледяной вѣтеръ гналъ меня обратно. Утромъ его, почернѣвшаго отъ ударовъ прикладомъ, выкупили за три тысячи рублей.

Исподволь все образуется. Такъ и у насъ и въ Волицѣ создалась шкала преступленій и выкуповъ. Колебанія вверхъ значительны, но отъ опредѣленности стало легче жить. Чтобы не били безпричинно — отъ двадцатипяти до четырехсотъ рублей. Винтовка — по-

бои, арестъ на нѣсколько часовъ, четыреста — пятьсотъ рублей. Складъ оружія — три-четыре тысячи рублей. Наличность хорошей одежды или бѣлья — обыскъ, брань, запугиванье, нѣсколько пощечинъ и конфискація. Тайное винокуренье — половина продукта и половина доходовъ кордону. Изрѣдка — обыскъ, конфискація «самовара», побои, крупный выкупъ, трехъ-четырехъ-дневное куренье на территоріи кордона и полностью въ его пользу, а тамъ опять мирный трудъ. Освобожденіе вора, пойманнаго съ поличнымъ — три тысячи рублей. Однако, разслѣдованіе о кражѣ производится — ибо оно, кромѣ спортивнаго интереса, даетъ случай ущемить множество причастныхъ лицъ: пострадавшаго и его родственниковъ, свидѣтелей и ихъ родственниковъ, соучастниковъ и ихъ родственниковъ. Всѣ — въ чемъ-нибудь виновны, и всѣ откупаются.

Въ Волицѣ живетъ помѣщичья семья Р. — если ее можно назвать помѣщищей. Окрестные паны съ каждымъ взрывомъ революціи уходили съ мѣстъ и возвращались либо при гетманщинѣ, либо при полякахъ. Даже петлюровщина казалась имъ неудобной — не было простора для сведенія счетовъ съ крестьянами. Р. все время оставались на мѣстѣ. Старуха — мать и трое дочерей, безъ наемныхъ рукъ, безъ чьей бы то ни было помощи, вели несложное хозяйство, истово работая отъ зари до зари и прославляя эти зори, землю и трудъ. Старуха сама вырастила садъ, и онъ сталъ ея жизнью. Дочерямъ всѣмъ за сорокъ — онѣ высокія, сильныя, почти молодыя. Старшая В. — поэтесса, премированная Академіей, прожила странную полутрудовую, полуугарную жизнь. Теперь она — стряпуха, носитъ воду, дрова, кормитъ и бережетъ птицу. Она почернѣла отъ загара, у нея сильныя руки, босыя ноги бодро мѣсятъ грязь и тукаютъ

по кирпичному полу. Но по вечерамъ или въ праздничныя утра В. запирается на чердакъ, въ свѣтломъ огороженномъ углу и пишетъ. Нѣтъ чернилъ, бумага — чистые листы, вырванные изъ книгъ, нѣтъ надежды увидѣть книги свои въ печати, лирической даръ изсякъ, осталась — проза, и В. сходитъ внизъ отуманенная, со злою горечью въ глазахъ и словахъ. Жить и писать, писать и жить, а тутъ уходятъ мѣсяцы, мѣсяцы. Но съ началомъ труда — яснѣютъ глаза, спокойнѣе ходятъ руки. Еще усиліе, поможетъ въ немъ солнце, зацвѣтающія деревья, вечерній шумъ елей и липъ — и вопреки всему приходятъ радость и миръ.

Еще больше въ трудѣ — Н. Она стройная, съ рѣдкими сѣдыми нитями въ густыхъ волосахъ, въ хитонѣ грубаго полотна. Н. — защита для крестьянъ передъ властями. Она открыла школу, устроила читальню, къ ней ходятъ за советомъ и съ покаяніемъ. Она знаетъ всѣхъ и все на селѣ — для себя, другимъ не говоритъ, слегка надъ всѣмъ иронизируетъ, слегка тоскуетъ, ибо глядитъ поверхъ жизни въ поискъ цѣльнаго ея рисунка. Она съ утра до вечера въ полѣ, одна или съ крестьянами. Оттого отъ ея ладоней, стройныхъ ногъ и волосъ пахнетъ землею, въ рукахъ у нея, когда идетъ съ работы — вѣтка съ клейкими листочками. По вечерамъ она, несмотря на утомленіе, далеко уходитъ въ поля,* и стоитъ и слушаетъ — одновременно своя и чужая здѣсь. Третья Е. — ироническая, шуткою отгоняющая трудности и уравновѣшенная. В. — огромный комъ земной плоти, съ огонькомъ поэтического дара и безконечною жадностью къ конкретнымъ радостямъ жизни. Н. — знаетъ страсти, но легка; любитъ землю, но готова покинуть ее. Такъ — въ полукрестьянскомъ домѣ, въ потѣ труда, иногда впроголодь, иногда въ жестокой апатіи — цвѣтетъ человеческій духъ, и сила его запечатлѣвается вокругъ. Волицкія отношенія иныя, чѣмъ отношенія сосѣдей. Здѣсь — служитель духа нашель свое мѣсто, и мѣсто это признано за нимъ.

Хуторъ.

Въ деревнѣ Поляховой, въ двухъ верстахъ отъ насъ, послѣ массового истязанія крестьянъ, раны наиболѣе упорныхъ были присыпаны солью. Я видѣлъ жандармовъ, когда они, взволнованные своею работою, съ пѣснями, съ гикомъ, съ пьяными глазами и съ награбленною добычею, возвращались домой изъ П. Вечеромъ они хвалились тѣмъ, что въ Галиціи, возлѣ Стрыя, гдѣ хлопы болѣе упарты жгли ихъ каленымъ желѣзомъ.

•

Напряженіе все больше. До сихъ поръ ни я, ни М., ни докторъ, ни Л., наша сестра милосердія, — никто не понималъ, что можно взять ружье въ руки, спрятаться въ кусты и бить по людямъ. А теперь всѣ мы это поняли и — допускаемъ. Я же ловлю себя въ безсонныя ночи, когда стонъ истязуемыхъ, долетающій изъ-за стѣнки, не даетъ забыть-ся — ловлю себя на мечтаніяхъ о томъ, какъ невзначай придутъ наши, какъ кордонъ будетъ взятъ ими врасплохъ, и какъ никто не уйдетъ живымъ... Если они меня такъ воспитали, эти охранители порядка демократической республики

польской, то что дѣлается съ крестьянами? И еще на одной мечтѣ ловлю я себя. Школа — такъ школа. Нехорошо, глядѣть, какъ бьютъ другихъ. Лучше бы и самому испробовать нагайку. Я говорю себѣ:

— Ударъ нагайкой, или пощечину. А тогда посмотримъ: возьмешься за ружье или все еще будешь ждать?..

Я знаю, что надо ж д а т ь , и когда приходятъ разъяренные униженьями крестьяне говорить о возможности возстанія — я же ихъ удерживаю отъ него. Но доколѣ?

Мѣстечко Теофиполь.

Здѣсь есть интеллигенція, врачи, адвокаты, отставные офицеры. Связи съ Кременцомъ, съ Луцкомъ, съ Варшавою. Уѣздный староста, баронъ Б., извѣстенъ своею «гуманностью». Уѣздъ оккупированъ раньше нашего, и безъ всякаго сопротивленія. Но картина та же. Аптекарь трепещетъ. Сапожникъ — израненъ, у него конфисковали жандармы кожу. Въ лавкахъ — приходятъ, берутъ, что заблагоразсудится, грозятъ погромомъ и уходятъ. Въ Кременцѣ — такъ называемое «информаціонное бюро», откуда допрашиваемыхъ выносятъ на носилкахъ. Торговля почти невозможна изъ-за поборовъ на шоссейныхъ заставахъ.

Арестуютъ украинофиловъ, москвофиловъ, студентовъ-евреевъ, крестьянъ-комитетчиковъ и просто людей, слывающихъ независимыми. Битье — холодное, размѣренное, презрительное; истязатели такъ холодны, что даже въ работѣ своей не находятъ удовольствія. Смѣсь національно-классовой мстительности со страстью къ наживѣ, лихорадочная поспѣшность накопленія вещей и денегъ, игра во власть — не люди, а какіе-то національно-польскіе мелкіе бѣсы, изъ которыхъ, кажется, если проткнуть, вода польется, до того они пусты, надуты, никчемны, нечеловѣчны.

Приѣзжая въ Т., я стараюсь ни съ кѣмъ не встрѣчаться, кромѣ болѣзненнаго, тихого сжавшагося отъ жесткости окружающей жизни бундовца Ш. Онъ день ото дня слабѣе, кашляетъ, свинцовыя тѣни лежатъ у него на вѣкахъ, и, какъ маніакъ, грезитъ Америкой, гдѣ, конечно, есть братъ, откуда пришлютъ шифскарту, и онъ поѣдетъ, поправится и отдохнетъ. Я рассказываю ему о томъ, что видѣлъ на хуторѣ. Онъ — о томъ, что видѣлъ въ Кременцѣ или о чемъ читалъ въ газетахъ. Я говорю, что нельзя сидѣть сложа руки, надо бороться. Онъ — что бороться некому и не съ кѣмъ, и что не можетъ быть большаго несчастья, чѣмъ незначительное мѣстное возстаніе, которое дастъ полякамъ поводъ расправиться и съ евреями и съ крестьянами.

— Можетъ быть, поѣхать въ Варшаву?

— Не поможетъ.

— Но сеймъ, социалисты, газеты?

— Не помогутъ. Вы думаете, что они ни о чемъ не знаютъ? Вѣдь та же бессмыслица и тѣ же преступленія — отъ Вильны и Минска до Каменца-Подольскаго. Солятъ? Слава Богу, что не жгутъ. Жгутъ? Слава Богу, что не зажариваютъ до смерти. Чего же вамъ еще? Это не предѣлъ. Но — когда дойдемъ до предѣла, тогда не нужна будетъ защита. Каждый самъ будетъ знать, какъ помочь дѣлу — польется кровь...

Въ самомъ дѣлѣ, отчего не возстаютъ крестьяне? Оттого, что предѣлъ терпѣнія еще не перейденъ; оттого, что Волянь отравлена рабствомъ, всѣми этими Сангушками и Потоцкими, которые когда-то отрубали уши повстанцамъ, остерегаясь убивать необходимый для хозяйства двуногій скотъ; оттого, что у насъ нѣтъ лѣсовъ и бандамъ некуда прятаться; оттого, что рожь въ мартѣ едва зеленѣетъ и не можетъ покрыть бѣглеца; и оттого, что расправы поляковъ съ повстанцами такъ жестоки — въ Подоліи уничтожены огнемъ или вырѣзаны цѣлыя села — что нѣтъ духу безъ вѣры въ удачу подняться.

Апрѣль. Изяславль.

Бду на развѣдки, возможно ли получить заграничный паспортъ. Торговцы ѣздятъ въ Тарнополь и Варшаву за товаромъ, и говорятъ, будто нѣмецкая граница закрыта, нѣтъ изъ Польши проѣзда.

Добраться бы до Варшавы, а тамъ — два пути: либо въ Германію, либо черезъ Минскъ или Ригу въ Россію. На фронтъ надежды мало. Мы устали отъ слуховъ, а пушечная пальба давно затихла на востокъ и сѣверо-востокъ отъ насъ.

Городъ И. — источникъ экономической политики уѣзда. Творятъ ее мелкіе шляхтичи, управляющіе имѣніями, скупщики хлѣба, приказные изъ мѣщанской шпаны и жандармскіе офицеры изъ разорившихся пановъ. Лозунги ея: бей жида, грабь хлопа и бойся бунта; но если бунтъ случится, рѣжь праваго и виноватаго. Я жалѣю, что человѣческое искусство не обладаетъ средствами для передачи выраженія глазъ уѣздныхъ владыкъ. Злоба, страхъ, восторгъ власти, сознаніе основного своего ничтожества, готовность бѣжать безъ оглядки, готовность вздернуть человѣка на висѣлицу, національный пафосъ — и чувство непобѣдимой силы этихъ ненавидимыхъ хлопства, революции, Россіи... Становой царскихъ временъ показался мнѣ мечтой и очаровательнымъ при-

митивомъ послѣ получаса дѣловыхъ разговоровъ съ этими нервными фантастическими проходимцами въ шитыхъ золотомъ мундирахъ.

Здѣсь же въ И. продовольственное бюро, куда крестьяне свозятъ и з л и ш к и. Здѣсь же гнѣзятся крупные торговцы хлѣбомъ, къ которымъ везутъ отобранную у крестьянъ добычу помѣщики. Вольная продажа хлѣба воспрещена. Нельзя, не уплативъ выкупа сторожащимъ на дорогѣ жандармамъ, провести на базаръ пять-шесть пудовъ ржи, если везетъ крестьянинъ. Но можно обозомъ доставить въ Шепетовку или въ Ровно десять тысячъ пудовъ ржи, если везетъ помѣщикъ. Пудъ мужицкаго овса — восемь марокъ. Пудъ помѣщичьяго — судя по мѣсяцу, отъ 60 до 120 марокъ. Въ ожиданіи сеймоваго закона о реквизиціяхъ, помѣщики съ весны уже продаютъ на корню урожай. Груба крестьянская жизнь, — но во сколько разъ грубѣе помѣщичья. Содратъ — во время утечи, и все. Развѣ еще увести съ собою лошадей для параднаго выѣзда... Чтобы содрать нуженъ «жидъ», «факторъ», ибо панъ раньше всего хозяйственно-бездаренъ. Поэтому «жида» бьютъ — но не до смерти. До смерти — только передъ уходомъ, когда не нужна уже его мошна. И этотъ гонимый «жидъ», факторъ, совѣтчикъ, посредникъ волею судьбы наперсникъ безмозглаго пана. Съ одной стороны ему рвутъ бороду и публично грозятъ кастраціей, въ вагонѣ, на вокзалѣ, на людной площади или въ пріемной, — съ другой, взявъ дорогой выкупъ, ему даютъ пропускъ, право выѣзда, мужицкія даровыя подводы, — все, что нужно для торговли посреднику и купцу. Въ наши дни этотъ наперсникъ поднимавъ надъ степью чуткій носъ, слушаетъ: не тянетъ ли пороховою гарью большевистскихъ фузей? Не тянетъ, значитъ помощью военного польскаго интенданта удесятерится — или разомъ ухнетъ капиталъ. Своеобразная кооперація стервятниковъ, гдѣ всѣ презираютъ другъ друга, гдѣ производитель и представитель государства во власти лишеннаго гражданскихъ правъ посредника. Но приходитъ переворотъ,

одинъ изъ множества. Панъ бѣжитъ. Бѣжитъ интендантъ. Факторъ либо теряетъ все — почти... все, конечно — и начинается сначала, либо всплываетъ еще выше въ качествѣ поставщика новой арміи. Пока гарью не пахнетъ. Варшавская же власть дала популярный отзывъ: грабъ, кто можетъ и лѣзь на верхъ соціальной лѣстницы, забывая о томъ, что на этомъ верху не всегда почетъ, иногда и петля, сплетенная руками «красныхъ хамовъ».

Въ И. узнаю, что принудительныя работы на помѣщичьихъ свекловичныхъ плантаціяхъ, площадь которыхъ увеличена раза въ полтора противъ довоенной нормы, будутъ продолжены вплоть до вывоза свекловицы съ полей на заводы.

— Государственная необходимость.

— Вѣдь это, вы понимаете, — сахаръ.

— Безъ кнута мужикъ не хочетъ работать.

Еще узнаю, что рѣшена реквизиція хлѣбныхъ излишковъ въ хозяйствахъ свыше десяти десятинъ. Въ сеймъ законъ въ этой редакціи не вносился. Но Галиція и Украина — внѣ закона. Ибо о какихъ излишкахъ можно говорить, когда реквизиціи, возрастая непрерывно и касаясь всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ безъ изъятія, доросли до 2000—2500 пудовъ за разъ на село съ населеніемъ въ 1200—1400 душъ. Въ теченіе зимы каждое крестьянское хозяйство отдало въ нашихъ мѣстахъ 10—12 пудовъ разнаго хлѣба, большею частью по бессмысленно-низкимъ цѣнамъ, часть — подъ фальшивыя расписки военныхъ мародеровъ. Къ тому же въ эти данныя не входятъ помѣщичьи убытки, взыскиваемые, по послѣднему слову финансовой науки, больше товаромъ, чѣмъ деньгами.

Встрѣча съ украинскимъ социалистомъ-революціонеромъ Р. Одинъ изъ немногихъ не ушелъ изъ губерніи, а по ста-

ринкѣ, какъ въ царскія времена, переходитъ изъ села въ село, дразня жандармовъ неуловимостью. Отъ близости къ крестьянамъ растерялъ всѣ тезисы, нащупываетъ какую-то среднюю линію, на которой не сегодня-завтра свернетъ шею, какъ это уже случилось со многими. По кличкѣ — социалистъ. По дѣламъ — давно не социалистъ. Какъ будто — «самостійникъ». Но одновременно не прочь связаться и съ Россіей, если, конечно, и т. д.

Я говорю ему, что мнѣ, пришлому, трудно судить о глубинѣ тяги украинцевъ къ самостійности; что никто въ новой Россіи не подыметъ руку на большой, упорный народъ; что подозрительна несговорчивость украинцевъ, — съ кѣмъ только они не боролись: съ нѣмцами, съ деникинцами, съ гетманомъ, съ махновцами, съ большевиками, съ поляками и, наконецъ, съ петлюровцами... Эта несговорчивость не можетъ быть національной — она классовая, въ ней — упорство не гибкаго мелкаго собственника, осознавашаго свои вольности...

Агитаторъ смѣется.

— На этотъ счетъ я знаю не больше вашего. И, конечно, наша война противъ всѣхъ — и въ союзѣ со всѣми, вѣдь какихъ, какихъ только союзниковъ у насъ не было — скорѣе крестьянская война, чѣмъ національная. Самостійность у насъ, какъ коммуна у большевиковъ, — только лозунгъ на знамени. На дѣлѣ не будетъ ни самостійности львовскихъ газетъ, ни коммуны, о которой ваши газеты разумно замолчали, за то не въ свою голову кричатъ проѣзжіе агитаторы и головорѣзы — начальники мелкихъ бандъ, точно нарочно, чтобы растравить народъ и испортить краснымъ всѣ ихъ украинскія затѣи. Лозунги — только лозунги — въ нихъ историческій запросъ, вѣрить же въ нихъ слѣпо можно было развѣ десять лѣтъ тому назадъ. Отъ Христа съ его запросомъ къ умѣренному папѣ, отъ Толстого — къ Гусеву и Черткову. Но запрашивать надо, ибо безъ Христа не было бы и папы, а Гусевъ и Чертковъ, перенявшіе у Толстого, вмѣ-

сто духовнаго роста, — ведро, которое умный старикъ самъ таскалъ въ бурьяны, все-таки лучше съ этимъ ведромъ, чѣмъ безъ него... Важно кто соберется подъ знаменемъ, и что смогутъ сдѣлать... Народъ нашъ будетъ жить; и пѣть будетъ; и языкъ сохранить; и свитку не скоро скинетъ; и десятокъ Пимоненокъ на свѣтъ произведетъ, чтобы малевали чернобровыхъ дивчатъ въ академіи мистецствъ; ни Деникинъ, ни поляки этого добра не осиятъ, а большевики его не трогаютъ и не тронутъ. Большевики покушаются на наши хозяйственные навыки. И тутъ осѣкутся. Хороводомъ у насъ только паробки съ дивчатами ходятъ, мужики же норовятъ въ одиночку, хуторкомъ, сторонкою. Мелкобуржуазны — были и будемъ. До социализаціи копей и заводовъ мало намъ дѣла. Даже отхожихъ промысловъ не знаемъ. Ибо не промысль сбѣгать на плотяхъ по Днѣпру на Херсонщину и привезти оттуда баржу кавуновъ...

— Коммуна, какъ лозунгъ, пошла у насъ на пользу реакціи, и потому вредна. Что она сдѣлала у васъ, въ сельской Россіи, не знаю. Боюсь, что и самостоятельность тоже служитъ реакціи. То ли перегустили ее, то ли вырвали изъ цѣльнаго сознанія народнаго и пустили нагишомъ по свѣту. Былъ моментъ, годъ тому назадъ, когда Украина, съ умѣреннымъ аграрнымъ закономъ и духомъ соглашательства въ политикѣ была бы добрымъ килемъ въ общемъ російскомъ плаваніи. Но моментъ былъ упущенъ. Массы, идущія за самостоятельными, не велики и не за ту самостоятельность, что на знамени сражаются. Сказать правду, мы не очень этимъ огорчены... Бѣда Украины въ томъ, что ей приходится жить компромиссомъ, всегда стараясь показать, что это вовсе не компромиссъ. Когда-то Турція, потомъ Москва, теперь Польша. Вѣдь и мы, и поляки знаемъ, что наши соглашенія — система наслаивающихся обмановъ. Они мечтаютъ руками украинскаго быдла разбить большевиковъ, потомъ надѣтъ быдлу ярмо, продавать его хлѣбъ. Мы мечтаемъ стать державою, укрѣпить армію, взять Черное море, сговориться съ

Россіей и бить поляковъ. И они не скрываютъ, и мы не скрываемъ. Этакая грязь... Другая бѣда Украины въ томъ, что силы ея распылены. Партіи? Слишкомъ ихъ много, и всѣ зачарованы какими-то несущественными мелочами: однѣ боятся безъ націонализма обойтись, другія хотятъ Москву переплюнуть, хотя на дѣлѣ мечтаютъ о равнодѣйствующихъ. Мы тужимся сбросить отжившія личины, тутъ, какъ коро-ста — правительства изъ политическихъ кустарей, изъ политиковъ по ремеслу. Въ такія времена, какъ наши, правительства должны быть построены на лозунгахъ — на историческомъ запросѣ. Запросивъ много, они должны учиться уступать — до тѣхъ поръ, пока устойчивое равновѣсіе не дастъ возможности запросить на-ново. И шагъ назадъ, отъ революціи — ремесленная, внѣпрограммная, реальная политика. Потомъ, о какой реальной политикѣ можно говорить, когда въ тылу у этихъ кустарей нѣтъ ни сильной арміи, ни сплоченной страны. Такъ вотъ, и нѣтъ у насъ другой почвы, кромѣ живого упорства народа нашего, который славно дерется, и выбьется какъ изъ полосы ремесленныхъ компромиссовъ, такъ и изъ полосы революціонной лихорадки и запроса. То-есть сдѣлаетъ то, чего мы, украинскія партіи, сдѣлать не сумѣли... Совѣтовъ мы не боимся. Совѣты — прекрасная школа для народа. Но боимся московскаго деспотизма, боимся, что совѣты у насъ будутъ не свои...

Ѣдемъ изъ города съ тишайшимъ Степаномъ. Степанъ робокъ и не богатъ, въ городѣ — одинъ разъ за три года; событіе. Все есть въ городѣ, хоть строго стало, и фронтъ близко. Степанъ начиненъ, какъ вареникъ вишнями. Коммунисты начинили Ленинымъ, самостійники — Петлюрою, поляки — даже не скажешь чѣмъ, но чѣмъ-то и они начинили.

Ѣдемъ медленно на тряскомъ возу по липкой апрѣльской грязи. Мгла, за мглою солнце, темень очеркъ полей, не-

движны мельницы, недвижны стада, сталъ степной кругозоръ. Петлюра — игра, поляки — хлысть, Ленинъ — надо все изломать и всего лишиться; такъ считаетъ Степанъ.

Я говорю о своемъ, Степанъ о своемъ. Дремотно и томительно; тающій въ дремѣ мозгъ слагаетъ примиренный узоръ изъ крайностей, изъ того, чего хочется, и того, чего никогда не будетъ. Чудится отъ дремы и отъ степи, будто тихонько открывается покрывало Изиды простонародья, все видишь и разумѣешь...

Самостійность, не самостійность, какого черта! Застрявъ въ черноземной колдобинѣ, ждемъ, пока вздохнуть мохнатая, какъ телята, лошаденки; отъ толчка и стоянія, покрывало задернулось. Ахъ, о чемъ тутъ гадать! Дѣло не въ Ленинѣ, не въ Петлюрѣ, а въ Степанѣ. Степанъ все знаетъ. Правда, онъ — «мелкобуржуазенъ», не видитъ дальше своего плетня и, строго говоря, ужасно при своей кротости глупъ, но... толчокъ, скрипитъ, накренясь, возъ, трусятъ лошадки. Пусть грозитъ Ленинъ владычною своею рукою, пусть знаетъ свое и смотреть на тысячи верстъ впередъ: Степановъ плетень на мѣстѣ, кому уступить, плетню или Ленину?

Еще колдобины, опять стоятъ лошади, опять чмокаетъ Степанъ, маячатъ хаты деревень, топорчатся черныя мельницы, бѣлѣютъ стада, стоитъ кругозоръ. Да, Степанъ мелкобуржуазенъ, рубить чужой лѣсъ, жжетъ чужой домъ, своего и пылинки не уступить. Хорошо бы распалить его, раскачать и пустить безъ путей. Куда повалить, чѣмъ станеть? Онъ ничѣмъ еще, какъ своимъ, не пренебрегалъ, ничего своего не жегъ, надъ всѣмъ дрожалъ. Онъ никуда еще не шелъ, и не знаетъ, что люди вообще ходятъ. Каменная скифская баба.

Глубоки колеи волынскаго шляха, не своротишь...

Хуторъ.

Все то же. Наше село обобрано, начали жандармы промышлять мелочами. Выбиваютъ у крестьянъ золотыя и серебряныя монеты. Вчера семидесятилѣтняго М., скрягу и богатѣя, увезли въ больницу — не хотѣлъ разстаться съ хорошенькими «печыками» (золотыя пятирублевки). Били его середь улицы, таща въ хату. Умный старикъ кричалъ:

— Хоть убейте, въ хату не пойду. Пусть люди видятъ.

Боялся, что вплотную примутся — и выдастъ, гдѣ кладъ. У С. отобрали серебра на рубль сорокъ копѣекъ. У Т., молодоженовъ, ручки съ образа. У другого Т. — дѣтскіе штаны и бабы тряпки. Жандармъ обокралъ жандарма, но обвинили полуидіота В. Грозились повѣсить. Мы послѣ тщетныхъ уговоровъ и угрозы жаловаться, малодушно ушли изъ дому, чтобы не слышать криковъ. На утро перевязывали В. раны: колотыя и рваныя, не считая кровоподтековъ. Братъ его внесъ у к р а д е н н ы я деньги.

По вечерамъ, когда стемнѣетъ, кордонъ навѣщаютъ окрестные помѣщики. На утро же, чуть свѣтъ, снаряжаются по ихъ указаніямъ экспедиціи. Подъ вечеръ — возы добычи, бѣлье, одежда, ковры, деньги, кабаны и телята, окровавленные руки, злое веселье. Въ селѣ Л. до полусотни из-

битыхъ. Въ Кр. — тоже. Въ См. и С. есть раненные. Въ Н. С. пришлось такъ худо, что крестьяне — будь, что будетъ — послали ходоковъ въ уѣздный городъ. Начинаютъ грабить по дорогамъ. У проѣзжаго еврея отобрали фрукты и сушину, сахаръ, медъ, соль, табакъ. Крестьяне ѣздятъ полевыми дорогами, кружными путями.

Духовенство сначала радовалось полякамъ: будетъ порядокъ и почетъ. Теперь и оно призадумалось, каждый по разному. Одного оскорбили солдаты. Другой связанъ десятилѣтіями общей жизни съ крестьянами. Въ третьемъ ожила національная гордость: «русскіе» мы все-таки, «украинцы» мы, «волинскіе», чего же ляхи измываются надъ нами? Въ четвертомъ — чувство справедливости. Въ пятомъ страхъ народнаго бунта и расплаты.

Въ Кр. отобрали церковь — руками жандармовъ. Иконы женщины разнесли по хатамъ. Престоль разобрали.

Говорятъ о введеніи уніи. Унія пугаетъ священниковъ меньше, чѣмъ гражданское безправіе. Духовенство пріободрилось, кромѣ немногихъ — и какъ разъ нерелигіозно настроенныхъ священниковъ.

Примемъ унію, трогать не будутъ, говорятъ «вѣрующіе».

Вообще говоря, священники нерелигіозные — я не говорю объ исключеніяхъ — лучше тѣхъ, кто слыветъ религіозными. Есть среди первыхъ безсребренники, граждански-мужественные и чистые люди. Сторонники уніи — тѣ, кто вѣритъ въ долговѣчность польщизны и скушаетъ по твердой власти, или просто корыстные люди. Послѣднихъ — большинство.

Пусть хоть магометанство, только бы покой и порядокъ...

А церкви продолжаютъ отбирать. Въ Кр., въ Лях., въ С... И разсылаютъ опросные листы, изъ которыхъ видно, что

предполагается сокращеніе приходо́въ. Крестьяне въ большинствѣ равнодушны. Религіозность есть, но она загнана внутрь и давно, вѣка, плыветъ мимо церкви и пастыря. Ея не видно. Проглянетъ гдѣ въ преступленіи, гдѣ въ безпутствѣ, гдѣ въ любви, гдѣ въ строгой чистотѣ, гдѣ въ раздумьѣ, безъ формъ и молитвъ, гдѣ въ предсмертный часъ.

Принудительная обработка свекловичныхъ плантацій. Въ два часа ночи поднимаютъ крестьянъ — подво́дь тридцать, сорокъ на село. Съ шести они стягиваются на выгонъ. Въ девять вахмистръ, напутствующій ихъ, еще завтракаетъ съ помѣщичьимъ приказчикомъ. Въ десять трогаются. Сколько рабочихъ дней уйдетъ на полотьбу, пропашку, чистку, сборъ?

Пришелъ изъ Подольской губерніи подполковникъ П. Былъ петлюровцемъ. Теперь — молчитъ. На югѣ въ районѣ Н. Ушицы и ближе къ Днѣстру, къ Студенцу — хуже, чѣмъ у насъ. Крестьяне тамъ предприимчивѣе, есть лѣса, ближе фронтъ, чаще мелкія и крупныя возстанія, и терроръ злѣй. П. рассказывалъ о запоротыхъ крестьянахъ, о высѣченныхъ и разстрѣлянныхъ священникахъ, о постоянныхъ, крѣпко сколоченныхъ висѣлицахъ, о преслѣдованіи русской и украинской интеллигенціи...

Села горятъ и у насъ, и въ Подоліи, и въ Кіевщинѣ. У насъ — подѣ Шумскомъ, подѣ Славутой, возлѣ Проскурова, жгутъ и жгутъ. И тогда слышно, какъ вооружена деревня: въ огнѣ рвутся ручныя гранаты и патроны. Подѣ Проскуровымъ крестьяне расправились съ карательнымъ отрядомъ — нѣсколько сель сравнено съ землею. Уѣздные администраторы грозятъ крестьянамъ огнемъ, евреямъ — по-

громомъ. Но творять все то же. И день ото дня всѣ мы, крестьяне, богачи, бѣдняки, учителя, безработные чиновники, дѣйствительно близимся къ предѣлу; дни какъ ярмо, сонъ тяжель и коротокъ, ходишь-ходишь по межѣ, или слѣдишь изъ окна, какъ бьютъ, какъ смѣются, какъ обнимаютъ дѣвокъ, какъ дарятъ имъ награбленное, какъ охорашиваются въ новыхъ нарядахъ, скосивъ набекрень конфедератки.

Проходятъ большевистскія развѣдки; говорятъ, что скоро, скоро... Проходятъ странники; говорятъ, на Литвѣ, въ самой Польшѣ, около Вильны и Минска, по всей Украинѣ то же, что и у насъ...

Продолжаются взысканія убытковъ.

Генераль П., нашъ сосѣдъ, котораго крестьяне въ свое время выкупили изъ тюрьмы и спасли отъ смерти, до сего дня взыскалъ: долю урожая 1918 г.; долю урожая 1919 г., дополнительную долю урожая 1919 г. — сверхъ половины которая даже по польскимъ обычаямъ причиталась крестьянамъ, ибо земля помѣщичья была ими обработана и засѣяна; % за всѣ старые долги, о которыхъ только онъ, П., помнилъ; разницу въ цѣнѣ за дешево проданный крестьянамъ въ 1918 г. хлѣбъ сравнительно съ нынѣшнею цѣною — при томъ нужно упомянуть, что дешевизна продажи была актомъ благодарности за выкупъ изъ тюрьмы во времена мѣстной «Шишковской республики»; стоимость пропавшихъ вещей; стоимость уведенныхъ лошадей; стоимость ремонта разореннаго проходящими войсками дома. Что можно еще взыскать?

Нѣсколько дней тому назадъ П. по соглашенію съ жандармами, собралъ сходъ. Участниковъ его заперли въ школѣ. Особо указанныхъ лицъ, развели по домамъ и били безъ свидѣтелей, нѣкоторыхъ до потери сознанія. Затѣмъ предъявили требованіе объ уплатѣ опредѣленныхъ суммъ. Били

дубинками пальца въ три толщиною, вырѣзанными въ школьномъ саду. Немолодая уже М. пришла пошатываясь къ нашему доктору, и отлеживается у него въ комнатѣ. Рубцы останутся на всю жизнь. Ф. пострадалъ еще тяжелѣе. И. М. и Ф. во время аграрныхъ волненій скрывали у себя племянника генерала П. Когда кто-то изъ насъ навѣстилъ Ф., онъ, трясясь отъ тоски, безсилія и злобы, говорилъ:

— Жалѣлъ, пряталъ щенка. Отблагодарили. Нельзя ихъ оставлять, всѣхъ начисто надо...

Люди оправились понемногу отъ бани и заходятъ съ разсказами. Стыдно смотрѣть имъ въ глаза. Наши спины цѣлы, и лица не тронуты. Здѣсь въ деревнѣ все конкретизируется: политика, соглашенія, республиканскія идеи, мораль. Конкретизируется и чувство круговой поруки.

Въ селѣ Кр. помѣщикъ Ю., выходецъ изъ народа, обложилъ крестьянъ данью по 600 романовскихъ рублей отъ двора. Но такъ какъ онъ уберегъ ихъ отъ карательныхъ экспедицій, то сверхъ денегъ одаренъ еще благодарственнымъ адресомъ отъ имени схода. Показываетъ его съ гордостью.

Въ селѣ С., имѣющемъ счастье граничить съ четырьмя помѣстьями, тоже выходецъ изъ народа помѣщикъ Т. обложилъ крестьянъ данью въ размѣрѣ 1.100.000 романовскихъ рублей за частныя порубки въ лѣсу площадью около восьми десятинъ. Въ среднемъ на избу пришлось около 2000 рублей. Часть этой суммы онъ предложилъ начальнику мѣстной команды за труды по взысканію. Сумма была такъ несуразно велика, что ее отказались взыскать. Крестьяне пострадали тѣлесно, но не денежно, — какъ деликатно выразился С-скій лѣсникъ.

Въ селѣ Д. помѣщикъ М., родственникъ мирового судьи и виднаго уѣзднаго администратора съ юридическимъ образованіемъ, взыскалъ съ крестьянъ тройную дань: въ пользу свою, въ пользу управляющаго и арендатора. Тутъ же взялъ свою долю и карательный отрядъ.

И т. д. И т. д.

Всего не записать. Но «бунтъ въ К.» — незаурядное дѣло. И по колориту, и по количеству жертвъ.

Крестьянинъ Т., неуравновѣшенный полутолстовецъ, полувизіонеръ, сговорился съ крестьяниномъ изъ С., того самаго села, что обречено на сосѣдство съ четырьмя помѣщиками, разоружить и плѣнить стоявшій въ К. и не меньше другихъ разбойничавшій кордонъ. Сговорившись, привлекли третьяго.

Вечеромъ, когда стемнѣло и жандармы притихли въ домѣ, Т., приперевъ снаружи парадную дверь костылемъ, прокрался въ домъ и повѣдалъ жандармамъ, что фронтъ прорванъ, что большевики заняли село и приближаются къ усадьбѣ.

— Придутъ, сами знаете, что будетъ. Не хотите смерти, бросайте оружіе. Я васъ выведу.

Въ это самое мгновеніе подъ окнами, у параднаго крыльца, раздались громкіе голоса и возня. Одинъ голосъ командовалъ:

— Смирно. Окружай домъ. Впередъ.

Другой:

— Устанавливай пулеметъ. Наводи.

Все это, конечно, весьма не московскимъ говоромъ.

Если бы нападеніе не было такъ неожиданно, и спаситель не такъ убѣдителенъ, вѣроятно, хотя одинъ изъ жандармовъ кинулся бы къ окну, и убѣдился въ томъ, что враговъ только двое, а вмѣсто пулеметовъ стоитъ распряженный возъ. Но на дворѣ было темно, гибель казалась неизбѣжной. Побросали оружіе, погасили огни, вышли гуськомъ черезъ заднюю дверь и полями пробрались къ лѣсу графа Г. Здѣсь ихъ нагнали сообщники Т. Въ лѣсной сторожкѣ жандармовъ заперли и приставили къ нимъ стражу въ видѣ хромого, плохо вооруженнаго мятежника.

Трудно себѣ представить, что думалъ Т. о послѣдствіяхъ своей затѣи. Онъ навѣщалъ плѣнниковъ, приносилъ имъ ѣду, плелъ что-то о большевикахъ, о мирѣ и о братской

любви. Особенно же онъ настаивалъ на томъ, чтобы они сняли съ конфедератокъ орлы и ушли добромъ въ Польшу жить, какъ Христосъ заповѣдалъ.

Т. дорого заплатилъ за свое увлеченіе христіанствомъ. Когда сосѣдніе кордоны узнали, что К-скій кордонъ исчезъ безслѣдно, они не на шутку всполошились, предполагая, что отрядъ вырѣзанъ. Были вызваны войска. Войска же, какъ извѣстно, не любятъ тратить даромъ время. Т. и его сообщникъ были повѣшены. Одинъ за голову, другой за ноги. Одинъ повѣшенъ живьемъ, другого предварительно пристрѣлили. Хотѣли повѣсить въ церкви, но ограничились церковнымъ погостомъ.

Когда главные силы мятежниковъ были уничтожены, каратели обрушились на сочувствующихъ. Распознавали ихъ по географическому и по генеологическому признаку. Больше всѣхъ должны были сочувствовать родственники и сосѣди.

Мѣсяца два послѣ К-ского мятежа мнѣ пришлось быть въ селѣ С. Разказы крестьянъ о пальбѣ изъ пулеметовъ поверхъ стоявшей на колѣняхъ толпы, о вытаскиваніи изъ постелей больныхъ тифомъ, о поголовномъ сѣченіи «такъ, что куски мяса отрывались», о подвѣшиваніи мужчинъ и, женщинъ на «трехъ узлахъ», (на шеѣ и на рукахъ) о томъ, что подвѣшиваемый долженъ былъ самъ взлѣзть на дерево, привязаться и сброситься — не поддается передачѣ. При мнѣ еще въ этомъ селѣ лежали люди на животахъ и медленно погибали.

— «Спина и задъ гніютъ», объясняли крестьяне.

— Покроешь его тонкой холстинкой, иначе больно и горитъ тѣло, —разсказывала баба — лежитъ, бѣдака, на животѣ и молчить, — смерти ждать.

Кстати: одного изъ молчаливыхъ мятежниковъ села С. родные попытались отвезти въ больницу. Врачъ, осмотрѣвъ больного, поинтересовался причинами столь необычайныхъ поврежденій; узнавъ же о нихъ, отказалъ больному въ пріютѣ...

Май—іюнь. Хуторъ—Варшава.

Їздилъ въ уѣздный городъ. Обѣщано разрѣшеніе на проѣздъ въ Варшаву. Пришлось лгать — какъ бывало, на жандармскихъ допросахъ. Вижу, что не вѣрятъ, — но рады избавиться отъ лишняго свидѣтеля.

Съ утра — пулеметная стрѣльба. Жандармы обстрѣливаютъ непокорное село по сосѣдству — отказались крестьяне дань платить.

Попытка легально бороться съ жадармеріей. Данныя о звѣрствахъ переданы уѣзднымъ властямъ. Пріѣхала слѣдственная комисія — грозитъ намъ тюрьмою или концентраціоннымъ лагеремъ за опороченіе добраго имени республиканскихъ польскихъ войскъ. Показанія крестьянъ были робки, но даже ихъ робость не могла скрыть происходящаго.

Комиссія уѣхала, а ударъ пришелся по крестьянамъ. Жандармы, пройдясь по селу ураганомъ, возстановили справедливость. Арестовали откупившихся воровъ. Отобрали дорого оплаченныхъ, брошенныхъ проходившими арміями лошадей. Конфисковали «самовары» у винокуровъ. Преслѣдованія же «мирныхъ» крестьянъ удвоили.

День на день, преступленіе на преступленіе. Не передать главного: крестьянскихъ лицъ, ихъ глазъ, ихъ вопросовъ и обиды. И ихъ, въ трудныя минуты, душевной тишины.

Тяжела эта тишина. Есть въ ней скотскій сонъ, въ ней же медленно копятъ силы для доброй мести. Но она не отъ сегодняшняго и не отъ вчерашняго дня. Это — память о тѣхъ вѣкахъ — да, вѣкахъ, а не годахъ — когда месть и иная вольная жизнь были за горами, не мечталось о нихъ и не шепталось, какъ шепчется нынѣ за работою, на завалинкѣ, на церковномъ погостѣ или у насъ, въ школьной комнатѣ, въ трехъ шагахъ отъ нашихъ властителей, разорившихъ школу и загнавшихъ насъ въ дальній уголъ. Это — память объ обреченности многихъ поколѣній. Вотъ о такой простой, будничной обреченности подъ кнутомъ и пощечиной, подъ плевкомъ и грабежомъ. И когда-то еще травили псами и рубили уши.

День на день — и намъ, отрѣзаннымъ отъ привычной жизни интеллигентамъ, приходится учиться крестьянскимъ тишинѣ и молчанію. Правда, инымъ. Тамъ больше памяти о прошломъ, чѣмъ у насъ, а здѣсь обреченные — мы сами, мы и наши полузаброшенные, дичающія дѣти. Чѣмъ труднѣе жить, тѣмъ тѣснѣе жмемъ мы къ деревнѣ, къ крестьянскому міру. Иногда онъ предаетъ насъ, иногда отталкиваетъ — въ минуты, когда нужна отъ него духовная работа и слово; когда же сочувствіе, пассивная стойкость и тепло — онъ съ нами, этотъ ласковый міръ; въ дни бѣды онъ даетъ кровь, несетъ хлѣбъ, полотно одѣтъ дѣтей, лепешку и медъ побаловать ихъ. Но отступаетъ, если мы требуемъ отъ него — и для него, и для себя — непримиримости и сознательнаго выбора. Крестьянскій міръ будетъ долго скрипѣть, иногда подличать — и вдругъ вырѣжетъ непріятельскій отрядъ, сожжетъ родное село, разбредется и сгинетъ. Мы едва ли станемъ рѣзать, но не будемъ и подличать. И въ этой обыденности — мы вѣрнѣе крестьянскому міру, чѣмъ онъ намъ. Но

онъ не виноватъ, предавая. Его бьютъ и заушаютъ каждый день, насъ — развѣ посадятъ въ тюрьму. Для него это — существенно. Ибо въ этомъ различіи, въ этой привилегіи — напоминаніе о томъ, что на насъ грѣхи отцовъ. Наслѣдіе нашихъ надъ нимъ насилій, прошлая наша вольная жизнь, — которой онъ никогда не зналъ, безъ ига будничности, безъ колодцевъ безправія.

Мы — деклассированы, у насъ нѣтъ ни кола ни двора. Но съ точки зрѣнія крестьянскаго міра, — это добровольно, по выбору, и потому не въ счетъ, и потому мы все-таки — чужіе. Жандармы, власти, польская панцизна насъ ненавидитъ. Мы строго держимъ свой маленькій охранительный фронтъ между крестьянствомъ и насильниками. Каждая развѣдка отътуда намъ радость и надежда. Но мы знаемъ отчетливо и твердо: когда придутъ наши — въ сумятицѣ военной это можетъ всѣмъ намъ стоять жизни. Ибо мы по рожденію — паны. И этого не смѣть. Это не важно въ городѣ, за рабочимъ столомъ — все равно писателя или токаря, врача или механика. Но деревня нашей работы не знаетъ и не цѣнитъ — вотъ, развѣ только врача — деревня памятлива на грѣхи отцовъ и несправедлива — ибо вѣдь мы-то не виновны ни въ чемъ...

Мы не дѣйствены. Мы увѣренно говоримъ съ крестьянами, ибо знаемъ многое, но не потянемся къ власти, когда придутъ наши, можетъ быть именно потому, что многое знаемъ. Не поможетъ намъ то, что нашъ докторъ лежитъ въ сыпномъ тифу, послѣ двухъ зимнихъ и лѣтнихъ эпидемическихъ кампаній одинъ на одинъ съ темной округой. Не важно и то, что мы едва отходили сестру милосердія, и что она снова днемъ и вечеромъ мѣситъ въ пудовыхъ «семейныхъ» сапогахъ полуаршинную грязь — послушать пульсъ, улыбнуться, снять густоналипшихъ вшей съ темнаго пролежня или отнести молока туда, гдѣ всѣ взрослые лежатъ въ повалку. Неважно. Надо, наконецъ, понять, что то, что дѣлается ради заслуги, уже не приносить даже и этой жалкой

заслуги. Что заслуги нѣтъ. Надо понять, что если хоть на секунду залетѣла въ сердце мысль о ней, то судьба тѣмъ громче напомнить — о грѣхахъ отцовъ...

У насъ обыски. Жандармы стали необычайно грубы. Искали — автомобиль въ стогу сѣна! Разрыли тесаками полъ. Подозрительный выстрѣлъ пробилъ дверь моей комнаты. Слѣдятъ за приходящими къ намъ крестьянами.

Мнѣ дали знать, что жандармы хотятъ инсценировать заговоръ. Называютъ наши имена и имена наиболѣе близкихъ намъ крестьянъ.

Мы стали добиваться вторичнаго слѣдствія. И добились. Результаты тѣ же. Еще одинъ приступъ озвѣренія. Опять рытье половъ и безпричинная пальба пачками вокругъ дома — предостереженіе. На этотъ разъ нервы не выдержали. Я далъ себѣ слово не добиваться больше легальными путями улучшенія условій жизни. Сжегъ изъ опасенія болѣе тщательныхъ обысковъ наши московскіе документы и грамоты. И сталъ лихорадочно готовиться къ отъѣзду. Какъ въ тюрьмѣ — сны о побѣгѣ. Надо было спастись, если не отъ жандармовъ, то отъ собственного разложенія.

Человѣку надо себя истратить, и с т р а т и т ь с я — сказалъ кто-то изъ русскихъ писателей. Тогда отпадетъ грузъ несовершеннаго. Станетъ легко творить.

Мы истрачиваемся — поляки копятъ — ибо ихъ скотская, разбойничья, паразитарная жизнь есть накопленіе Я. Кто кого переживаетъ? И если они насъ, то можетъ ли этимъ переживаніемъ что-либо быть доказано?

Ихъ угнали. На фронтъ. Подъ Кіевомъ что-то случилось. Сегодня вдругъ снова донесся до насъ глухой подземный гулъ, а иногда суше и раздѣльнѣе становились удары.

Чистимъ школу, развели костеръ на лугу. Дѣти и взрослые точно опьянѣли отъ радости. Докторъ — едва живой послѣ сыпняка — опираясь на костыль подошелъ къ костру, взглянулъ на бѣлую въ цвѣту вишневую аллею и сладко, слабо улыбнулся на солнце.

Паспортъ полученъ. Ёду.

То же, что при выходѣ изъ тюрьмы. Жаль остающихся и стыдно передъ ними; страшно воли; нѣжность къ стѣнамъ.

Кременецъ, Львовъ, Варшава. Унизительные и трудные хлопоты о паспортѣ. Много пришлось лгать и притворяться, пока на глянцеви́тый кусо́къ карто́на съ украинскимъ гербомъ была поставлена четырехугольная печать польскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Докладъ въ сеймовой фракціи П. П. С. — о волынскихъ дѣлахъ. Депутаты вздыхали — и все. Они безсильнѣе, чѣмъ думалось. Да и кто не безсиленъ въ этой странѣ опереточныхъ кулисъ и опереточныхъ героевъ?

Бесѣды съ украинцами. Медлительный и разочарованный Р. въ прессбюро — онъ во многомъ мнѣ помогъ. У министра Левицкаго — тоже о Волыни. Не министръ — либеральный земець. Знаетъ, что творится, но, какъ и П. П. С., безсиленъ — надъ головою проносятся событія...

.

Перебирая въ памяти видѣнное, я все меньше понимаю, какъ можно идти самому или звать чужихъ противъ своего народа и своей революціи? Если же звать чужихъ, то надо

и самому итти. Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы кое-кому изъ радѣтелей народныхъ не стать во главѣ небольшого отряда солдатъ съ аксельбантами и въ ловкихъ конфедераткахъ, и не заглянуть съ «пугою» — свинчаткою въ рукахъ, откуда у мужика ноги растутъ и какого цвѣта у него, подлеца, кровь? Или отчего не выпросить у французовъ — французы дадутъ — дивизию жизнерадостныхъ сингалезовъ или кафровъ и не промчатся съ ними по взгорьямъ Крыма, по степямъ Херсонщины?...

Раздѣлила, жестоко раздѣлила русскихъ людей октябрьская революція. Да и не только русскихъ. За то, что столько фольги перегорѣло въ ея огнѣ — пусть славится въ вѣкахъ ея имя...

Сестра милосердія наша, избалованная когда-то и не знавшая, что такое трудъ, во время войны и революціи исподволь подошла къ какой-то грани. Въ деревнѣ она не то, чтобы опростилась, но сосредоточилась, и когда я примѣрялъ къ принятымъ схемамъ ея простыя рѣчи, выходило, что стала она аскетической христіанкой-коммунисткой, уравнильницей, скупой, всѣмъ по справедливости отмѣряющею житейскія блага.

Болѣе года тому назадъ нѣсколько озорниковъ изъ проходившей черезъ село банды схватили сестру и ея дѣтей и поставили подѣ прицѣлъ, пока другіе, не желая пачкаться женской кровью, грабили домъ и уничтожали библіотеку. Крестьяне спасли приговоренныхъ, тихонько оттѣснили, увели задами села и посадили «въ коноплю», классическое для Волины мѣсто пересиживанья опасности.

Моросилъ дождь, жались дѣти, со стороны усадьбы слышались рѣдкіе выстрѣлы, гремѣли на шляху желѣзнымъ ходомъ телѣги.

— И вдругъ — рассказывала нерѣчистая сестра — хоть и дождь и дѣти жалкія, нашла на меня радость; — слава Богу, у насъ теперь ничего нѣтъ, мы,

какъ всѣ, можно сызнова начинать жизнь!

И я перестала бояться.

Вотъ пограничная черта. Самопреодоленіе. Эта революція — въ духѣ народа. Кто этого не понималъ, — тотъ не увидитъ ничего, кромѣ хаоса и преступленій. Въ дѣлахъ ея, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, могутъ быть ошибки и ложь. Но не въ ея изначальныхъ родникахъ. Они — въ глубинахъ земныхъ, гдѣ холоднѣе надземной вода и горячѣе надземнаго огонь. Оттого такъ больно нести бремя ея требованій. Однимъ — нищета, другимъ — власть, третьимъ — смерть, четвертымъ — искушенія, пятымъ — грязь, шестымъ — работа въ потѣ лица безъ признанія, седьмымъ — разочарованія, восьмымъ — проклятіе, девятымъ — мученія совѣсти, десятымъ — мелкія радости повседневности. А инымъ — мертвыя заткнутыя перинами норы европейскихъ столицъ. Но не спасутся и эти.

Странное наше время, странныя дѣла его и стеченія судьбы — личныхъ и общественныхъ. Смотрѣть бы, взвѣшивать и запоминать безъ конца. И помнить объ одномъ — о самопреодоленіи. Ибо давно вѣдь сказано о горчичномъ зернѣ, что судьба его — умереть и прорасти — послѣ смерти.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
RUSSISCHE BÜCHERZENTRALE „OBRASOWANIJE“ G. M. B. H.
BERLIN, NÜRNBERGERSTRASSE 65.